
Дацышен Владимир Григорьевич
Чегодаев Антон Борисович

Красноярск
Сибирский федеральный университет

Архимандрит Петр (Каменский)

Москва - Гонконг, 2013

Авторы и издатели настоящей книги выражают
признательность и благодарность за молитвенную
и материальную поддержку

Епископу Городецкому и Ветлужскому Августину (Анисимову)

Байковой Ольге Николаевне
Ерикову Ивану Михайловичу
Жирякову Александру Сергеевичу
Клочай Виктору Владимировичу
Основину Алексею Николаевичу
Полякову Дмитрию Николаевичу
Полякову Николаю Федоровичу
Тарасову Юрию Игоревичу
Труфанову Виктору Алексеевичу
Гоголеву Роману Александровичу

— землякам архимандрита Петра (Каменского),
без помощи которых настоящее издание едва ли оказалось
бы возможным

Содержание

В. Г. Дацышен, А. Б. Чегодаев
Архимандрит Петр (Каменский). – М.; Гонконг: Братство святых первоверховных апостолов Петра и Павла, 2013. – 360 с.

Монография красноярских историков-востоковедов В.Г. Дацышена и А.Б. Чегодаева продолжает серию публикаций по истории Российской Духовной Миссии в Китае. Предлагаемая читателю работа посвящена жизненному пути и трудам главы X Миссии архимандрита Петра (Павла Ивановича Каменского). Описываемый период вместил в себя несколько эпох истории Российской империи и Цинского Китая, начиная с «золотого века» Екатерины и Цяньлуна, и до времен Николая I и Опиумных войн. В работе исследуются различные вопросы и проблемы истории русской востоковедной науки и образования, православного миссионерства, русско-китайских отношений и проч. Работа написана на основе сохранившегося в рукописях архивного наследия архимандрита Петра, неопубликованных документов и редких изданий XVIII–XIX вв. Жизненный путь и труды выдающегося ученого-востоковеда, государственного деятеля, православного миссионера дают пример высокого профессионализма, высочайшей самоотдачи в трудах, любви и искренности в служении.

Авторы: **Дацышен Владимир Григорьевич**, доктор исторических наук, профессор, Сибирский федеральный университет

Чегодаев Антон Борисович, кандидат исторических наук, Сибирский федеральный университет

ISBN 978-5-900249-42-1

© В. Г. Дацышен, А. Б. Чегодаев, 2013

© Братство святых первоверховных апостолов Петра и Павла, 2013

Введение	7
Глава I. П. И. Каменский – в начале пути	21
1.1. Истоки.....	23
1.2. Семинария.....	26
1.3. Учитель в Балахне.....	31
1.4. Московский университет.....	34
1.5. Воспитатель в Петербурге.....	39
Глава II. Ученик VIII Российской духовной миссии в Пекине	43
2.1. Православная миссия в Пекине.....	45
2.2. Организация VIII Миссии.....	59
2.3. Проблемы Миссии в Пекине в конце XVIII в.	74
2.4. Становление синолога.....	89
2.5. Первый опыт работы в Пекине.....	100
Глава III. Служба в Санкт-Петербурге	121
3.1. Служебная карьера.....	123
3.2. Переводы и исследования по истории и культуре Китая....	138
3.3. Словари Каменского.....	145
3.4. Анализ опыта истории Пекинской миссии.....	155
3.5. Проблемы организации новой Миссии в Китае.....	163
3.6. Формирование нового состава Миссии.....	170
Глава IV. Во главе Миссии в Пекине	181
4.1. В Сибири.....	183
4.2. По Монголии.....	194
4.3. Первые дни в Пекине.....	201
4.4. Архимандрит Петр и архимандрит Иакинф.....	216

4.5. Благоустройство Миссии	224
4.6. Миссионерская работа.....	234
4.7. Изучение Китая.....	246
4.8. Архимандрит Петр и его подчиненные	264
Глава V. Последние годы земной жизни	277
5.1. Возвращение на родину.....	279
5.2. В Петербурге	293
5.3. В Городецкой Феодоровской обители.....	305
Заключение.....	319
Источники и литература.....	325
Архивные фонды	327
Документы, дневники, мемуары и работы современников	328
Исторические исследования	332
Иллюстративный материал.....	345

Введение

Два с половиной века назад в самом сердце России, на Нижегородчине, родился архимандрит Петр (Павел Иванович Каменский)¹, положивший начало современной российской синологии и вставший у истоков православного миссионерства в Китае. Святитель Петр своими трудами возродил Российскую духовную миссию в Пекине, вдохнул в нее новую жизнь. Православный миссионер поднял русское китаеведение до академического уровня, вошел в элиту мировой науки и стал первым русским синологом с мировым признанием. Трудом архимандрита Петра (Каменского) выстроен фундамент «золотого века» русского китаеведения, а значит, всего современного российского востоковедения.

Имя члена-корреспондента Императорской Академии наук и главы Российской духовной миссии в Пекине было хорошо известно научной общественности в XIX в. Вклад архимандрита Петра (Каменского) в науку и развитие русско-китайских отношений был отмечен уже в первых работах (изданных еще при его жизни) по истории отечественного китаеведения и истории Пекинской миссии. В 1822 г., когда архимандрит Петр (Каменский) только прибыл в Пекин во главе X миссии, в журнале Г. И. Спасского «Сибирский вестник» была опубликована статья по истории Российской духовной миссии в Китае², в которой была отражена деятельность ученика Миссии П. И. Каменского и подробно показан состав X миссии. О работах «бывшего переводчика Каменского» говорится в опубликованной в 1825 г. в журнале

¹ 长员学师 彼得 (帕维尔 伊万诺维奇 卡姆斯基).

² О начале торговых и государственных сношений России с Китаем и о Духовной миссии в Пекине // Сибирский вестник. 1822. Ч. 19.

Г. И. Спасского «Азиатский вестник» статье А. Ф. Рихтера «О состоянии Восточной Словесности в России»³.

В середине XIX в., сразу после смерти архимандрита Петра (Каменского) его имя оказалось «в тени» ставшего популярным в русском обществе синологом отца Иакинфа (Бичурина). В опубликованной в 1856 г. в «Русском вестнике» статье были такие слова: «Преимником о. Иакинфа в Пекине был о. Петр Каменский, также трудолюбивый и знающий синолог, оставивший по себе много трудов в рукописи; напечатан был из его трудов едва ли не один только «Каталог китайским и японским книгам, в библиотеке императорской академии наук хранящимся (1818)»⁴.

Начало следующего этапа истории изучения личности и трудов архимандрита Петра (Каменского) было связано с юбилеем Пекинской миссии. Магистр Казанской духовной академии А. Ф. Можаровский⁵ писал:

«В виду наступающего 200-летия существования Пекинской духовной миссии настоящий начальник ее о. архимандрит Амфилохий поручил члену миссии иеромонаху Николаю Адоратскому озаботиться составлением Исторической записки о Пекинской духовной миссии... Желая с своей стороны посильно пособить благому делу... я решил обнародовать имеющиеся у меня под рукой рукописные документы, относящиеся до Пекинской миссии с 1819 по 1831 год»⁶.

³ [Рихтер] А. П. О состоянии Восточной Словесности в России // Азиатский вестник. 1825. №8. С. 113.

⁴ Савельев П. Восточные литературы и русские ориенталисты // Русский вестник. 1856. Т. 3. Кн. 1. С. 37.

⁵ Можаровский Аполлон Федорович (1846–1907).

⁶ Можаровский А. К истории нашей духовной миссии в Китае // Русский архив. 1886. Кн. 2. С. 405–406.

Во всех последующих работах по истории Пекинской миссии, включая церковно-историческое исследование о. Николая (Адоратского)⁷ «Православная миссия в Китае за 200 лет ее существования», указывалось на вклад архимандрита Петра (Каменского) в развитие русского китаеведения.

В обобщающей работе по истории русских зарубежных православных миссий утверждалось, что именно с X Миссии, возглавляемой «архимандритом Петром, человеком весьма образованным и деятельным», начался новый этап истории Пекинской миссии⁸. Писали о трудах архимандрита Петра (Каменского) иеромонах Алексий (Виноградов)⁹, магистр В. В. Миротворцев¹⁰, молодой дипломат И. Я. Коростовец¹¹. В стенах Российской духовной миссии в Пекине под общим руководством епископа Иннокентия (Фигуровского)¹² и, вероятно, при уча-

⁷ Епископ Николай (Адоратский Петр Степанович, 1849–1896). Воспитанник Казанской духовной академии, член XVI и XVII Духовных миссий в Пекине. В 1890 г. хиротонисан во епископа.

⁸ Архангелов С. А. Православная миссия в Китае // Архангелов С. А. Наши заграничные миссии. СПб., 1899. С. 26.

⁹ Алексий (Виноградов Александр Николаевич, 1845–1919). Воспитанник Санкт-Петербургской духовной семинарии, член XVI и XVII Духовных миссий в Пекине.

¹⁰ Миротворцев Василий Васильевич (1838–1891). Воспитанник Санкт-Петербургской духовной академии, был преподавателем Казанской духовной академии по кафедре всеобщей гражданской истории, потом кандидатом монголо-калмыцкой словесности, магистром богословия и экстраординарным профессором Казанской духовной академии.

¹¹ Коростовец Иван Яковлевич (1862–1933). Воспитанник Императорского Александровского лицея, в 1890–1894 гг. был вторым секретарем дипломатической миссии в Пекине, позднее занимал пост российского посланника в Китае.

¹² Иннокентий (Фигуровский Иван Аполлонович, 1863–1931). Воспитанник Санкт-Петербургской духовной академии, глава XVIII Духовной миссии в Пекине, митрополит Пекинский и Китайский.

стии архимандрита Авраамия (Часовникова)¹³ была написана «Краткая история Русской православной миссии в Китае»¹⁴, подытожившая русскую дореволюционную историографию вопроса. На исходе XIX в. увидела свет и первая статья, специально посвященная личности и трудам архимандрита Петра (Каменского)¹⁵.

В советской исторической науке интерес к наследию архимандрита Петра (Каменского) исчез не сразу. Об этом в частности свидетельствует «Записка проф. В. Л. Котвича о дневнике Петра Каменского» от 20 сентября 1920 г., начинающаяся словами:

«Академик С. Ф. Платонов передал мне для рассмотрения прилагаемую при сем рукопись, которую он получил от Михаила Александровича Бутлерова, сына известного профессора»¹⁶.

В последующих «официальных» работах на протяжении почти всего советского периода удавалось «не замечать» не только вклад архимандрита Петра (Каменского) в науку, но и вообще факт его существования. Например, в книге по истории Академии наук можно прочитать:

¹³ Авраамий (Часовников Василий Васильевич, 1864–1918). Выпускник Императорской Академии художеств и Петербургского Археологического института, окончил в Казани миссионерские курсы по монгольскому отделению. Член XVIII Миссии в Пекине.

¹⁴ Краткая история Русской православной миссии в Китае, составленная по случаю исполнившегося в 1913 г. 200-летнего юбилея ее существования. Пекин, 1916.

¹⁵ *Можаровский А. Ф.* Архимандрит Петр Каменский // Русская старина. 1896. Кн. 2. С. 317–342. Кн. 3. С. 585–609. Кн. 4. С. 97–108.

¹⁶ [Котвич] Записка проф. В. Л. Котвича о дневнике Петра Каменского // ИРАН. 1920. Сер. VI. № 1–18. С. 151.

«Представителями востоковедения в 30–50-е годы XIX в. были академики Х. Д. Френ, Я. И. Шмидт, М. И. Броссе, О. Н. Бетлингк... Почетное место занимают работы известного китаеведа... члена-корреспондента Н. Я. Бичурина. Его работы... имели первостепенное значение для развития отечественного востоковедения и не утратили значения до наших дней»¹⁷.

Но отечественные историки успешно скрывали от общестественности тот факт, что еще в 1819 г., почти на 10 лет раньше архимандрита Иакинфа (Бичурина), членом-корреспондентом Академии наук был избран китаевед Петр (Каменский).

В советской историографии лишь китаеведы упоминали имя архимандрита Петра (Каменского) в связи с историей образовательной, научной и дипломатической деятельности Пекинской миссии в XVIII — первой пол. XIX вв. Здесь необходимо отметить фундаментальное исследование П. Е. Скачкова¹⁸ «Очерки истории русского китаеведения». Что касается трудов, специально посвященных личности и трудам архимандрита Петра (Каменского), то можно назвать лишь небольшую публикацию начинающего тогда путь в науку известного сегодня историка-китаеведа А. Н. Хохлова¹⁹.

¹⁷ *Комков Г. Д., Левшин Б. В., Семенов Л. К.* Академия наук СССР. Краткий исторический очерк. Т. 1. 1724–1917. Изд. 2-е. М., 1977. С. 243–245.

¹⁸ Скачков Петр Емельянович (1892–1964). Воспитанник Петербургской восточной академии, военный советник в Китае, научный сотрудник Ленинградского отделения Института востоковедения РАН.

¹⁹ *Хохлов А. Н.* П. И. Каменский и его труды по истории Китая // Конференция аспирантов и молодых научных сотрудников ИВ АН СССР. М., 1970. С. 139–140.

В конце XX в. в русском обществе резко возрос интерес к истории Российской духовной миссии в Китае. В современной российской историографии за прошедшие два десятилетия было опубликовано несколько обобщающих работ по истории Пекинской миссии²⁰. Многие сюжеты истории Российской духовной миссии в Китае нашли отражение в многочисленных публикациях историка-китаеведа А. Н. Хохлова и других исследователей²¹. В работах ведущих специалистов по истории Пекинской миссии появляются такие замечания:

«Среди тех, кто активно выступал за преобразование РДМ, был переводчик Азиатского департамента МИД России Павел Иванович Каменский»²².

Тем не менее, и в ряде последних публикаций по истории Миссии по-прежнему имя архимандрита Петра (Каменского) упоминается не всегда, временами забывают упомянуть имя выдающегося китаеведа и при обращении к истории российской синологии. В конечном итоге, до сих пор так и не появилось ни одной обобщающей работы, специально посвященной жизни и тру-

²⁰ Поздняев Дионисий, свящ. Православие в Китае. М., 1998. Ломанов А.В. Христианство и китайская культура. М., 2002; Иванов Петр. Из истории христианства в Китае. М., 2005; Бэй-гуань: Краткая история Российской духовной миссии в Китае/Сост.Б. Г. Александров. М., 2006; Дацзышен В.Г. История Российской Духовной Миссии в Китае. Гонконг, 2010.

²¹ В.С. Мясников, С.Г. Андреева, А.И. Ипатова, К.Б. Кепинг, Т.А. Пан, С.А. Шубина, Н.А. Самойлов, А.Н. Хохлов.

²² Ипатова А. С. Важный документ в истории Российской духовной миссии в Китае (начало XIX в.) // В потоке научного творчества. М., 2011. С. 265.

дам архимандрита Петра (Каменского), за исключением единственной статьи О. В. Шаталова²³.

Обойденный вниманием российских исследователей архимандрит Петр (Каменский) оказался слабо представленным и в зарубежной историографии. Например, его имя не упоминается в фундаментальном исследовании Лю Сяомэна «Знаменное общество Пекина в период династии Цин», где в параграфе «Русские знаменитые» выделен специальный пункт «Русские и православие»²⁴. Китайские русисты, специалисты по истории Пекинской Миссии до сих пор не представляют себе вклада архимандрита Петра (Каменского) в историю русской синологии.

Таким образом, за прошедшие два без четверти века в российской науке не появилось ни одной книги, посвященной жизни и трудам первого избранного членом-корреспондентом Санкт-Петербургской Академии наук русского китаеведа, бывшего одним из самых деятельных православных миссионеров. На каждом из трех этапов развития отечественной исторической науки появилось лишь по одной статье, а в обобщающих работах внимание, уделяемое архимандриту Петру (Каменскому), явно не соответствовало масштабам его личности.

Отсутствие специальных трудов о П. И. Каменском выглядит несколько странно, если учесть, что в отечественной историографии не раз отмечалась исключительная роль архимандрита Петра (Каменского) в истории русского китаеведения. В опубликованном в начале XX в. историческом очерке Е. К. Ножина «Христианство в Китае» отмечалось:

²³ Шаталов О.В. Архимандрит Петр (Каменский) и Десятая Российская Православная миссия в Пекине // Исторический вестник. 2000. №2 (6). С. 203–218.

²⁴ Лю Сяомэн. Циндай Бэйцзин цижень шэхуэй [Знаменное общество Пекина в период династии Цин]. Бэйцзин, 2008. С. 487–494.

«Первого декабря 1820 г. во главе десятой духовной миссии прибыл в Пекин начальник архимандрит Петр Каменский. Это было начало новой эры в истории молодой китайской православной церкви»²⁵.

Известный советский китаевед П. Е. Скачков писал:

«Деятельнейший век начинается второй этап пекинского периода в изучении Китая в России. Начало этому положил Павел Иванович Каменский (1765–1845) ...»²⁶

Основные «претензии» к архимандриту Петру (Каменскому) были озвучены уже в XIX в. и нередко повторяются сегодня. Российский дипломат И. Я. Коростовец писал:

«В противоположность своему предшественнику арх. Петр не любил ни Китая, ни его жителей и ко всем местным порядкам относился отрицательно»²⁷.

Однако здесь стоит отметить, что И. Я. Коростовец вообще не любил «академизм» русских синологов, а первые годы своей службы в Китае молодой дипломат крайне критично оценивал всех русских деятелей там и сам написал:

²⁵ Ножин Е. К. Христианство в Китае // Историческая летопись. 1914. №1. С. 20.

²⁶ Скачков П. Е. Рукописное наследие русских китаеведов и его значение в истории русского китаеведения // И не распалась связь времен... М., 1993. С. 41.

²⁷ Коростовец И. Русская духовная миссия в Пекине // Русский архив. 1893. №9. С. 71.

«В молодые годы я был очень склонен к критике»²⁸.

Современные исследователи по-прежнему «ставят в вину» о. Петру (Каменскому) его убежденность в том, что главной задачей христианских миссионеров и является собственно миссионерская деятельность:

«О его недооценке китайской культуры говорит и то, что главной задачей прибывающих в Китай христиан он считал распространение “единолично правильной” христианской религии»²⁹.

Но такие недостатки можно считать и достоинствами этого исторического деятеля. В первой пол. XIX в. не только научное познание, но и общественно-политическое развитие нуждалось в критическом осмыслении китайского опыта.

Уже в сер. XX в. П. Е. Скачков писал:

«П. И. Каменский по характеру был полной противоположностью И. Бичурину: мягкий по натуре и во второй половине своей жизни глубоко религиозно настроенный, он был добросовестным и честным человеком, отличался особым трудолюбием и оставил после себя много рукописных трудов, которые при своевременной их публикации могли бы сделать честь русскому китаеведению...»³⁰

²⁸ Нестерова Е. И. Воспоминания И. Я. Коростовца как источник по истории Русской Миссии в Пекине (1890-е гг.) // <http://www.bgpu.ru/site/content/kafs/kitae/russiaandchina/2012.html>

²⁹ Ларичев В. Е., Пиков Г. Г., Тюрюмина Л. В. Юаньский проект // Восточная коллекция. 2006. №3 (26). С. 52.

³⁰ Скачков П. Е. Рукописное наследие русских китаеведов и его значение в истории русского китаеведения // И не распалась связь времен... М., 1993. С. 41.

Тем не менее, современные исследователи справедливо отмечают:

«Однако и по сей день обстоятельства жизни этого ученого, пастыря и миссионера, его вклад в становление и развитие отечественного востоковедения не в полной мере выявлены и раскрыты нашими учеными»³¹.

Сохраняющаяся на протяжении почти двух столетий ситуация, когда представители российской науки почти не занимаются изучением личности и трудов архимандрита Петра (Каменского), выглядит странной и нетерпимой на фоне богатейшего документального наследия этого ученого и миссионера. Еще патриарх российского университетского китаеведения В. П. Васильев отмечал:

«... так об архимандрите Петре Каменском, бывшем в Пекине лет семнадцать, с 1790 по 1807 год, студентом, а потом с 1820 по 1830 архимандритом, рассказывают, что он представил целые мешки своих записок, извлечений, переводов. Но кто их читал, и где они теперь?»³²

Рукописные труды П. И. Каменского, явившиеся результатом почти пятидесятилетних трудов его, сегодня разбросаны по многочисленным архивохранилищам России — от Петербурга до Красноярска.

³¹ Шаталов О. В. Архимандрит Петр (Каменский) — начальник 10-й Российской Духовной Миссии в Пекине // Православие на Дальнем Востоке. Вып. 3. СПб., 2001. С. 85.

³² Васильев В. Воспоминание об И. И. Захарове // Журнал Министерства народного просвещения. 1885. Ноябрь.

Справедливости ради необходимо отметить и тот факт, что за прошедшие два столетия архивное наследие архимандрита Петра (Каменского) раскрывало свои тайны немногочисленным исследователям непросто. Написанные трудно разборчивым почерком, местами уже совсем не читаемые из-за выцветших чернил, документы и материалы с неохотой приоткрывают завесу «тайны Петра (Каменского)». Документы не раз «переезжали» из города в город, не раз терялись и находились. Например, дневники архимандрита Петра за 1832–1842 гг. до 1931 г. хранились в Нижнем Новгороде, но затем были переданы в Санкт-Петербург³³. Дневники и материалы более раннего периода, собранные еще в первой пол. XIX в. известным ученым и издателем Г. И. Спасским, вообще попали в Центральную Сибирь, будучи приобретены знаменитым красноярским купцом Г. В. Юдиным. В составе Юдинской коллекции материалы архимандрита Петра (Каменского) после революции 1917-го г. попали сначала в музей Приенисейского края (Красноярский краевой музей), а затем — в Государственный архив Красноярского края. При этом долгое время материалы Г. И. Спасского из коллекции Г. В. Юдина считались утраченными, но в 1951 г., при разборе не описанных документов из этой коллекции вновь были найдены.

В основу данной работы было положено неопубликованное рукописное наследие архимандрита Петра (Каменского), которое можно систематизировать следующим образом: 1) сочинения, 2) дневниковые записи, 3) переводы китайских произведений, 4) словари и лексиконы, 5) делопроизводственная документация, 6) письма.

³³ Хранители документальной памяти. Нижегородская архивная служба... / Сб. док. Нижний Новгород, 2009.

Но не меньшее значение для изучения личности и трудов архимандрита Петра (Каменского) имеют и другие документы, такие как делопроизводственная документация той эпохи, документы личного происхождения всех, кто был каким-либо образом связан с этим миссионером и ученым. Документы делопроизводственного характера, отражающие историю X миссии, собирались и публиковались уже в XIX в.³⁴ В различных архивохранилищах России хранятся дневники и другие материалы личного происхождения самого архимандрита Петра (Каменского). До нашего времени сохранились письма к архимандриту от православных китайцев, русских миссионеров, китайских и российских чиновников. Комплекс архивных документов наряду с трудами отечественных синологов позволяет восстановить жизненный путь выдающегося миссионера и ученого — архимандрита Петра (Каменского).

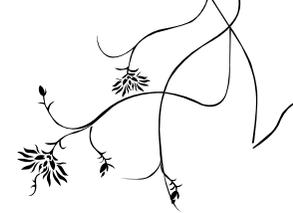
Говоря о принципах и методологических подходах, которые вполне уместно положить в основу книги об архимандрите Петре (Каменском), можно ограничиться выдержкой из работы замечательного русского церковного историка второй пол. XIX в. архимандрита Николая (Адоратского):

«Для определения степени обработки материала считаем нужным заметить, что автор, при строго православной точке зрения, стремился к спокойному и объективному изображению событий и лиц. Он считает положение историка сходным с положением художника-мозаиста, подби-

³⁴ *Миротворцев В. В.* Материалы для истории Пекинской духовной миссии // Православный собеседник. 1888. Сентябрь.

рающего цвета к картине и из отдельных частиц составляющего целостное произведение, которое должно отображать положенную в основу его идею. И автор, при критическом отношении к источникам, подбирает исторические факты, группировал их для исторической картины, стараясь совершенно ступшевать свою личность. Не задаваясь никакими особенными тенденциями и предубеждениями, он желал, чтобы у читателей, при чтении его произведений, получалось ясное впечатление и складывался определенный взгляд на то или иное событие и на ту или другую описываемую личность, равно как на связь их с предыдущими и последующими явлениями и лицами»³⁵.

³⁵ *Николай (Адоратский), архимандрит.* Об источниках Истории Пекинской Духовной Миссии в первый и второй периоды ее деятельности (Речь на коллоквиуме 7 января 1888 г.) / Отдельный оттиск из январской книжки Православного собеседника 1888 г. Казань, 1888. С. 8.

Гл. I.

П. И. КАМЕНСКИЙ – В НАЧАЛЕ
ПУТИ

1.1. Истоки

Выдающийся русский ученый-китаевед и миссионер архимандрит Петр (Павел Иванович Каменский) родился в июне 1765 г. в семье сельского священника недалеко от Нижнего Новгорода.

Традиционно родиной будущего архимандрита Петра называется село Каменка будущего Макарьевского уезда. Однако заслуживает доверия и указание в качестве его места рождения села Лыскова³⁶ того же уезда. Подобные разночтения вполне объяснимы, так как село Лысково расположено было недалеко от Каменки, на другом берегу Волги и, активно разрастаясь, в то время поглощало небольшие окрестные села, к числу которых относилась и Каменка. Последнее находилось на левобережье Волги, чуть ниже Макарьевского монастыря. Основанный еще в XV в. и восстановленный в XVII в. Свято-Троицкий Макарьев Желтоводский монастырь в XVIII в. был не только одной из богатейших русских православных обителей, но являлся важным духовным центром всей земли русской.

Родился П. И. Каменский в интересное время. Во второй половине XVIII в. из Европы до России докатился «китайский бум». «Мода на китайское» в XVIII в. была тесно

---

³⁶ *Тимковский. Е. Ф.* Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 гг. Ч. 1. СПб., 1824. С. 5.

связана с европейским влиянием на русское общество, но отражала реалии и потребности развития российско-китайских отношений. Показательно, что Г. Р. Державин, Н. И. Новиков, А. П. Радищев, Д. И. Фонвизин, А. С. Пушкин и многие другие представители русской элиты не избежали «китайской тематики» в своем творчестве. Правда, вряд ли маленький Павел Каменский мог попасть под прямое влияние «моды на китайское» в свои детские годы в сельской глубинке, но учеба, общение с известными и передовыми людьми своего времени, конечно же, не позволяли избежать воздействия общей атмосферы эпохи.

Будущий архимандрит Петр (Каменский) родился в самом сердце «традиционной России». Место рождения выдающегося ученого и миссионера, несомненно, во многом предопределило его жизненный путь. Нижегородская земля вообще дала стране и миру немало выдающихся ученых, мыслителей, государственных деятелей. Среди них можно назвать и современников архимандрита Петра (Каменского) — гениального инженера И. П. Кулибина, великого математика Н. И. Лобачевского. Здесь же, в Нижнем Новгороде в 1818 г. родился будущий первый университетский профессор-китаевед академик В. П. Васильев.

Нижегородская земля славилась своей знаменитой Макарьевской ярмаркой. Во второй половине XVIII в. она переживала расцвет и была крупнейшей в России. Существует мнение, что Макарьевская ярмарка в XVIII в. вообще была самой большой во всей Европе, но не вызывает сомнения, что именно это место было центром экономической жизни Российской империи. После пожара 1816 г. Макарьевская ярмарка была перенесена в сам Нижний Новгород, но не утратила своего значения.

Не удивительно, что ярмарка на Нижегородчине притягивала не только множество людей из разных областей страны, но и зарубежных гостей. Была эта ярмарка и важнейшим центром всей китайской торговли в России. Именно сюда доставлялись из далекой Кяхты самые разные товары. Можно предположить, что китайские товары на Макарьевской ярмарке способствовали росту интереса нижегородцев к далекой и малоизвестной стране, к китайской культуре.

Говоря о местах, где родился и вырос архимандрит Петр (Каменский), нельзя не вспомнить, что земля эта долгое время была пограничной, и отличали ее дух вольности, сопротивления всякой власти. Сам Макарьев монастырь стоял в устье реки Керженец, бывшей в XVIII в. центром раскольников-старообрядцев. Дух вольности у нижегородцев находил свое проявление в самых разных сферах их деятельности, а традиционный авторитет этого русского края позволял его уроженцам добиваться признания своих идей и поступков. Например, когда в 1875 г. академический совет Казанской духовной академии удостоил степени доктора наук известного церковного историка, нижегородца П. В. Знаменского³⁷, ректор академии архиепископ Казанский Антоний (Амфитеатров) выступил с «особым мнением», заявив, что труд П. В. Знаменского не принадлежит к богословским сочинениям ни по содержанию, ни по направлению. Однако П. В. Знаменского поддержал Св. Синод, вынужденный признать справедливость утверждений

³⁷ Знаменский Петр Васильевич (1836–1917). Воспитанник Казанской духовной академии, профессор Казанского университета и Казанской духовной академии. В 1875 г. удостоен ученой степени доктора церковной истории, в 1892 г. избран членом-корреспондентом Императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности.

нижегородского историка о том, что история Церкви — это история не только иерархов и праведников, но также и религиозной жизни народа российского. Из глубины страны, из народной массы и вышел миссионер и синолог архимандрит Петр (Каменский).

1.2. Семинария

Отец П. И. Каменского был сельским священником Каменской Покровской церкви. Будущий архимандрит Петр, как представитель духовного сословия, получил надлежащее начальное духовное образование. По окончании училища, в 1777 г. Павел Каменский поступил в Нижегородскую духовную семинарию. Она была организована еще в 1721 г. архиепископом Питиримом³⁸ и считается старейшей духовной семинарией в России. Архиепископ Нижегородский и Алатырский Питирим был сподвижником императора Петра Великого³⁹, и именно он первым реализовал на практике идею создания специальных учебных заведений для детей священников — духовных семинарий (рассадников новых знаний)⁴⁰.

Нижегородская духовная семинария начала свою работу в стенах Нижегородского Кремля. В 1743 г. семинария переехала в новое здание, купленное на собственные

³⁸ Архиепископ Питирим (Петр, 1665–1738). Родился в старообрядческой семье, принял монашество, был активным сторонником старообрядчества, но затем стал активным борцом со старообрядческим расколом. В 1719 г. хиротонисан в епископа Нижегородского и Алатырского, с 1730 г. член Св. Синода.

³⁹ *Морохин А. В.* Архиепископ Нижегородский и Алатырский Питирим. Церковный деятель эпохи перемен. Нижний Новгород, 2009.

⁴⁰ От латинского «семинариум» — рассадник.

средства епископом Димитрием (Сеченовым)⁴¹. Именно в этом здании учился П. И. Каменский и все последующие семинаристы, в том числе и будущий Патриарх Московский и Всея Руси Сергей (Страгородский). После введения в 1772 г. должности ректора семинарии первым ректором Нижегородской семинарии стал архимандрит Печерского монастыря Константин (Борковский)⁴².

Павел Каменский поступил в духовную семинарию в то время, когда епархию возглавлял бывший ректор Московской духовной академии Антоний (Зыбелин)⁴³. Незадолго до этого он реформировал и «вдохнул новую жизнь» в Архангельскую духовную семинарию. По прибытии в Нижний Новгород епископ Антоний (Зыбелин) создал по всей губернии сеть духовных училищ и провел преобразования в местной духовной семинарии, введя ряд новых предметов — богословие, философию, математику.

Система обучения в духовных семинариях того времени была основана на классическом образовании с преобладанием гуманитарных дисциплин и развитием в первую очередь письменных навыков, что достигалось написанием сочинений. Этому придавалось важное развивающее значение, успехи в их написании особенно поощрялись, по ним определялось интеллектуальное развитие

⁴¹ Митрополит Димитрий (Сеченов Даниил Андреевич, 1709–1767). Воспитанник Славяно-греко-латинской академии. В 1742 г. хиротонисан в епископа Нижегородского. В 1762 г. совершил обряд коронации Екатерины II.

⁴² Константин (Борковский, Борков, 1725–1773). Воспитанник Киевской духовной академии. С 1767 г. ректор Казанской духовной семинарии.

⁴³ Антоний (Зыбелин Алексей Герасимович, 1730–1797). В 1770 г. был хиротонисан во епископа Архангелогородского и Холмогорского, в 1773 г. был переведен на епископскую кафедру в Нижний Новгород. Архиепископ Казанский (1782–1785).

учеников. Помимо основных дисциплин, словесности, философии и богословия, П. И. Каменский много времени уделял изучению латинского и греческого языков, поэзии, истории, географии и началам математики.

Годы, когда будущий архимандрит Петр (Каменский) учился в Нижегородской духовной семинарии, пришлись на период расцвета этого учебного заведения. Исследователи позднее отмечали:

«За время обучения в ней Павла Каменского она была в особенно блестящем положении благодаря покровительству таких просвещенных и европейски образованных нижегородских иерархов, каковыми были Иоасаф (Заболотский)⁴⁴ и епископ Дамаскин (Руднев)⁴⁵...»⁴⁶

Такие учителя воспитывали в семинаристах тягу к познанию окружающего мира, к путешествиям. В период обучения Павла Каменского впервые в духовной семинарии был введен краткий курс богословия.

Особое влияние на становление личности архимандрита Петра (Каменского), несомненно, оказал епископ Дамаскин (Руднев). Воспитанник Крутицкой духовной семинарии и Московской духовной академии,

⁴⁴ Архиепископ Иоасаф (Заболотский Иван; 1744–1788). Воспитанник Новгородской духовной семинарии. Известен как проповедник и обличитель раскола.

⁴⁵ Епископ Дамаскин (Руднев Дмитрий Семенович; 1737–1795). Воспитанник московской Славяно-греко-латинской академии; получил звание профессора словесных наук и церковной истории; затем был назначен профессором философии в академию. Был ее ректором и архимандритом Богоявленского монастыря.

⁴⁶ *Можаровский А. Ф.* Архимандрит Петр Каменский // Русская старина. 1896. Кн. 2. С. 337.

он получил образование в Геттингенском университете в Германии. Уже будучи ректором Славяно-греко-латинской академии, архимандрит Дамаскин (Руднев) был в числе наиболее известных и передовых ученых России той эпохи. Не случайно этот епископ стал членом Академии наук, а в XVIII в., как известно, русские вообще не часто попадали в число российских академиков. После перевода в 1783 г. рукоположенного накануне во епископа Севского Дамаскина (Руднева) в Нижний Новгород учебные заведения «третьей столицы» России пережили небывалый расцвет. Нижегородский историк-краевед писал:

«Семинария в это время была уже в блестящем положении благодаря толчкам Архиепископа с “Германскими бредыжили в голове” Дамаскина — этот толчок дал закваску семинаристам, что лучшие из них рвались в высшие учебные заведения и особенно в Московский университет, и из них вырабатывались такие типы, каков Каменский, всю жизнь до 80-летнего возраста положивший на изучение и применение инородческих языков к процветанию науки»⁴⁷.

Во времена о. Дамаскина (Руднева) в Нижегородской семинарии был открыт особый богословский класс, одним из первых воспитанников которого стал будущий архимандрит Петр (Каменский). Впервые в семинарии было введено преподавание таких предметов как история и география, началось изучение Священного Писания, для семинаристов организовывались публичные диспуты, вводилась проповедническая практика.

⁴⁷ Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 2222. Оп. 1. Д. 15. Л. 1.

В стенах духовной семинарии Павел Каменский получил первый опыт научной лингвистической работы. Под руководством епископа Дамаскина (Руднева) П. И. Каменский участвовал в составлении своего первого словаря *«на русском, татарском, чувашском, черемисском и мордовском языках на 1000 листах к 15 апреля 1785 г.: порядок слов расположен в нем по алфавиту русскому; против каждого русского слова в других графах писались также по-русски, только с ударениями, слова татарские, мордовские, чувашские и черемисские»*⁴⁸. Несомненно, на будущего академика архимандрита Петра (Каменского) коллективная работа по составлению пятиязычного словаря оказала глубокое влияние, этот бесценный опыт пригодился П. И. Каменскому при составлении крупных словарей, принесших ему всемирную известность. Не вызывает сомнения, что немаловажное значение для будущего ученого имела и проводившаяся в то время работа по формированию и каталогизации фундаментальной библиотеки Нижегородской духовной семинарии.

С большой долей вероятности можно утверждать, что на П. И. Каменского оказали влияние и события, связанные с возвращением на родину знаменитого нижегородского путешественника поневоле. Как известно, в 1786 г. в Нижний Новгород вернулся после многолетних странствий (Америка, Африка, Османская империя) купец В. Я. Баранщиков, осужденный сразу же за долги к 15 годам казенных работ на соляных варницах городка Балахна. Благодаря вмешательству епископа Дамаскина и генерал-губернатора И. М. Ребиндера⁴⁹ путешественник

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Ребиндер Иван Михайлович (Рейнгольд-Иоганн, 1733–1792). С 1783 г. Нижегородский губернатор, с 1786 г. генерал-губернатор Нижегородский и Пензенский; в Нижнем Новгороде он снискал всеобщую любовь и уважение своим простым обращением и отзывчивостью к нуждам жителей.

был освобожден и смог опубликовать свои знаменитые *«Несчастные приключения»*⁵⁰.

Таким образом, будущий архимандрит Петр (Каменский) не только оказался в числе воспитанников старейшей духовной семинарии России, но и получил самое передовое на тот момент в России духовное образование. Он одним из первых в стране получил специальное богословское образование, важнейшей составляющей которого было миссионерское направление, и при этом приобрел опыт и научной лингвистической, и библиографической работ. Классическое духовное образование стало основой для будущей работы миссионера и ученого на богословском и синологическом поприще, а строгое церковное воспитание способствовало становлению чиновника и администратора.

1.3. Учитель в Балахне

После окончания богословского класса Нижегородской духовной семинарии в 1787 г. П. И. Каменский наметил для себя поступить в Московский университет. Однако, вероятно из-за недостатка материальных средств, будущий архимандрит Петр не смог сразу выехать в Москву. Как отмечают историки, *«по окончании духовной семинарии Каменский не долгое время был учителем народного училища в г. Балахне... потом поступил в Московский университет...»*⁵¹ Действительно, с 23 января 1788 г.

⁵⁰ [Баранщиков] Несчастные приключения Василия Баранщикова, мещанина из Нижнего Новгорода, в трех частях света: в Америке, Азии и Европе, с 1780 по 1787 год. СПб., 1787.

⁵¹ ЦАНО. Ф. 2222. Оп. 1. Д. 15. Л. 1.

П. И. Каменский «был определен Учителем в городе Балахне в народном училище»⁵².

В начале своей педагогической карьеры будущий архимандрит Петр (Каменский) оказался у истоков современного светского образования не только на своей родине, но и вообще в России. Ученые отмечают:

«История современного народного образования в Нижегородском крае берет свое начало в январе 1788 г. Тогда, по указу императрицы Екатерины II, на его территории были открыты три народных училища — главное народное училище в Нижнем Новгороде и малые народные училища в Арзамасе и Балахне... 20 января 1788 г. в Балахнинский магистрат, возглавлявшийся бургомистром Иваном Баташовым, пришло письмо от нижегородского наместника генерал-майора И. С. Белавина, в котором сообщалось о том, что “на сих днях” в Балахну прибудет директор училищ Нижегородского наместничества секунд-майор П. И. Воронцов, дабы открыть в ней учреждаемое императорскою волею “ко обучению юношества” малое народное училище»⁵³.

Нижегородские народные школы были в числе первых во всей Российской империи. Действительно, только в 1786 г. был утвержден «Устав народных училищ», согласно которому в России учреждали главные народные училища с пятилетним сроком образования и малые

⁵² ЦАНО. Ф. 585. Оп. 1. Д. 58. Л. 6.

⁵³ Позднин Е. Н. Как Балахна стала грамотной // «Нижегородский музей»: общество, история, культура. № 14. 2008.

народные училища, с двухлетним курсом. Создателем этой школы был приглашенный Екатериной II в 1782 г. на службу в Россию серб Ф. И. де Мириево⁵⁴, который и составил в следующем году «Руководство учителям первого и второго классов народных училищ Российской империи».

В Балахнинском училище П. И. Каменский работал не очень долго. Но и кратковременная служба в одном из старейших русских городов, на родине Кузьмы Минина не могла пройти для будущего архимандрита Петра бесследно. Здесь не лишне отметить, что открытое еще в 1738 г. по указу епископа Нижегородского Питирима Духовное училище в Балахне по традиции находилось на том месте, где в начале XVII в. стоял дом князя Дмитрия Пожарского. Таким образом, начало педагогической деятельности архимандрита Петра (Каменского) было связано с городом, сыгравшим особую роль в истории России, с городом, откуда началось движение русского ополчения под руководством Минина и Пожарского, освободившего Москву 1612 г.

Не меньшее значение для будущего выдающегося миссионера и ученого имело то, что, работая в народном училище, он приобрел опыт самой передовой в мире на тот момент системы народного образования как по организации учебного процесса, так и по принципам и методам обучения. В основе этой системы лежал опыт успешной реформы школьного образования в Пруссии и Австрии, фундаментом школы было учение создателя современной педагогики Я. А. Каменского. Реформа народного образования в России в конце XVIII в. в конечном итоге

⁵⁴ Янкович де Мириево Федор Иванович (1741–1814). Воспитанник Венского университета, реформатор народного образования в Австро-Венгрии.

оказалась ограниченной и не была доведена до конца. Но трудно переоценить тот факт, что Павел Иванович Каменский стал первым учителем одного из первых народных училищ в России, и не где-нибудь, а на родине Кузьмы Минина.

1.4. Московский университет

Дальнейший путь будущего академика лежал в Москву:

«... потом поступил в Московский университет, где обучался логике, физике, математике, всеобщей истории и естественному праву по 14 ноября 1791 г.»⁵⁵.

Исследователи уточняли, что в университете он находился с 1-го марта по 14 ноября 1791 г.⁵⁶ Здесь не лишне напомнить, что открытый в 1755 г. Московский университет вообще был не только первым, но и единственным в то время русским университетом.

Университетский этап жизни был не случайным для русского миссионера. Исследователи отмечают:

«Выходцы из духовного сословия в Московском университете в период второй половины XVIII — первой четверти XIX в. всегда составляли особую и весьма весомую группу учащихся... в первые годы существования Московского университета, когда

⁵⁵ ЦАНО. Ф. 2222. Оп. 1. Д. 15. Л. 1.

⁵⁶ Краткая история Русской Православной Миссии в Китае. Пекин, 1916.

ему не хватало студентов, практиковались прямые переводы учащихся, и, прежде всего, из духовных учебных заведений. Так, самые первые студенты Московского университета были переведены сюда в соответствии с решением Святейшего Синода от 3 мая 1755 г. ... Не только первые студенты были воспитанниками духовных учебных заведений, но и в последующие годы вклад этих училищ в формирование студенчества Московского университета продолжал оставаться весьма заметным»⁵⁷.

Понять, каким образом жизненный путь привел выпускника духовной семинарии Петра (Каменского) в Московский университет помогут работы известного историка и его земляка, сына диакона и член-корреспондента Академии наук П. В. Знаменского. В одной из своих книг он пишет:

«С царствования Екатерины II настало новое время для всего русского образования вообще. Прежний специально-сословный строй его начал сглаживаться; вместо прежней выучки стали заботиться об общем образовании воспитанников и заводить новые общеобразовательные школы. Общеобразовательные предметы начали вводиться и в курсы духовных школ. К 1766 г. особая комиссия, состоявшая из преосвященных Гавриила и Иннокентия и иеромонаха Платона, по поручению правительства выработала целый проект преобразования духовных школ, которым предполагалось разделить

⁵⁷ Феофанов А. М. Учащиеся из духовного сословия в Московском университете. 1755–1825 годы // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2007. Вып. 3 (24). С. 42.

их на высшие, средние и низшие и ввести в них новые, соответственные этим степеням курсы, новые, более современные методы и педагогические приемы. Проект этот не остался без влияния на состояние духовных школ, хотя и не был приведен в исполнение. Особенно важное значение получил вопрос о приготовлении учителей духовных школ. В 1765 г., по желанию императрицы, при Московском университете предположено было открыть богословский факультет, а для приготовления в него преподавателей было отправлено 16 лучших духовных воспитанников в заграничные университеты. Факультет этот не был открыт, и посланные за границу по возвращении распределены были по разным местам, но несколько человек из них попали и в учителя духовных школ. Некоторые архиереи для приготовления учителей посылали лучших своих семинаристов слушать лекции в Московском университете...»⁵⁸

Принято критически оценивать тогдашнее состояние Московского университета:

«Один из современников говорит, что в нем не только нельзя было научиться чему-нибудь, но и можно утратить приобретенные дома добропорядочные манеры»⁵⁹.

Еще одной особенностью Московского университета в 1780–1790-х было отсутствие каких-либо общественных организаций и обществ. Действительно, в конце XVIII в.

⁵⁸ Знаменский П. В. История Русской Церкви // http://krotov.info/history/makariy/znam_05.html

⁵⁹ Латышина Д. И. История педагогики и образования: учебник. М., 2007. С. 205.

он еще находился в стадии становления; власти и академическое сообщество постоянно принимали к рассмотрению самые разные проекты реформы университета и новых его уставов. Подобная ситуация для Московского университета не была уникальной, она отражала общие проблемы реформирования традиционной университетской системы в Европе.

К концу XVIII в. еще не сложилась сколько-нибудь устойчивая система кафедр и факультетов, специальностей и ученых званий в университете, и сложно более-менее конкретно восстановить содержание образования, полученного здесь П. И. Каменским. Известно, что лекции в Московском университете читались на французском и латинском языках, а дипломы по полученным специальностям были большой редкостью. Например, до конца правления Екатерины Великой ни один студент не смог получить диплома по медицине. Вообще, большинство воспитанников духовных семинарий сначала зачислялись в университетскую гимназию и лишь после завершения ее курса — в студенты. П. И. Каменский, вероятнее всего, миновал этот предварительный этап. Исследователи пишут:

«Молодой учитель отличался эрудицией, трудолюбием и склонностью к лингвистическим наукам, поэтому по рекомендации епархии он в 1791 г. поступил в Императорский Московский Университет на естественный факультет, где он изучал логику, математику, всеобщую историю и естественное право. Спустя год он был определен помощником надзирателя в Санкт Петербургский воспитательный дом»⁶⁰.

⁶⁰ Монахов В. Ревнитель веры православной. Архимандрит Петр Иванович Каменский // Волжский перекресток. 23.08.2008/<http://radilov.ru/content/view/96/1>

В Московском университете П. И. Каменский оказался в своей среде, среди его соучеников были воспитанники Московской и Киевской духовных академий, Троице-Сергиевой, Крутицкой, Астраханской, Тверской, Калужской, Вятской и многих других семинарий. Многие из соучеников будущего архимандрита Петра (Каменского) стали впоследствии известными профессорами. Были среди воспитанников Московского университета и крупные иерархи Русской Православной Церкви, в частности, в 1780-х гг. его студентами были будущие митрополиты Санкт-Петербургские Серафим (Глаголевский) и Михаил (Десницкий). Короткий период обучения П. И. Каменского в стенах Московского университета для той эпохи был делом обычным, вышестоящие власти могли в любой момент отправить студента на службу, если считали, что его уровень образования достаточен для работы.

Сложно сказать, насколько глубокий след в судьбе и памяти архимандрита Петра (Каменского) оставил период его студенчества в Московском университете. Неизвестно, сотрудничал ли он напрямую с этим учебным заведением, посещал ли его в последующие годы. Однако есть факты, указывающие на то, что о. Петр (Каменский) не только не забывал университета, но и отводил ему должное место в российской системе науки и образования. В частности, в 1833 г. туда он передал через М. В. Ладыженского «Пространнейший и полнейший в 6 томах Китайский лексикон Канси-дзы-дянь»⁶¹, т. е. единственный привезенный им из Китая полный словарь китайских иероглифов.

⁶¹ Можаровский А. К истории нашей духовной миссии в Китае // Русский архив. 1886. Кн. 2. С. 430.

1.5. Воспитатель в Петербурге

После окончания университетского курса П. И. Каменский переехал в столицу Российской империи. Это, вероятно, было осознанным выбором будущего синолога и миссионера. Столица открывала множество возможностей для самореализации, позволяла находиться в самом центре интеллектуальной жизни страны, к чему П. И. Каменский и стремился. О том, какие чувства питал будущий архимандрит Петр (Каменский), например, к Императорской публичной библиотеке, можно узнать из его письма 1833 г.:

«Чрез всю жизнь мою к сему толико важному отечественному учреждению имел и великое не уважение только, но и благоговение. Желал бы я безпрестанно прогуливаться по чудным аллеям вертограда безчисленных умов древних и новейших; желал бы всегда встречаться с ними, и еслиб наконец сея чести не удостоился, по крайней мере довольствовался бы с умилением видеть их»⁶².

В российской столице, уже будучи выпускником университета, будущий архимандрит Петр продолжил свою педагогическую деятельность. П. И. Каменский устроился работать в Санкт-Петербургский воспитательный дом помощником надзирателя. Как писали исследователи, «15 марта 1792 г. был определен надзирателем в означенный дом»⁶³. В этом же учебном заведении он преподавал правила гражданской жизни и арифметику.

⁶² Там же. С. 428.

⁶³ Краткая история Русской православной миссии в Китае. Пекин, 1916.

Непродолжительный период работы П. И. Каменского в воспитательном доме оказал серьезное влияние на последующий жизненный путь выдающегося ученого и религиозного деятеля. Фактически будущий архимандрит Петр оказался причастным к одному из самых заметных «социальных экспериментов» той эпохи. Российская императрица Екатерина Великая мечтала создать «новую породу людей». Для достижения этой цели маленьких детей следовало изолировать от дурного воздействия среды в закрытых учебных заведениях, где и выращивать совершенного человека. Главным проводником идей императрицы Екатерины II в деле воспитания молодежи и реформирования школы был ее доверенный И. И. Бецкой⁶⁴, разрабатывавший и реализовывавший на практике проекты воспитания нового человека. Основания новой воспитательной системы были сформулированы следующим образом:

«Один только украшенный или просвещенный науками разум не делает еще доброго и прямого гражданина... корень всему злу и добру — воспитание... единое токмо средство остается, т. е. произвести сперва способом воспитания, так сказать, новую породу или новых отцов и матерей, которые могли бы детям своим те же прямые и основательные правила воспитания в сердце вселить... и так следовали бы из родов в роды в будущие веки. Великое сие намерение исполнить нет совсем иного спосо-

⁶⁴ Бецкой Иван Иванович (1704–1795). Незаконнорожденный сын находившегося в плену у шведов в Стокгольме князя И. Ю. Трубецкого. В 1721 г. приехал в Россию и был принят на службу в Коллегию иностранных дел. В 1762 г. И. И. Бецкой был вызван в Петербург и стал доверенным лицом Екатерины II.

ба, как завести воспитательные училища для обоого пола детей, которых принимать отнюдь не старее, как по пятому и по шестому году...»⁶⁵

Воспитательный дом, в котором работал П. И. Каменский, был учрежден в Санкт-Петербурге еще в 1770 г. по инициативе И. И. Бецкого и формально открыт сенатским указом в 1772 г. Сам И. И. Бецкий и занимал пост Главного попечителя этого заведения. Согласно утвержденному Екатериной Великой «Генеральному плану Воспитательного дома для приносимых детей», в стране учреждались закрытые учебно-воспитательные учреждения для сирот и незаконнорожденных детей. В 1780–1790-х гг. Санкт-Петербургский воспитательный дом размещался на Миллионной улице в доме, где ранее был ломбард. Там 1 октября 1788 г. митрополит Гавриил освятил и церковь. В Санкт-Петербургский воспитательный дом принимались дети в возрасте до 2 лет и 4 месяцев и оставались там до 21 года. Таким образом, попадавшие в это заведение дети вместе с воспитанием получали начальное и среднее образование и выпускались в мир уже совершеннолетними.

Педагогическая карьера будущего миссионера и академика в Петербурге, как и на родной Нижегородчине, была недолгой. Зарекомендовав себя ответственным и образованным работником, П. И. Каменский был рекомендован попечителями Санкт-Петербургского воспитательного дома в качестве студента в очередную Миссию в Китай. Возможно, что он и сам, узнав о наборе членов Миссии, изъявил желание поехать в Китай и через тех же попечи-

⁶⁵ Модзалевский Л. Н. Очерк истории воспитания и обучения с древнейших до наших времен. Ч. 2. СПб., 2000. С. 353.

телей подал прошение о рассмотрении его кандидатуры. Так или иначе, надзиратель Санкт-Петербургского воспитательного дома П. И. Каменский первым подал прошение на зачисление в состав новой Российской духовной миссии в Пекине; его прошение было принято задолго до того, как определился состав Миссии и ее начальник. И в 1793 г. П. И. Каменский покинул Санкт-Петербург, отправившись на другой край земли, в Пекин, студентом VIII Миссии⁶⁶. Нижегородский историк-краевед писал:

«В 1793 г. отправилась в Пекин VIII Российско-духовная миссия, Каменский изъявил желание участвовать в ней в качестве студента и 20/II этого же года был зачислен в Коллегию иностранных дел учеником Маньчжурского и китайского языков. 31/III с миссией отправился в Пекин...»⁶⁷

Таким образом, сын сельского священника, родившийся на Нижегородчине, в очень известном и значимом для России месте, П. И. Каменский прошел все ступени духовной и светской школы. При этом он получил самое передовое на тот момент в Российской империи образование. Во время обучения Каменский был привлечен к научно-исследовательской работе в области языкознания. Здесь же он приобрел и первый опыт педагогической работы — в новых, только что учрежденных «реформаторских» учебных заведениях. В процессе обучения и работы будущий архимандрит Петр (Каменский) познакомился с самыми передовыми церковными иерархами, учеными и общественными деятелями той эпохи.

⁶⁶ Русская духовная миссия в Пекине — Кит. 北京俄罗斯东正教会 Бэйцзин элосы дунчжэн цзяохуэй.

⁶⁷ ЦАНО. Ф. 2222. Оп. 1. Д. 15. Л. 1.

Гл. II.

УЧЕНИК VIII РОССИЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В ПЕКИНЕ

2.1. Православная миссия в Пекине

С 1793 г. начинается совершенно новый этап жизненного пути П. И. Каменского. Ему, уже перевалившему 27-летний рубеж воспитаннику Московского университета, предстояло вновь стать учеником, но уже в далеком Китае. Церковный историк Николай (Адоратский) пишет:

«22-го июня 1792 г. состоялась именной Высочайший указ, в котором разрешалась перемена миссии. 20 августа означенного года коллегия иностр. дел снеслась с св. Синодом по этому вопросу, предложив ему включить в число членов миссии троих учеников или студентов доброго поведения из московской семинарии, а четвертый должен был отправиться от коллегии... 23 августа 1792 г. в св. Синод поступило прошение надзирателя петербургского воспитательного дома, Павла Каменского, который просил включить его в число студентов миссии... Приобщив к делу прошение Каменского, св. Синод определением своим от 23–25 августа того же года постановил: “для пользы казенной” собрать миссию в Казани, лежащей на иркутском тракте»⁶⁸.

⁶⁸ Николай (Адоратский), иеромонах. Православная миссия в Китае за 200 лет ее существования // Православный собеседник. 1887. №11. С. 288–289.

Ко времени включения будущего архимандрита Петра (Каменского) учеником в состав Российской духовной миссии, история Православной миссии в Пекине уже приближалась к вековому юбилею. Отсчет ее истории можно начинать с 1712 г., когда после долгих переговоров китайский император Канси разрешил присылку в Пекин духовной миссии из России. Существует мнение, что отсчет истории Православной миссии в Китае следует начинать с конца XVII в., когда в Пекин прибыл первый православный священник из разрушенного цинскими войсками русского острога Албазин. Сходная точка зрения была изложена историком А. Ф. Можаровским:

«Наша миссия в Китае считает свои годы со дня заключения между Российской и Китайской империями Нерчинского мирного трактата 27-го Августа 1689 года, по которому плененные в 1685 году Албазинцы со священником своим Дмитрием остались в Пекине, под именем Русской сотни, и для них богдыхан велел построить церковь»⁶⁹.

Бывший член Пекинской миссии и известный историк архимандрит Николай (Адоратский) писал в XIX в., что столетний рубеж своей истории Православная миссия преодолела еще в XVIII в.:

«Во время пребывания в Пекине архим. Иоакима “с товарищи” исполнилось первое столетие существования в Китае православной миссии»⁷⁰.

⁶⁹ Можаровский А. К истории нашей духовной миссии в Китае // Русский архив. Кн. 2. 1886. С. 405.

⁷⁰ Николай (Адоратский), иеромонах. Православная миссия в Китае за 200 лет ее существования // Православный собеседник. 1887. № 10. С. 198.

Поводом для снаряжения православной миссии в китайскую столицу было то, что во второй пол. XVII в. в Пекине появилось небольшое воинское подразделение из бывших казаков с Амура. Эта группа находилась в составе охранявшей императора Цинской империи маньчжурской гвардии. Маньчжурский двор был заинтересован в том, чтобы гвардейцы русского происхождения не были китаизированы, а средством сохранения собой идентичности и была поддержка у них православия. В XVII в. вместе с казаками в столицу Китая прибыл священник Максим Леонтьев. Появление православного священника в Пекине было воспринято духовными иерархами России как возможность миссионерской деятельности среди китайцев.

В XVIII в. албазинцев в Пекине было немного, всего около ста человек. Но эта небольшая группа людей была заметным явлением всей истории Пекина периода Цинской династии. В фундаментальном китайском исследовании по истории восьмизнаменного населения в Пекине выделен целый большой параграф «Русские знаменные»⁷¹. Стоит отметить, что в этой работе русским гвардейцам китайского императора отведено по объему столько же места, сколько и восьмизнаменным ханьцам (китайцам).

Российская духовная миссия в Пекине не случайно была организована именно в начале XVIII в. К началу Петровской эпохи уже сложилось определенное представление о Китае и его месте в международной политической жизни, основанное преимущественно на трудах европейских просветителей. Несмотря на «примити-

⁷¹ Лю Сяомэн. Циндай Бэйцзин цижень шэуэй [Знаменное общество Пекина в период династии Цин]. Пекин, 2008. С. 475–505.

визм», являвшийся следствием недостатка информации, взгляды европейских мыслителей оказали большое воздействие на российскую аристократию. Петр I получал от Г. В. Лейбница письма, в которых говорилось о важности Китая, преимуществах географического положения России между Европой и Востоком и необходимости установления культурных и торговых связей между Европой и Китаем через Россию⁷².

Китайская сторона также была заинтересована в налаживании прочных отношений с Россией. Об этом говорит тот факт, что «12 июня 1712 г. для переговоров о создании антиджунгарской коалиции из Пекина в Россию... было направлено посольство в составе 35 человек во главе с восемью маньчжурскими сановниками, один из которых, Тулишэнь⁷³, оставил подробную запись о путешествии этого посольства, длившегося около трех лет»⁷⁴. Китай в то время видел в России сильного соседа и союзника. Позднее сам П. И. Каменский, еще являясь студентом VIII Миссии, заметил:

«Вся Европа в глазах китайского двора едва ли не равняется с одной державою нашего отечества»⁷⁵.

Отправка российской миссии в Пекин была обусловлена и потребностью изучения русскими маньчжурского и китайского языков. Уже во время переговоров в Нерчинске при подписании в 1689 г. первого русско-китайского дого-

⁷² Сборник писем и мемуаров Лейбница, относящихся к России и Петру Великому / Изд. В. И. Герье. СПб., 1873. С. 95–99, 217–220.

⁷³ Тулишэнь (кит. 图理深, 1667–1741). Известный маньчжурский сановник, генерал.

⁷⁴ Тихвинский С. Л. Восприятие в Китае образа России. М., 2008. С. 17.

⁷⁵ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 152. Оп. 505. Д. 39. Л. 243.

вора выявилась необходимость прямого общения сторон, без иностранных посредников. Установление прямых торгово-экономических связей еще более актуализировало эту проблему. Китайские ученые справедливо отмечают, что уже в то время «письменный язык становился важным средством общения. Следствием стало прибытие первой делегации русских студентов в Пекин изучать китайский и маньчжурский языки»⁷⁶.

Таким образом, потребности политического и научного характера, казалось бы, отодвигали собственно миссионерские задачи на второй план. В мировой науке даже сложилось устойчивое мнение о том, что «поддержка православия среди албазинцев была ничтожна... Никому из миссионеров не было дела до того посещают ли церковь албазинцы и их потомки или нет... Более номинальная функция миссии была связана с дипломатией...»⁷⁷. Это мнение было сформировано самими русскими миссионерами. В статье, опубликованной в журнале «Китайский Благовестник» в связи с двухсотлетним юбилеем Пекинской миссии, утверждалось:

«Мысль нашего державного преобразователя России, Петра останавливалась в том, чтобы рано или поздно, хоть и не без труда, но обратить в православие, если не весь Китай, то хотя бы Пекин и Пекинский двор. С такой целью и посылались первая миссия, но неудачи второй же миссии показали, как нелегко было в то время что-либо делать в Китае. Итак, эту господствующую идею русскому

⁷⁶ Чжан Тесян. Цзи 1845 нянь эго со цзэн дэ кэци тушу [Заметки о русских научных книгах 1845 г.] // Вэньу [Памятники культуры]. 1958. № 7. С. 45.

⁷⁷ Widmer E. The Russian ecclesiastical Mission in Peking during the eighteenth century. Cambridge, Mass., 1976. P. 153.

правительству пришлось скрывать от китайцев, от своих послов и чуть ли не от самих себя...»⁷⁸

Однако документы говорят о том, что данное мнение не вполне отражает реалии того времени. В «донесении в Коллегию иностранных дел бывшего в Пекине в духовной свите церковника Степана Зимина, поданного в 7 июня 1773 году» говорилось:

«Ныне в русской сотне при церкви Николая чудотворца находится потомков албазинского рода только пятьдесят человек, а все крещенные, из коих пятнадцать человек обучились славенской грамоте и в церкви во время службы поют и читают. От пленения предков своих считали они по 1772 год без мала сто лет»⁷⁹.

Справедливым следует признать мнение исследователей XIX в.:

«Несмотря на неустройство церковного хозяйства и вообще дел миссии, последняя не заглохла в духовной пустыне Китая. Она поддерживала заветы предков в албазинцах, а по временам даже пожинала жатву на скудной китайской ниве»⁸⁰.

⁷⁸ Праздник Всех Святых Мучеников и юбилей Миссии // Китайский благовестник. Год IX. 1912. Вып. 4. С. 9.

⁷⁹ Православие на Дальнем Востоке: 275-летие Российской духовной миссии в Китае / Отв. ред. М. Н. Боголюбов, архим. Августин (Никитин). СПб., 1993. С. 23.

⁸⁰ Архангелов С. А. Православная миссия в Китае // Архангелов С. А. Наши заграничные миссии. СПб., 1899. С. 22.

Действительно, поступательное развитие Российской державы как имперского государства в XVIII в. было невозможно без миссионерской составляющей как в культурно-национальном плане, так и собственно в части православного миссионерства.

Первая Духовная миссия, снаряженная по приказу Петра I Тобольским митрополитом и Сибирским губернатором, была направлена в Китай в 1715 г. Первый исследователь истории Российской духовной миссии в Пекине архимандрит Софроний (Грибовский) писал:

«Прибыл архимандрит с протшими своими в Пейдзин генваря 11-го числа 1716 года. С коих пор начали духовные чины существовать Манджуро-Китайского государства в столичном городе Пейдзине»⁸¹.

Российская духовная миссия в Пекине считалась одновременно и российским и китайским государственным учреждением, соответственно и денежное пособие миссионеры получали от правительств обеих стран.

Поскольку первые русские миссионеры были успешно приняты в Пекине, появилось предложение об учреждении там православной епархии, что позволило бы создать территориальное управление во главе с епископом и распространять православие в китайской среде официально. Учрежденную епископию возглавил владыка

⁸¹ Софроний (Грибовский), архимандрит. Уведомление о начале бытия россиян в Пейдзине и о существовании в оном грекороссийской веры. (Составлены пекинским архимандритом Софронием (Грибовским). Служил в Пекине с 1794 по 1808 год.) // Материалы для истории Российской духовной миссии в Пекине / Под ред. Н. И. Веселовского. Вып. 1. СПб., 1905. С. 1.

Иннокентий (Кульчицкий) из Александро-Невского монастыря, однако, как писали исследователи XIX в.,

«китайцы ... взяли суспицию, что будто он (епископ) превеликая особа и посланному к ним курьеру говорили, что богдыхан такую превеликую особу никогда принять не повелит, понеже у них великий господин называется папа или кутухта и... что только паки архимандрит и священники в Пекин приняты будут, а епископ никогда не допустится»⁸².

Вопрос о новой миссии и ее статусе решался путем сложных двусторонних переговоров более пяти лет, в конечном итоге было решено, что миссии будут возглавляться архимандритами⁸³.

Официальный статус Русской духовной миссии в Пекине был юридически закреплен пятой статьей Кяхтинского договора 1727 г. («1727 г. октября 21. — Кяхтинский договор о политических и экономических взаимоотношениях между Россией и Китаем»)⁸⁴. Как правило, до конца XVIII в. в состав Миссии входило 10–12 человек: начальник (архимандрит), иеромонахи (1–3 человека), иеродьякон, причетники (церковники) (2–6 человек), студенты-ученики (4–6 человек). Архимандриты находились «в ближайшем ведении у епископа иркутского, которому начальник Миссии должен был посылать надлежащие рапорты и пред-

⁸² Архангелов С. А. Православная миссия в Китае // Архангелов С. А. Наши заграничные миссии. СПб., 1899. С. 21.

⁸³ Архимандрит — кит. 长员学师 (чжаньюань сюэши); миссионер — кит. 教士 (цзяоши).

⁸⁴ Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689–1916/Под общ. ред. В. С. Мясникова. М., 2004. С. 41–47.

ставления по случившимся потребностям и в недоуменных духовных делах требовать его рассуждения»⁸⁵. На содержание Пекинской миссии на протяжении всего XVIII в. отпускались меха, собранные в качестве ясака (дани) с народов Сибири. Миссионеры сами должны были продавать их в Пекине. От китайской же казны православные миссионеры получали содержание серебром и рисом.

В целом, китайские власти благоволили русским миссионерам, нередко оказывали внимание в казалось бы мелочах. Так в дневнике одного из миссионеров отмечалось:

«Вода в самом Пекине в городских колодцах нечиста и солоновата, хотя впрочем безвредна для здоровья. На российское подворье по приказанию китайского начальства привозят воду из колодца, выкопанного, устроенного на дворе трибунала иностранных дел, из всех соседственных лучшаго»⁸⁶.

К концу XVIII в. Российская духовная миссия в Китае в целом оформилась; располагалась она на специальном дворе в южной части Пекина (так называемый Наньгуань). На выделенные китайским правительством средства на подворье поставили каменный храм во имя Сретения Господня и перенесли в него икону св. Николая. Очевидцы в начале XIX в. писали, что члены Духовной миссии «помещаются на обширном Российском подворье, коего часть, называемая двором Посольским, содержится от Правительства Китайского, а монастырские здания на счет Российского»⁸⁷.

⁸⁵ Бэй-гуань: Краткая история Российской духовной миссии в Китае/Сост. Б. Г. Александров. М., 2006. С. 44.

⁸⁶ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 805. Оп. 1. Д. 102. Л. 147.

⁸⁷ Тимковский Е. Ф. Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 гг. Ч. 1. СПб., 1824. С. 3.

В «донесении в коллегия иностранных дел бывшего в Пекине в духовной свите церковника Степана Зимина, поданного в 7 июня 1773 году» говорилось:

«В Сретенском российском монастыре церковь каменная четверугольная покрыта круглою черепицею. На церкви купол деревянной, обитой железом белым, так прогнил, что гвоздя уже не держатся... От трекратного же трясения, бывшего в 1761-м году, церковная южная стена разселась в двух местах. Колокольня каменная двухуровневая. В 1764-м году в верхнем апартаменте часы немецкие боевые, а внизу шесть колоколов малых и два таза медные большие для благовесту и звону... Архимандричьи кельи каменные одноапартаментные построены по российскому манеру в 1756-м году. Каждому иеромонаху, иеродиакону по три покоя в одной линии... Колодец выкопан глубокой в 1757 году... Для церковнослужителей построено вновь пять покойцев. В 1757-м году каменных, а в 1769-м году еще два покоя построены каменные ж для проезжающих россиян. В 1760-м году построена хлебня каменная для печения просфор и хлебов. Поварня, баня и конюшня построены каменные... Ограда каменная с двух сторон церкви и против братских келий построена в 1764-м году. В монастыре дороги высланы диким камнем, лещади и кирпичом. Сад разведен виноградный...»⁸⁸

⁸⁸ Православие на Дальнем Востоке: 275-летие Российской духовной миссии в Китае/Отв. ред. М. Н. Боголюбов, архим. Августин (Никитин). СПб., 1993. С. 25.

К середине XVIII в. в Сретенском монастыре окончательно сформировался иконостас, сохранявшийся до XIX в. В 1820 г. один из миссионеров в своем дневнике записал:

«Некоторые образа отделаны были китайскими живописцами неприлично в одеждах по своему народному обычаю. Иеромонах Феодосий Сморжевский в Пекине живший в 1745–55 годах в своих записках о пекинской миссии в рассуждение сказанного предмета упоминает следующее: “Иконы местные из Тобольска привезены, а писаны в Киеве, прочие же китайские живописцы писали... Гребешков, в караване Фирсовом священником бывший и Владимир (диакон) тогда же бывший написал и поисправил”»⁸⁹.

Российская общественность впервые смогла ознакомиться с состоянием православия в Китае благодаря выполненному русским китаеведом Иваном Орловым первому полному «описанию Китайской империи». Вернувшийся из Китая миссионер дал следующее описание Российской духовной миссии в Пекине:

«Российский посольской двор, находящийся в полуденной части города близко полуденных ворот, называемых цян мынь, в котором приезжающие наши Российские люди становятся и который для сего единственно заведен еще с самого начала учреждения с Китайцами коммерции... со времени первого бывшего там в 15 лето царствования 2 Манджурской фамилии Хана Кансия, то есть в 1676 году нашего Российского посольства. В сем посольском дво-

⁸⁹ ГАКК. Ф. 805. Оп. 1. Д. 102. Л. 134.

ре имеется наша Греко-Российская Христианская исповедальная церковь, во имя сретения Господня, и для посла дом с принадлежащими ему службами Китайской архитектуры и во всем на Китайский манер сделанный, соответственно по их форме... однакож Посол наш не живет, и во все его там нет; а вместо того всегда в оном посольском дворе живут при сказанной имеющейся в нем церкви, попеременно сменяясь через десять и более лет, наши Духовная Миссии...»⁹⁰

Сами православные албазинцы жили в другой, северо-восточной части Пекина, их церковный двор (Бэйгуань) также был в ведении российских миссионеров, сообщавших в своих отчетах:

«Церковь приходская Николая чудотворца при русской сотне, каменная, небольшая, которая за ветхостью перекрыта и переправлена была в 1765-м году... Колокольня деревянная четверугольная построена в 1764-м году...»⁹¹

В работе Ивана Орлова Северное подворье Миссии описано следующим образом:

«Русская слобода, находящаяся в северной части города, близко северовосточного угла сея главной крепости Пекина и ворот называемых тун-джен-

⁹⁰ Орлов И. Новейшее и подробнейшее историческо-географическое описание Китайской империи. Ч. 2. М., 1820. С. 83–84.

⁹¹ Православие на Дальнем Востоке: 275-летие Российской духовной миссии в Китае/Отв. ред. М. Н. Боголюбов, архим. Августин (Никитин). СПб., 1993. С. 25.

мынь, в которой жили прежде такие люди, кои произошли от Русских, живших в состоявшем близко Амура реки городе Албазине и в 1686 году Китайцами в полон взятыми... род их весь почти перевелся. И едва ли остались и поныне существуют из того поколения семейства три, да и те переселяясь из той слободы, живут уже по разным в городе местам. В сей слободе есть церковь во Имя Святого Николая Чудотворца, в которой служение отправляется временно наездом из выше упомянутого Российского Посольского двора Духовенством; а иногда по несколько времени и живут в оной по одному Иеромонаху и церковнику, для чего имеется при той церкви небольшой двор с четырьмя жилыми покоями, тож во всем Китайской Архитектуры»⁹².

Павел Иванович Каменский не имел духовного звания и был включен в состав Российской духовной миссии в качестве ученика. Институт учеников был изначально важнейшей составляющей Миссии в Пекине. В августе 1727 г. российский посланник Савва Лукич Владиславич-Рагузинский⁹³ написал епископу Иннокентию (Кульчицкому):

«А понеже Двор Пекинский духовную особу в характере епископа принять не похотел, а более трех священников о прислании в договоре не положено, при которых шесть человек, а именно, четырех учеников русского языка, да два латинского языка,

⁹² Орлов И. Указ. соч. Ч. 2. М., 1820. С. 84.

⁹³ Владиславич-Рагузинский Савва Лукич, граф Иллирийский (1670? — 1738). Боснийский серб, известный российский дипломат.

которые могли в школе в Пекинской Коллегии обучаться китайскому и маньчжурскому языкам, а взаимно ханских подданных учили русскому и латинскому языкам»⁹⁴.

Современники архимандрита Петра (Каменского) писали:

«Что касается до Членов Миссии светских или Студентов, то главною целью отправления их в Пекин есть основательное изучение языков Манжурского и Китайского, также поверка и распространение сведений о Китае и проч. Те и другие помещаются на обширном Российском подворье...»⁹⁵

Появление института учеников Миссии обусловлено было не только необходимостью подготовки русских переводчиков китайского языка и изучения китайцами языка русского. На основе работ современной китайской исследовательницы Юй Цзе, которая объясняет мотивы Цинского двора согласиться на просьбу российского посланника Саввы Рагузинского о включении в текст Кяхтинского договора статьи, разрешающей приезд в Пекин учащихся и преподавателей из России, С. Л. Тихвинский делает интересное замечание:

«Принятие русских учащихся на обучение в столице Китая соответствовало традиционной внешнеполитической доктрине, в основе которой лежала

⁹⁴ Иркутские епархиальные ведомости. 1863. №27. С. 419.

⁹⁵ Тимковский Е. Ф. Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 гг. Ч. 1. СПб., 1824. С. 3.

ло конфуцианское представление о миропорядке: «когда царит мир... не будет опасности свержения [правителя] ... Если бы было так, тогда людей, живущих далеко и не подчиняющихся, можно было бы завоевать с помощью образованности и морали...»⁹⁶

Таким образом, снабжение и обучение членов миссии соответствовало политической стратегии Цинского двора, направленной на культурное и политическое доминирование над соседними народами. Эту же стратегию реализовывали западные государства, в том числе и Россия, в отношении Китая, распространяя среди его жителей христианство, тем самым, преобразовывая китайское общество и направляя его по пути развития Запада.

2.2. Организация VIII Миссии

Формирование VIII Российской духовной миссии началось в 1792 г. И первым членом этой Миссии стал именно П. И. Каменский. В «Краткой истории Русской православной миссии в Китае» говорилось:

«10 мая 1792 г. Ее Величеством выслушан был протокол Совета насчет перемены в Китае Духовной миссии и посылке учеников для обучения в синологии. 20 августа означенного года коллегия иностранных дел снеслась с Святейшим Синодом по этому вопросу, предложив ему включить в число членов Миссии троих учеников или студентов доброго поведения из московской семинарии, а четвер-

⁹⁶ Тихвинский С. Л. Восприятие в Китае образа России. М., 2008. С. 26.

тый должен был отправиться из коллегии. Последующими за тем распоряжениями найдены были сначала члены, а потом и начальник миссии. 23 августа 1792 г. в св. Синод поступило прошение надзирателя петербургского воспитательного дома, Павла Каменского, который просил включить его в число студентов миссии... св. Синод определенным своим от 23–25 августа того же года постановил: “для пользы казенной” собрать миссию в Казани, лежащей на иркутском тракте. В этом смысле и был послан от духовного начальства указ к преосв. Казанскому Амвросию (от 25 августа, за № 1236). Последний 2 октября 1792 г. представил список избранных для миссии лиц»⁹⁷.

VIII Духовная миссия в основном была сформирована в Казани к началу октября 1792 г. архиепископом Казанским и Свияжским Амвросием (Подобедовым)⁹⁸. Уже в XIX в. историки отмечали:

«Большинство членов этой миссии было найдено в Казани, без сомнения, по назначению преосв. [ященного] Амвросия»⁹⁹.

В состав VIII Духовной миссии были включены иеромонахи Иессей, Варлаам и иеродиакон Вавила из насель-

⁹⁷ Краткая история Русской Православной Миссии в Китае, составленная по случаю исполнившегося в 1913 году 200-летнего юбилея ее существования. Пекин, 1916.

⁹⁸ Амвросий (Подобедов Андрей Иванович, 1742–1818). С 1801 г. митрополит Санкт-Петербургский. Первенствующий член Святейшего Правительствующего Синода.

⁹⁹ Отец Иакинф (Бичурин). Исторический этюд // Православный собеседник. 1886. Февраль. С. 165–166.

ников казанских монастырей, а также два ученика и три студента Казанской духовной семинарии: Василий Богородский, Кузьма Каргинский, Карп Круглополов, Степан Липовцев¹⁰⁰ и Иван Малышев.

Дольше всего решался вопрос о кандидатуре начальника VIII Миссии. Лишь в январе 1793 г. им был назначен о. Софроний (Грибовский). О своем назначении на должность главы Пекинской миссии архимандрит Софроний позже писал:

«1792 года декабря 18-го дня прислан из святейшего Синода к преосвященному митрополиту московскому о высылке меня в святейший Синод указ. Прежде, хотя я и слышал, что назначается посольство в Пейдзин для смены живших в оном россиян, но поелику уведомился, что из казанской епархии избраны были в пейдзинские архимандриты два кандидата, 1-й симбирского монастыря игумен именем Еразм, а 2-й — казанской семинарии риторики учитель, Кижитского монастыря строитель иеромонах Геннадий, да и всю свиту велено из казанских набрать, — то по сей причине долго недоумевался, для чего бы меня требовал святейший Синод. Но охотно или со скукой надобно было однако ехать. И так, я взявши из московской консистории пашепорт, коим велено было меня снабдить, и распростившись с любезными друзьями, 1792-го года декабря 23-го числа из Москвы выехал и 1793 года генваря 3 дня прибыл в Петербург, и того же дня явился первому Синода члену преосвященному новгородскому Гавриилу, который прика-

¹⁰⁰ Липовцев (Липовцов) Степан Васильевич (1770–1841).

зал того же времени дать мне келию, в коей я жил до самого моего отъезда. От 3-го января до 14 не был я известен о причине требования меня... 17 числа приказал преосвященный митрополит быть мне у всех Синода членом»¹⁰¹.

Таким образом, окончательный состав Миссии сформировал в Санкт-Петербурге сам митрополит Гавриил (Петров)¹⁰², рукоположивший в архимандрита Софрония (Грибовского). Как писал сам начальник VIII Миссии:

«Митрополит не мало затруднялся произвести меня в архимандрита, потому что я ему был оговорен пияницей; но усмотря несправедливость, положено в Синоде посвятить меня в архимандрита. И так января 27 числа 1793 года посвящен я преосвященным Гавриилом, митрополитом новгородским и Санкт-Петербургским, во иеромонаха, а 30 того же января по насланному из святейшего Синода к ему, преосвященному митрополиту, указу им же произведен в архимандрита, а Казанскому архиепископу Амвросию послан был из Синода указ об отмене представленных в пейдзинское посольство кандидатов»¹⁰³.

¹⁰¹ [Грибовский] Уведомление о начале бытия россиян в Пейдзине и о существовании в оном грекороссийской веры (Составлены пекинским архимандритом Софронием (Грибовским). Служил в Пекине с 1794 по 1808 год.) // Материалы для истории Российской духовной миссии в Пекине. /Ред. Н. И. Веселовский. Вып. 1. СПб., 1905. С. 30.

¹⁰² Гавриил (Петров-Шапошников Петр Петрович; 1730–1801). Архиепископ Санкт-Петербургский и Ревельский (1770), архиепископ Новгородский и Санкт-Петербургский (1775–1799). Член Российской Академии наук.

¹⁰³ [Грибовский] Уведомление о начале бытия россиян в Пейдзине и о существовании в оном грекороссийской веры ... С. 30.

Начальник VIII Миссии был человеком образованным и давно принявшим монашество. Архимандрит Софроний (Грибовский) писал о себе:

«Я имянованный родом из Малороссии, житель города Лубень, обучался в киевской академии с низших классов до философии; а в том в 1782 году, взяв из оной академии аттестат, поехал для обучения медицинской науке в Москву и определился в главный московский госпиталь. По несклонности же моей к сказанной науке, взяв от службы чистую отставку, поехал из Москвы в Молчановскую Софрониеву пустынь и, по окончании определенного трехлетнего времени, постригся в монахи, где проживал всего около пяти лет...»¹⁰⁴ О. Софроний (Грибовский) прошел курс обучения в Московской духовной академии, а далее «по окончании богословия, тем же преосвященным митрополитом Платоном в 1790-м году определен был в императорский московский университет для обучения юношества православному закону и для проповедания Слова Божия, в должности которой находился без малого два года»¹⁰⁵.

Мы можем с большой долей вероятности предположить, что П. И. Каменский был хорошо знаком с будущим архимандритом Софронием (Грибовским) еще до назначения их в состав Миссии. Более того, существует вероятность, что самого о. Софрония назначили начальником Миссии с учетом рекомендаций его бывшего студента П. И. Каменского.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Там же. С. 31.

После окончательного утверждения VIII Духовной миссии еще происходили изменения в ее составе. 28 февраля 1793 г. Коллегия иностранных дел просила Св. Синод назначить и четвертого ученика, так как назначенный в Миссию от Коллегии канцелярист Григорий Соколов заболел и был уволен от поездки в Пекин. Св. Синод отвечал 3 марта 1793 г., что четвертый ученик будет найден в Казани. Затем в качестве студента в состав VIII Духовной миссии был включен (уже в Пекине) толмач из Забайкалья Василий Новоселов¹⁰⁶.

Архимандрит Софроний (Грибовский) в мае 1793 г. получил в Св. Синоде специальное «Наставление», аналогичное «Наставлению» начальнику предыдущей Миссии. Старым осталось и денежное содержание членов Миссии, которое «должно было выдаваться вперед мягкой рухлядью, на сколько лет заблагорассудится, через иркутского губернатора». Отдельная статья «Наставления» указывала:

«Ученики должны были прилежно обучаться языкам, для чего начальник миссии обязывался бдительно надзирать за ними».

14 мая 1793 г. архимандрит Софроний (Грибовский) вместе с Павлом Каменским выехали из Санкт-Петербурга. Но по пути на три месяца остановились в Москве, «дожидаясь от иностранной коллегии инструкции и прочих нужных для пропуску в Китай бумаг»¹⁰⁷, и лишь получив таковые, 28 августа путешественники выехали далее.

¹⁰⁶ Новоселов Василий Семенович. Из служилых казаков, в 1794 г. начал службу в Троицкосавской пограничной канцелярии учеником монгольского языка и переводчиком (толмачом).

¹⁰⁷ [Грибовский] Уведомление о начале бытия россиян в Пейдзине и о существовании в оном грекороссийской веры... С. 31.

Миссия получила для руководства старую Инструкцию 1734 г. с некоторыми изменениями. В частности, второй пункт документа был изложен следующим образом:

«Сначала приезду в Китай прилагать старание, чтобы научиться их (насомых) языком говорить, дабы возможно было при удобных случаях внушать им внятно истины Евангелия. Призывать же к благочестию, сколько возможность допустит, и в том тщание свое прилагать по образу евангельской проповеди, со всяким усердием. И учение преподавать из одного евангелия, деяний и посланий апостольских, не отягощая обрацаемых разума, яко во младенчестве веры еще сущих, преданиями, кроме самых нужнейших и ко основанию веры служащих догматов. И в сем случае наблюдать следующий порядок. Доказывать: 1) бытие Бога, Его величество и совершенства, силу и премудрость в создании света; 2) бессмертие души, и что они за добрые дела награждены будут вечным блаженством, а за злые подвергнут себя суду Божию; 3) закон; 4) преступление человека; 5) нужду искупления и освобождения от строгости правосудия Божия; 6) нужду в Спасителе и оправдании. 7) О церкви и Тайнах. В изъяснении всего того поступать с такою осторожностью, чтобы, не внушивши и не уверивши об одной истине, к другой не приступать, а стараться каждую из оных часть столько изъяснить, чтобы последующая была заключением предыдущей. В изъяснении закона внушать наиболее: а) Бога любить и почитать всем сердцем; б) идолов отвергаться и вовсе забыть; в) имя Божие вспоминать с почте-

нием и ни в какой ложной клятве не призывать; з) родителей своих любить и почитать; д) в церковь в воскресенье и в праздничные дни ходить молиться с благоговением и слово Божие слушать со вниманием; ежели же что не дозволит быть в церкви, в то время молиться в домах своих; е) любить ближнего, т. е. не обидеть его ничем, не оскорбить печалью и никакой болезни ему не приключить, а толь наипаче не убить его на смерть; напротив делать ему, сколько возможно, добро, также и своего живота беречь, разумея, что не имеет человек власти, по слову Божию, сам себя убить; притом научать, чтобы не пьянствовали и были бы трудолюбивы; ж) сохранять верность и чистоту как в супружестве, так и кроме супружества; з) ни у кого ничего не отнимать, а тем паче ни у кого и ничего не красть, а все желаемое стараться приобрести своими трудами; и) ни на кого ни в чем не клеветать, не лгать и не обманывать; й) ничьему имению не завидовать и ничего чужого себе не желать; к) и что веру соблюсти без исполнения заповедей Божиих невозможно; л) о иконах святых поучать, чтобы они (пасомые) их не боготворили, а почитали только изображением, чрез которое на память приводится имя того, кто на них написан, и для того, взирая на них, понимали бы, что поклоняются не образам, но тем, кто на них написан. Сего на первый случай обращающемуся ведать довольно. Все же сие предлагать на рассуждение добровольное, отнюдь не угрожая ничем, ниже приводя к тому насилием каковым-либо. Что ж касается до преданий, яко то чтения по вся дни многих молитв, соблюдения во всякой неделе постных дней, а во всякой части года постов мно-

гонедельных, о том за первой случай упоминать, а отнюдь их не принуждать. Разумнейшим объяснять наипаче сие: что вера в Бога и Спасителя есть первейшее христианства основание, что церковные учреждения и сохранение постов спомоществуют вере истинной, и что впрочем хранение десяти заповедей есть самая главная добродетель, сопутствующая христианству, и никак и никогда не отделима от веры. К соблюдению же поста в страстную неделю, сколько возможно, поучением и увещанием приводить, ибо и св. апостол Павел делал в сем случае снисхождение... А как между таковыми, каковым проповедывать вы должны, сие снисхождение без соблазну их быть может, то, при обращении их, принуждения к постам не делать, а достигать сего терпеливым увещанием и ожиданием... Сверх сего учения никаких суеверий, пустых рассказов, ложных чудес и откровений не прибавлять, и ничего, что св. писанием не утверждено, не проповедывать. По каковом им наставлении и св. крещения сподоблять, да и потом, внушая им, сколько возможно чаще, вышеизображенное учение, увещевать, чтобы они в прежние мольбища свои не ходили и идолам не поклонялись, вспоминая им от св. писания, како Господь Бог жестоко и многократно казнил род жидовский за то, что они, оставя Бога, спасающего их, поклонялись идолам»¹⁰⁸.

Из других поручений, закрепленных в инструкции главе Миссии, было такое:

¹⁰⁸ Краткая история Русской Православной Миссии в Китае, составленная по случаю исполнившегося в 1913 году 200-летнего юбилея ее существования. Пекин, 1916.

«В продолжении бытности вашей в Пекине, когда будете находить способы удобные (без подачи однакоже тамошнему Правительству сомнения и повода видеть в вас себе надзорщика) к разведыванию в сем удаленном Государстве как о состоянии Его, так и о делах и жизни обитающих в нем народов... ибо оно не может быть не любопытно и не нужно по неимению средств к получению иначе достоверных известий о тамошнем политическом народа состоянии и происшествиях»¹⁰⁹.

Инструкцией также предписывалось монашествующим членам Миссии бороды не брить и одеваться соответственно сану. Особое внимание уделялось вопросам отношения с католиками, рекомендовалось проявлять осторожность при общении с ними. Отдельной строкой предписывалось не помещать в письмах секретных данных.

В Казань архимандрит Софроний (Грибовский) и П. И. Каменский приехали в середине сентября и долго здесь не задержались. Глава Духовной миссии принял от архиепископа Амвросия (Подобедова) миссионеров, а от местного генерал-губернатора князя С. М. Баратаева¹¹⁰ содержание на год вперед. В число духовных членов Миссии были включены иеромонахи Иессей, Варлаам и Вавила, а также церковники Козма Каргинский (Карагинский) и Василий Богородский. Здесь же в Казани все члены Миссии, согласно указа Св. Синода, дали подписку о повиновении своему начальнику

¹⁰⁹ Кіктенко В. О. Нарис з історії українського китаєзнавства. XVIII — перша половина XX ст.: дослідження, матеріали, документи. Київ, 2002. С. 46.

¹¹⁰ Баратаев Семен Михайлович (1745–1798). Генерал-майор. Казанский генерал-губернатор (1789–1798).

и обязались «вести себя прилично». Далее путь миссии лежал на восток, через Сибирь по Московскому тракту до Иркутска. Здесь нелишне заметить, что во время пребывания миссионеров в Казани будущий выдающийся синолог Никита Яковлевич Бичурин (о. Иакинф), тогда еще семинарист, впервые узнал о самой Русской духовной миссии в Пекине; тогда же, вероятно, состоялось первое знакомство Павла Каменского с Никитой Бичуриним.

В столицу Восточной Сибири VIII Духовная миссия прибыла 31 января 1794 г. Встречал миссионеров епископ Иркутский и Нерчинский Вениамин (Багрянский)¹¹¹. Глава самой восточной в мире Православной епархии принимал членов Пекинской миссии в своем доме. Архимандрит Софроний (Грибовский) с духовными членами Миссии до 16 июля жил в архиерейском доме, а «ученикам даны квартиры в обывательских домах».

В Иркутске подготовка Духовной миссии в Китай вступила в завершающую стадию и продолжалась до сентября 1794 г. В середине лета миссионеры выехали в Кяхту, куда и прибыли 28 июля. Высочайшим рескриптом от 16 августа 1793 г. Иркутский генерал-губернатор И. А. Пиль¹¹² обязывался выплатить миссионерам жалование за три года вперед. Вообще, архимандрит Софроний (Грибовский) позднее вспоминал:

¹¹¹ Епископ Вениамин (Багрянский) Василий Иванович, ? –1814). Из семьи сельского священника Тульского наместничества. Воспитанник Славяно-греко-латинской академии и Лейденского университета. Ректор Александрово-Невской духовной семинарии (1782). Ректор Новгородской духовной семинарии (1784). В 1789 г. в церкви Зимнего дворца хиротонисан во епископа Иркутского.

¹¹² Пиль Иван Альферьевич (? –1801). По происхождению швед. Иркутский генерал-губернатор (1788–1794).

«Во всю мою бытность в Иркутске пользовался приятельством и дружбою господина генерала губернатора Ивана Алфериевича Пиля»¹¹³.

О пребывании Духовной миссии в Иркутске следует сказать особо. Дело в том, что начало карьеры будущего выдающегося синоведа складывалось непросто, его поездка в Пекин оказалась под вопросом. Церковный историк архим. Николай (Адоратский) писал, что по прибытии в Иркутск в апреле 1794 г. «Петр Каменский подал прошение начальнику миссии насчет неспособности своей к изучению китайского и маньчжурского языков... и умолял уволить его от поездки в Пекин еще вследствие смерти брата и его 7 сирот, требовавших надзора и попечения. Св. Синод определением своим от 19 июня 1794 г. не нашел со своей стороны препятствий к удовлетворению просьбы Каменского, только при этом выразил свое опасение, что при исключении Каменского могли встретиться затруднения с листом в трибунал, где стояло имя Каменского»¹¹⁴. Св. Синод даже успел своим указом обязать Иркутского епископа подыскать нового ученика для Духовной миссии.

Среди причин, побудивших Павла Каменского написать подобное прошение, было и то, что он, 29-летний человек, был намного старше других студентов Духовной миссии. Вероятно, тяготы пути, отношения между членами миссии, длительная разлука с родиной и весьма неопределенные перспективы дальнейшей службы способствовали появлению у П. И. Каменского

¹¹³ [Грибовский] Уведомление о начале бытия россиян в Пейдзине и о существовании в оном грекороссийской веры... С. 32.

¹¹⁴ Николай (Адоратский), иеромонах. Православная Миссия в Китае за 200 лет ее существования // Православный собеседник. 1887. № 11. С. 299.

сомнений насчет правильности решения ехать с Миссией в Китай. Подобная ситуация не была какой-то исключительной. Например, всего через два года после этого, уже находясь в Пекине, другой член VIII Духовной миссии церковник Кузьма Каргинский начал ходатайствовать об отпущении его домой, чего через несколько лет смог добиться. Но П. И. Каменскому в 1794 г. в Иркутске пришлось отказаться от намерения вернуться домой. Дело в том, что Коллегия иностранных дел согласилась на увольнение, но потребовала возврата студентом П. И. Каменским 100 рублей, которых, вероятно, у него уже не было.

К концу лета 1794 г. подготовка VIII Духовной миссии для следования в Пекин была закончена. В «Краткой истории Русской православной миссии в Китае» говорится:

«На основании показаний "путевого журнала о следовании свиты и учеников в 1794 г. в Пекин", к миссии были прикомандированы: пристав В. Игумнов, толмач В. Новоселов, записаря иркутский мещанин Ф. Щегорин и три конвойных казака, подрядчик кяхтинский мещанин А. Якимов с пятнадцатью работными. Всех со свитой набралось тридцать два человека. Для них и под тягости было запасено: "210 лошадей, 40 верблюдов, 62 быка (на пищу), а всех 312 скотин". По исправлении всех своих надобностей миссия собралась в путь 2 сентября. В субботу "по утру в 12-м часу отправилась она свита из Троицкой Савской крепости на 6 повозках, тягости же оной — на 30 телегах (370 пудов) и 12 верблюдах. Дошедши до кяхтинской торго-

вой слободы, остановилась. А между тем господина секунд-майора П. Налабардина вместе с приставом Игумновым и поручиком Тютриным, прибыв в китайские Наймачины в дом заргучея, где был китайский пристав Келой с бошкой Уфу, были приняты ласково". Игумнов заявил о следовании миссии в Пекин по соседней обоим государствам дружбе и подал заргучею проезжий лист. После этого началось угощение, а затем состоялись и проводы...»¹¹⁵

Выехав из Кяхты 2 сентября 1794 г., русские путешественники добирались до китайской столицы почти три месяца. В «Краткой истории Русской православной миссии в Китае» было описано движение от границы и до Пекина:

«Путь следования миссии по Монголии был обычный: поднимались утром в 7–8 часу, переходили несколько верст и останавливались в 3–4 часа по полудни для отдыха и ночлега, а иногда для подковки скота и починок телег. "С Кяхты до Калгана в степи вся свита и конвойные довольствованы (были) по ведомствам китайскими и монгольскими приставами дровами (аргалом); нигде скудости не имели, не так как в прежние двукратные пристава Игумнова походы происходило. Еще на каждом стану от Урги давано духовным и ученикам для зимнего студеного воздуха по две юрты". 15 сентября миссия прибыла в Курен

¹¹⁵ Краткая история Русской православной миссии в Китае, составленная по случаю исполнившегося в 1913 году 200-летнего юбилея ее существования. Пекин, 1916.

(Ургу), откуда выехала 20 числа. 2 октября выпал снег, вследствие чего нужно было произвести подковку быков, подшивку верблюдов и пустить другим скотам кровь. В этот день навстречу миссии прошел китайский караван из Калгана в Кяхту на ста семнадцати телегах... С 9 октября началась безкормная дорога... 12 ноября миссия прибыла в Калган, где 17 числа того же месяца выдано было подрядчику Якимову 1141 ланы за доставку свиты и каравана до Калгана. В Пекин миссия добралась 27 ноября»¹¹⁶.

Рапортом в Св. Синод от 5 мая 1795 г. архимандрит Софроний (Грибовский) сообщил о принятии от начальника предыдущей Миссии наличных вещей в надлежащей исправности. В церковной описи оказалось:

«сорок три ризы, двадцать один подризник, двадцать девять епитрахилей, восемь палиц, десять поясов, двадцать один стихарь, тринадцать орарей, одиннадцать пар поручей, семь облачений на престол и жертвенник, двадцать три пелены, двенадцать воздухов, три чаши с сосудами, четыре напрестольных евангелия, пять крестов, две митры, три наперсных креста. В приходо-расходных книгах старой миссии, представленных св. Синоду, остальной церковной суммы значилось 2810 р. 22 коп., которые и поступили в распоряжение начальника новой миссии. Церковных дворов считалось двенадцать, да был еще один, тринадцатый, в закладной бывшего церковного старосты Ива-

¹¹⁶ Там же.

на Юфы. Последний дал на этот дом два заемных письма, которые 13 мая 1801 г. были возвращены ему по внесению им в церковь занятых денег в количестве 100000 чохов (200 руб.). Наконец, церковных пашен было по прежнему пять. Христиан при седьмой миссии оказалось тридцать человек мужеска пола и четыре — женска. Из числа их двадцать пять было потомков албазинцев (двадцать один мужч., четыре женщ.), остальные были — крещеные китайцы из ближайших к Пекину деревень: Хэсиву — четыре человека, Шаньдун — один, из Сань-хэ-сянь — один и из И-хань-цун — два»¹¹⁷.

2.3. Проблемы Миссии в Пекине в конце XVIII в.

В 1794 г. миссионеры прибыли в Пекин на смену членам VII Духовной миссии. Архимандрит Софроний (Грибовский) писал:

«27-го ноября прибыл нездоров в Пейдзин. По приезде застал российскую свиту в совершенном расстройстве, подчиненные, вышед из послушания у своего начальника, уклонились во всякие непорядки, пьянство, мотовство и драки с китайцами. Начальник, не имея к удержанию их ни малейших способ, пришел в крайнее безпокойство и уныние»¹¹⁸.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ [Грибовский] Уведомление о начале бытия россиян в Пейдзине и о существовании в оном грекороссийской веры ... С. 32.

Главой сменяемой Миссии был уроженец Польши архимандрит Иоаким (Шишковский)¹¹⁹. В составе VII Духовной миссии в Пекине работали иеромонахи Антоний (Седельников) и Алексей (Боголепов), иеродиакон Израиль, причетники И. Орлов и С. Соколовский, а также четыре ученика. Позднее исследователи писали:

«Седьмая миссия жила спокойно. Упреков и презрения к русским оказываемо не было... Русским дозволялось выезжать из подворья, куда им было угодно, так, например: вокруг Пекина вдоль стены. На теплые воды за 30 верст и в город Тунчжоу (за 20 верст), где останавливались товарные суда с юга. Равным образом и разные люди имели невозбранный вход в Русскую миссию... Русские миссионеры жили вообще замкнуто»¹²⁰.

Но совсем по-другому оценивал эту миссию архимандрит Софроний (Грибовский), непосредственно сменявший VII Миссию. Он крайне не лестно характеризовал всех членов этой Миссии, например:

«...сей церковник развратно жизнь не токмо всех от самого начала прежде его бывших в Пейдзине церковников и учеников, да и всех, кого-б из русских ни взять много превзошел; но и самых распутнейших неверных китайцев... своими непотреб-

¹¹⁹ Иоаким (Шишковский) Иван Федорович, ок. 1750–1795). Воспитанник Киевской духовной академии. В 1780 г., будучи иеромонахом Александро-Невского монастыря, был возведен в сан архимандрита и направлен главой Миссии в Пекин.

¹²⁰ Бэй-гуань: Краткая история Российской духовной миссии в Китае/Сост. Б. Г. Александров. М., 2006. С. 52–53.

ными и крайне соблазнительными качествами... превзошел»¹²¹.

Что касается собственно миссионерской деятельности, то успехи были скромными, сам архимандрит Иоаким (Шишковский) докладывал:

«При Никольской церкви, при первом свидании и в господские праздники видел только 12 мужчин и 2 женщины обывателей, отвыкших от исповеди и причащения. И склонить их к тому совсем почти невозможно. Да и кроме четырех известных православными христианами обитаемых домов прочие все неизвестно живут, неизвестно умирают и погребаются по китайским обрядам»¹²².

Некоторые исследователи позднее критически оценили способности архимандрита Иоакима (Шишковского):

«Мало заботился о разузнавании чего бы то ни было и проводил время в праздности»¹²³.

По-разному современники оценивали вклад архимандрита Иоакима (Шишковского) в развитие Пекинской миссии, но бесспорным остается то, что служению в Китае он отдал свою жизнь без остатка. На обратном пути

¹²¹ [Грибовский] Уведомление о начале бытия россиян в Пейдзине и о существовании в оном грекороссийской веры... С. 36.

¹²² Николай (Адоратский), иеромонах. Православная миссия в Китае за 200 лет ее существования // Православный собеседник. 1887. №10. С. 199.

¹²³ Там же.

глава VII Духовной миссии умер, так и не успев доехать до российской границы. Как пишут исследователи:

«21 мая 1795 г. он выбыл из Пекина в сопровождении членов миссии. Условия путешествия были нелегкими, архимандрит Иоаким ехал на муле и к вечеру путешественники прибыли в город Юйлин, расположенный "на третьей станции от Пекина". Здесь они расположились на отдых, и, казалось, ни чего не предвещало беды. Но 23 мая в 11 часов утра архимандрит Иоаким был найден в своей постели мертвым. Врач-китаец, приглашенный для освидетельствования покойного, поставил туманный диагноз... После этого тело о. Иоакима было погребено у городской стены "с западной стороны, вправо от проезжей дороги, на возвышенном месте"»¹²⁴.

Четверть века спустя русские миссионеры уже не смогли найти могилы, как отмечается в работе Е. Ф. Тимковского:

«Долго искали мы в окрестностях города, того места, где погребен наш Архимандрит Иоаким Шишковский, умерший в Юйлини, на возвратном пути из Пекина в Россию в 1795 году. Но мы не могли найти никаких признаков его могилы»¹²⁵.

Наиболее заметным исследованием истории VII Духовной миссии стала публикация в Москве в 1820 г. двухтом-

¹²⁴ Августин (Никитин), архимандрит. Россия и Китай: становление отношений // Миссионерское обозрение. 2001. №6.

¹²⁵ Тимковский. Е. Ф. Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 гг. Ч. 1. СПб., 1824. С. 371.

ного труда «Новейшее и подробнейшее историко-географическое описание Китайской империи, сочиненное Коллежским Советником и Кавалером Иваном Орловым»¹²⁶. 15-летним учеником Московской духовной академии сын пономаря И. Орлов был взят в 1780 г. в состав Пекинской миссии архимандритом Иоакимом (Шишковским). Вернулся на родину И. Орлов в 1795 г., а книга его была опубликована лишь в 1820 г. В предисловии автор писал:

«А как мне случилось самому в Китае быть и в самом оного столичном городе Пекине при духовной свите семь лет жить, где я, живши в течение всего того семилетнего моего пребывания, по узнанию по возможности тамошних Китайского и Манджурского языков, имея с тамошними жителями, то есть Китайцами и Манджурами, связь и дружественное по их обыкновению обхождение и знакомство...»¹²⁷.

Особо И. Орлов отметил, что до сих пор российское общество знакомилось с Китаем через переводы европейских исследований и «что ни с самого начала заведения между Россией и Китаем коммерции, ниже с того времени, как в столичном оного города Пекине, посылаемые туда попеременно наши духовные свиты с студентами стали жить, по ныне ни от кого из числа бывших и живших там при оных свитах соотечественников и предшественников моих, оному государству никакого описания еще не сделано...»¹²⁸. Это было

¹²⁶ Орлов И. Новейшее и подробнейшее историко-географическое описание Китайской империи. Ч. 1–2. М., 1820.

¹²⁷ Там же. Ч. 1. С. 4.

¹²⁸ Там же. С. 5.

первое выполненное русским синологом полное историко-географическое описание Китая, и последующие исследователи, такие как архимандрит Иакинф (Бичурин), успешно продолжили работу в этом жанре.

Заметное влияние на развитие русского китаеведения оказал и единственный из вернувшихся в российскую столицу учеников VII Духовной миссии — «Антон Григорьевич Владыкин, азиатской нации»¹²⁹. Как отмечали исследователи истории Пекинской миссии, «некоторые книги были переведены Владыкиным при учрежденном коллегией училище китайского и маньчжурского языков, кроме того им же была составлена маньчжурская грамматика по примеру краткой российской грамматики»¹³⁰. А. Г. Владыкин первым на русский язык переводил «Юань ши», а указом императора Александра I от 9 января 1808 г. за перевод «сочинения не известного ученому свету» — «Мунгальской истории» — получил «единовременное вознаграждение»¹³¹. А. Г. Владыкин первым из российских сиологов и одним из первых среди европейцев вообще начал перевод «Шаншу»¹³².

Вновь прибывшая VIII Миссия с первых дней своей работы в Пекине встретила с множеством проблем, а в дальнейшем нередко подвергалась критике с разных сторон. Не избежал критики в свой адрес и начальник

¹²⁹ Николай (Адоратский), иеромонах. Православная миссия в Китае за 200 лет ее существования // Православный собеседник. 1887. №10. С. 191.

¹³⁰ Краткая история Русской православной миссии в Китае, составленная по случаю исполнившегося в 1913 году 200-летнего юбилея ее существования. Пекин, 1916.

¹³¹ Куликова А. М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в. — 1917 г.). СПб., 1993. С. 320.

¹³² Попова Г. С. Введение в системное описание Шучзин как исторического источника // Общество и государство в Китае. Т. XLII. Ч. 1. М., 2012. С. 251.

Миссии, в составе которой впервые в Пекин приехал будущий архимандрит Петр (Каменский). Церковный историк Николай (Адоратский) писал:

«Являясь св. Синоду и министерству иностранных дел, о. Софроний, в оправдание своей скромной деятельности и малых результатов выставлял препятствием к распространению православия в Китае именно то, что приезжавшие туда из России монашествующие посылались всегда почти из неученых, и притом не молодые люди... и по причине своего непросвещения подвергались у считавших себя умнее всех на свете китайцев призрению и посмеянию. Последние считали за великий стыд иметь своими учителями, по их мнению, диких и неученых людей, не знающих ни их церемониальных обычаев, ни разговоров»¹³³.

Историк Н. И. Веселовский писал:

«Арх. Софроний Грибовский провел в Пекине 13,5 лет и не ознакомился ни с китайским языком, ни с манчжурским, хотя в инструкции, преподанной восьмой миссии, настойчиво предписывалось “с начала приезда в Китай прилагать старание, чтобы научиться пасомых языком говорить”. Со своими подчиненными арх. Софроний не жил в ладу. По официальному донесению о. Иакинфа Бичурина, начальника девятой миссии, арх. Софроний в виде наказания удерживал за несколько годов

¹³³ [Адоратский] И. Н. А. Отец Иакинф Бичурин. Исторический этюд // Православный собеседник. 1886. Февраль. С. 178.

их жалование и тем доводил их терпеть величайшую бедность. Наконец отрешил всех от церкви и причастия святых таин. Около трех лет вовсе не виделись они. И вообще отзыв о. Иакинфа об арх. Софронии был очень суров: “Отправляясь из России, не имел он (Софроний) других способностей, посту его свойственных, кроме неопытности, которая сопутствовала ему в Пекине. В течение 13 лет, совершенно ничем незанимаясь, разстроил с здоровьем и дух свой и предался строптивости”¹³⁴.

Как видно из вышесказанного, оценки деятельности Софрония (Грибовского) опирались на мнение архимандрита Иакинфа (Бичурина), сменившего архимандрита Софрония на посту начальника Духовной миссии в Пекине. И здесь необходимо учитывать тот факт, что вообще в традиции того времени было, чтобы главы Духовной миссии в Пекине критиковали своих предшественников. Но странно видеть обвинения Иакинфом (Бичуриным) своего предшественника в «строптивости» и отсутствии взаимопонимания со своими подчиненными, так как именно за это его самого, главу следующей Духовной миссии, после возвращения из Пекина подвергли судебному преследованию. Архимандрит Софроний (Грибовский), в отличие от своего «хулителя», осужден не был, а напротив, после того, как «представил начальству отчет о деятельности миссии и в министерство иностранных дел особые записки о своих личных трудах... получил пенсию...»¹³⁵. И хотя научное наследие архимандрита Софрония

¹³⁴ Материалы для истории Российской Духовной Миссии в Пекине/Ред. Н. И. Веселовский. Вып. I. СПб., 1905. С. V.

¹³⁵ Там же.

(Грибовского) оценивалось по-разному (например, архимандрит Авраамий (Часовников) писал: «Произведения архимандрита Софрония — не самостоятельны и страдают тяжестью слога»¹³⁶), даже советские историки называли о. Софрония (Грибовского) «первым российским историком Китая»¹³⁷.

Говоря об истории Российской духовной миссии в Пекине, можно вспомнить, что всяческое осуждение ее возглавлявших архимандритов было «в традициях» того времени: репрессиям подвергся уже начальник II миссии, архимандрит Антоний (Платковский). Исследователи писали:

«... и поручили это дело агенту Лангу¹³⁸. Тот, не вникнув особенно в справедливость ходивших слухов, поступил с архимандритом с чрезмерною жестокостью; он подверг его телесному наказанию и в цепях отправил в Россию»¹³⁹.

Крайне критически оценивали деятельность глав Духовной миссии российские дипломаты в конце XIX в., когда уже обозначилось противостояние между дипломатической и духовной миссиями в Пекине. В литературе отмечается, что архимандрит Николай (Цвет) (VI миссия, 1771–1781), по отзывам

¹³⁶ Бэй-гуань: Краткая история Российской духовной миссии в Китае / Сост. Б. Г. Александров. М., 2006. С. 58.

¹³⁷ История отечественного востоковедения до середины XIX века. М., 1990. С. 267.

¹³⁸ Лоренц (Лаврентий) Ланг (1690-е – 1752) — шведский инженер. Поступил на службу к Петру Великому в 1712 г. в качестве лейтенанта инженерного корпуса. Шесть раз исполнял дипломатические миссии в Китае. После заключения Кяхтинского договора возглавлял ряд торговых караванов в Китай.

¹³⁹ Коростовец И. Я. Русская духовная миссия в Пекине. Исторический очерк // Русский архив. 1893. № 9. С. 61.

учеников, «был ленив и не старался для собирания сведений для нашего правительства», а архимандрит Иоаким (Шишковский) (VII миссия 1781–1794) «мало заботился о разузнавании чего бы то ни было и проводил время в праздности»¹⁴⁰. Проблемы, без сомнения, были. Здесь нелишне привести суждения самого архимандрита Петра (Каменского) относительно глав предыдущих миссий:

«Лежайский довел свиту до того, что, избрав случай, пали на колени пред государем и просили о защищении, а некоторые о возвращении в Россию, Платковской довел себя до неприличного сану своему наказания. Цвет являл из себя совершенный образ слабостей. Шишковский занимался единственно собиранием богатства и чинкою часов, а Грибовский, мой начальник, жил по своим понятиям»¹⁴¹.

Обозревая историю Российской духовной миссии в XVIII в., стоит признать, что критическое отношение потомков к деятельности миссионеров отнюдь не должно умалять их заслуг. Несомненно, содержание и результаты работы миссионеров отражали уровень их возможностей, объективно существовавший в ту эпоху. Да и условия жизни в Китае для русского человека были весьма непривлекательны. Не случайно, около половины православных миссионеров в XVIII в. так и не вернулись домой, закончив свой земной путь в Пекине или по дороге на родину.

В опубликованной в журнале «Китайский благовестник» в 1912 г. статье говорилось:

¹⁴⁰ Там же. С. 64.

¹⁴¹ ГАКК. Ф. 805. Оп. 1. Д. 98. Л. 12.

«В частной жизни своей миссионеры того времени терпели крайние лишения... они испытывали гнетущую тоску по родине, граничавшую с отчаянием. Вследствие этого многие из них не выдержали, падали глубоко; но мы далеки от осуждения, зная, как в то время каждый шаг доставался нам с великим трудом и самоотречением»¹⁴².

Из состава VII Духовной миссии первым умер иеромонах Антоний в 1782 г., затем в 1792 и 1795 гг. умерли еще три члена, а, не доезжая русской границы, скончались и сам глава Миссии, и еще один ее студент, Алексей Попов. Первый член новой, VIII Миссии заболел сразу по приезду в Пекин, и его отпустили домой с возвращавшимися в Россию миссионерами старого состава. Сам глава VIII Миссии архимандрит Софроний (Грибовский) уже весной 1799 г. жаловался прямо в Св. Синод на «болезнь свою от воздуха, пищи и воды». В 1804 г. начальник миссии докладывал:

«Я, по благости Божией, жив, но здоровьем не так счастлив, а особливо желудком и ногами не здоров. Иеромонахи же по долговременной болезни оба померли...»¹⁴³

В статье, опубликованной в 1822 г. в журнале «Сибирский вестник», говорилось:

«Монахи все трое и ученик Малышев умерли в Пекине, учитель Круглопалов вскоре возвратился

¹⁴² Праздник Всех Святых Мучеников и юбилей Миссии // Китайский благовестник. Год IX. 1912. Вып. 4. С. 9.

¹⁴³ Бэй-гуань: Краткая история Российской духовной миссии в Китае / Сост. Б. Г. Александров. М., 2006. С. 58.

по болезни... церковник Каргинский по болезни также возвратился в 1799 году в Казань...»¹⁴⁴

В конечном итоге VIII Российская духовная миссия должна была работать в Китае до 1805 г., но задержалась, за неприбытием новой миссии, еще на три года.

Постоянной проблемой, с которой сталкивалась каждая новая миссия, была недостаточная преемственность опыта прошлых миссий. Вновь прибывшие миссионеры были незнакомы с обстановкой и порядками в китайской среде. Не помогало и то, что обе миссии — старая и новая — находились в Пекине несколько месяцев для перенятия соответствующих знаний и опыта. Каждая предыдущая миссия забирала с собой учебные пособия и книги, приобретенные ими за время пребывания в Китае, весь наработанный ими материал также вывозился в Россию. Каждой последующей миссии приходилось практически начинать с начала постижение китайской культуры, осваиваться на новом месте, что отнимало значительное время. В итоге развитие отечественной синологии и миссионерства в Китае существенно отставало от Запада.

Отношение к русским миссионерам со стороны китайского населения и императорского двора оставляло желать лучшего. Презрение, обман, недружелюбие — вот что стало сопровождать русских миссионеров в Пекине. В итоге каждая вновь прибывшая миссия, еще не успев зарекомендовать себя, подвергалась насмешкам и издевательствам. Китайские исследователи пишут:

¹⁴⁴ О начале торговых и государственных сношений России с Китаем и о Духовной миссии в Пекине // Сибирский вестник. Ч. 19. 1822. С. 30.

«Посылаемая группа в Китае не могла состоять из квалифицированных кадров. Духовенство (руководители), студенты... никогда не были в Китае... по прибытии в Китай, их стандартные чувства: рассматривать “Китай — земля труднодоступная” как результат годового долгого путешествия в Пекин. Они лишились надежды на смену и возвращение домой. Из-за долгого периода жизни в Пекине они страдали от одиночества и сильной депрессии. От этого излишне пьанствовали, проигрывали собственное достоинство, даже, часто, разрушали собственную жизнь. От такого состояния дел дисциплина в церкви сильно хромала, часто совершались драки и злые поступки, недоставало духа кооперации. В Пекине впечатление природных китайцев было крайне негативно»¹⁴⁵.

Серьезной проблемой Духовной миссии в Пекине всегда было материальное снабжение. Не случайно архимандрит Софроний (Грибовский) еще в Иркутске просил выдать ему содержание на семь лет вперед, так как его предшественники больше пяти лет «не удовлетворялись жалованием вследствие затруднительности в доставке его». Несмотря на опыт предшествующей Миссии, просьба главы VIII Духовной миссии удовлетворена не была. Дополнительные проблемы возникали из-за того, что жалование выдавалось мехами, и самим миссионерам нужно было «обналичивать» меха в Пекине. В документах отмечалось:

¹⁴⁵ Ми Чжэньбо. Циндай бэйцзин элосы дунчжен цзяохуэй тушугуань дэ жогань вэньти [Некоторые вопросы, касающиеся библиотеки Русской православной церкви в Пекине во время династии Цин] // Гугун боугуань яньцзю [Исследования музея Гугун]. 1994. №3. С. 84.

«1 декабря 1794 г., с согласия обоих начальников миссии казенная мягкая рухлядь, отпущенная для промена на китайское серебро, была разобрана по добротам и разным ценам, из которой (рухляди) 1-й и 2-й партии несколько лучших бобров, также 1-й партии лисиц сиводушек и красных несколько было отобрано с тем намерением, чтобы наперво об них не сказывать и для промены не казать (китайцам), а показывать пониже тех доброт выбойную рухлядь, разделяя бобры на 5 сортов, каждый сорт по неравной цене. 24 февраля 1795 г., будучи в собрании обеих духовных свит, их высокопреподобия отцы архимандриты Иоаким и Софроний, также иеромонахи со студентами, вообще с приставом Игумновым единогласно о продаже всей казенной мягкой рухляди положили нижеследующее согласие»¹⁴⁶.

Реализация пушнины была непростым делом для главы Миссии, не избежал проблем и архимандрит Софроний (Грибовский). Продав часть пушнины в долг, а также ссудив под проценты деньги, глава VIII Духовной миссии смог вернуть эти средства не сразу, с большим трудом, с помощью китайских властей.

Высшие чиновники в России не представляли себе реальное положение дел в Миссии и не доверяли донесениям архимандритов. Например, позже множественные донесения о трудностях жизни в Китае архимандрита Софрония (Грибовского) были переадресованы Св. Синодом в виде вопросов студенту предыдущей миссии Антону

¹⁴⁶ Краткая история Русской православной миссии в Китае, составленная по случаю исполнившегося в 1913 году 200-летнего юбилея ее существования. Пекин, 1916.

Владыкину, чтобы он разъяснил, действительно ли всё, о чем писал о. Софроний, имело место.

Глава Пекинской миссии архимандрит Софроний (Грибовский) выгодно отличался от своих предшественников. Исследователи писали о нем:

«Пытался поставить деятельность Русских миссионеров на разумную почву. Он предоставил Св. Синоду проект тех изменений, которые, по его мнению, необходимо было сделать, чтобы инструкции, даваемые в Петербурге, не оставались мертвою буквою, как было до тех пор. Софроний полагал, что взрослые Китайцы принимают христианство только ради выгод и что поэтому необходимо воздействовать на молодежь; и дабы из такого воздействия получился практический результат, нужно устроить школу...»¹⁴⁷.

Действительно, архимандрит Софроний (Грибовский) предлагал открыть школу для обучения албазинцев русскому языку. Необходимость специальной школы была обусловлена тем, что молодые албазинцы полностью утратили язык предков, а кроме того, были желающие изучать русский язык и среди китайцев.

Говоря о трудах архимандрита Софрония (Грибовского), мы можем утверждать, что он продолжил традиции своих предшественников. Историк Н. И. Веселовский отмечал, что в начале XIX в. «два труда арх. Софрония Грибовского уже появились в печати. В “Сибирском Вестнике” за 1823 г. ч. I помещено “Путешествие архимандрита Софрония Грибовского от Пекина до Кяхты в 1808 году”.

¹⁴⁷ Коростовец И. Я. Русская духовная миссия в Пекине. Исторический очерк // Русский архив. 1893. №9. С. 57–86.

В “Чтениях в И. обществе истории и древностей российских” за 1861 г. кн. I напечатано другое сочинение арх. Софрония: “Известие о Китайском, ныне маньчжуро-китайском государстве” (стр. 23–119) ...»¹⁴⁸. Другой известный труд архимандрита Софрония (Грибовского) — «Уведомление о начале бытия россиян в Пейдзине и о существовании в оном грекороссийской веры» — на полвека был даже утерян, но в начале XX в. всё же был напечатан в Санкт-Петербурге. Забегая вперед, можно предположить, что и ученик VIII Миссии П. И. Каменский принимал участие в подготовке вышеуказанных исследований.

Таким образом, П. И. Каменский приехал в Пекин в трудное для Российской духовной миссии время. В конце XVIII в. русские миссионеры и светские члены Миссии испытывали всяческие лишения и сталкивались с различного рода препятствиями. Следствием этого были не только их страдания в Китае и непонимание на родине, но и преждевременная гибель. Тем не менее, миссионеры в большинстве своем стойко переносили тяготы и лишения, сохраняли миссию, успешно служили Церкви и Государству.

2.4. Становление синолога

В конце 1794 г. П. И. Каменский в составе VIII Духовной миссии прибыл в Пекин. Немолодой ученик, уже прошедший, казалось бы, все возможные школы и университеты, вновь засел за учебу. Перед Павлом Каменским стояла задача в кратчайшие сроки выучить основные языки Китайской империи. Не владевший ни маньчжурским,

¹⁴⁸ Материалы для истории Российской Духовной Миссии в Пекине / Ред. Н. И. Веселовский. Вып. 1. СПб., 1905. С. V.

ни китайским языками, начальник VIII Духовной миссии архимандрит Софроний (Грибовский) не стал изучать эти языки и Пекине, но еще до отъезда в Китай четко выразил свою позицию — русским миссионерам в Пекине изучать языки необходимо. Как писали исследователи, «глава миссии, кроме того, полагал, что на должности священнослужителей следует назначать людей не без разбора, а выбирать лишь окончивших семинарию, и непременно молодых, которые бы имели время и охоту учиться трудному Китайскому языку»¹⁴⁹. И в инструкции, данной начальнику VIII Духовной миссии Софронию (Грибовскому), предписывалось:

«Ученики должны были прилежно обучаться языкам, для чего начальник миссии обязывался бдительно надзирать за ними»¹⁵⁰.

Несмотря на полученные инструкции и обязательства, даже учитывая личные качества П. И. Каменского, опыт прямых предшественников не внушал оптимизма на будущее. Из четырех учеников предыдущей VII Духовной миссии только один, А. Г. Владыкин, вернулся в Россию и работал переводчиком, остальные так и умерли в Китае, не дождавшись возвращения домой.

По приезду в Пекин сразу же стало ясно, что организация преподавания китайского языка оставляет желать лучшего. Архимандрит Софроний (Грибовский) докладывал в Санкт-Петербург, что не нашел в Пекине никаких пособий для учеников. Члены предыдущих миссий всё

¹⁴⁹ Коростовец И. Я. Русская духовная миссия в Пекине. Исторический очерк // Русский архив. 1893. № 9. С. 57–86.

¹⁵⁰ Николай (Адоратский), иеромонах. Православная Миссия в Китае за 200 лет ее существования // Православный собеседник. 1887. Ноябрь. С. 298.

наработанное и написанное забирали с собой в Россию, ничего не оставляя для вновь прибывших студентов. Назначенные от китайского правительства учителя работали мало и плохо, и начальник Миссии в 1796 г. нанял на церковные деньги частного учителя и начал формировать миссийскую библиотеку.

Для проверки претензий и предложений архимандрита Софрония (Грибовского), Коллегия иностранных дел поручила вернувшемуся из Пекина студенту предыдущей миссии Антону Владыкину дать разъяснения, которые и были получены летом 1802 г. В части вопросов об организации учебного дела, по мнению А. Г. Владыкина, качество работы китайских учителей зависело от личных взаимоотношений начальника Миссии с китайским чиновником, отвечающим за ее деятельность. Переводчик российской Коллегии иностранных дел писал:

«По 5-му пункту о двух учителях, определенных от китайского правительства, доношу, что они из чиновников, служащих в коллегии Академии Наук. За сие обучение не получают никакого особого жалованья и в мою бытность в Пекине обыкновенно приезжали от 4-х до 5 раз каждый месяц. А что ныне они толь редко стали ездить, то не происходит ли сие от учащихся? Не учинились ли они пред ними ослушны, или неблагоприятны, или, как пишет архим. Софроний, что нанял он частного учителя для учеников, то не показалось ли сие им в пренебрежение... А чтобы российские ученики прилежнее обучались тамошним языкам и видны были их успехи и знания, то нужно при отправлении их в Пекин назначать от государ-

ственной коллегии иностр. дел две или три книги им для перевода, с предписанием представлять оные в коллегию по возвращении»¹⁵¹.

Относительно преемственности в обучении А. Г. Владыкин высказал следующее мнение:

«Пособий нельзя оставлять для новых старым ученикам, потому что они необходимы последним. Новые от прежних могут только научиться читать и писать по-маньчжурски и узнать несколько китайских слов для разговора... Необходимо снабжать учеников еще в России книгами, переведенными с тамошних языков на российский и касающимися до познания китайского государства. Нужны для них лексиконы и первоначальные книги с переводами... А из лексиконов имелись: 1) полный маньчжурский с российским переводом, 2) краткий российский, с китайским и маньчжурским переводами и 3) китайский, в котором по маньчжурскому алфавиту были собраны китайские буквы; перевод же сделан маньчжурский, дабы учащиеся более могли затвердить маньчжурских слов. Впрочем бесполезно, думаю, ученикам иметь знакомство с европейскими миссионерами, также учителями и учениками учрежденного в Пекине российского училища...»¹⁵²

Ко времени выезда Павла Каменского на учебу в Пекин в России существовал минимум учебных пособий, пред-

¹⁵¹ Краткая история Русской православной миссии в Китае, составленная по случаю исполнившегося в 1913 году 200-летнего юбилея ее существования. Пекин, 1916.

¹⁵² Там же.

назначенных для изучения китайского и маньчжурского языков. Имелся и опыт составления и использования этих пособий. Уже первый русский китаевед и преподаватель китайского языка И. К. Россохин¹⁵³ перевел на русский используемые в китайской школе в качестве учебных пособий «Цянь-цзы вэнь» («Текст из тысячи знаков») и «Сань-цзы цзин» («Книга из трехзнаковых фраз») Ван Инлиня. Но эти пособия не были изданы «из-за засилья немцев в образованной в 1724 г. петербургской академии наук»¹⁵⁴. В 1779 г. в издательстве при Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге всё же было издано первое специальное учебное пособие под следующим названием: «Букварь китайской состоящей из двух китайских книжек, служит у Китайцев для начального обучения малолетних детей основанием. Писан на стихах, и содержит в себе много Китайских пословиц. Перевел с Китайского и Манжурского на Российской язык прозою Надворный Советник Алексей Леонтьев»¹⁵⁵. На следующий год там же была издана работа того же А. Л. Леонтьева¹⁵⁶

¹⁵³ Россохин (Рассохин) Илларион Калинович (1717–1761). Основатель русского китаеведения, первый русский преподаватель китайского языка в России. Воспитанник школы монгольского языка в Иркутске, 12 лет жил в Пекине в качестве ученика Духовной миссии. С 1738 г. преподавал в Училище русского языка при Императорской канцелярии в Пекине. С 1741 по 1751 гг. руководил школой китайского и маньчжурского языков при Академии наук в Петербурге.

¹⁵⁴ Установления династии Чжоу (Чжоу ли): Разд. 1. Небесные чиновники. Цз. 1/Пер. с кит., вступ. ст., коммент. и прил. С. Кучеры. М., 2010. С. 20.

¹⁵⁵ Леонтьев А. Букварь китайский... СПб., 1779.

¹⁵⁶ Леонтьев Алексей Леонтьевич (1716–1786). Воспитанник Славяно-греко-латинской академии, школы китайского языка Чжоу Гэ, ученик Пекинской миссии. С 1745 г. преподавал в Училище русского языка при Императорской канцелярии в Пекине, в 1763–1767 гг. учитель школы китайского и маньчжурского языков при Коллегии иностранных дел.

«Сы шу Геи, то есть четыре книги с толкованиями. Книга первая филозова Конфуциуса»¹⁵⁷. С большой долей вероятности можно предполагать, что до поездки в Пекин П. И. Каменский успел ознакомиться с опубликованными в Санкт-Петербурге работами А. Леонтьева, но вряд ли у него была возможность начать изучать китайский язык по этим пособиям.

При изучении китайского языка ученики Миссии могли использовать лишь традиционные способы и методы, сложившиеся еще в начале XVIII в. Исключением не был даже Санкт-Петербург, где в качестве пособий издавались переводы книг, по которым учились сами китайцы. Пекин тем более ничего другого предложить не мог. Основными составляющими в системе изучения китайского языка учениками Духовной миссии были уроки у китайских учителей, изучение языка с помощью составленных католическими миссионерами латинско-китайских словарей, погружение в китаезычную среду и работа в китайских учреждениях. Китайские учителя использовали традиционные методы обучения, язык и письменность постигались посредством заучивания классических китайских книг.

В Пекине Павел Каменский в своих трудах по изучению китайского и маньчжурского языков был не одинок. Достойную ему компанию составляли другие студенты VIII Духовной миссии — Семен Липовцов и Василий Новоселов. Толмач монгольского языка казачий сын Василий Новоселов добровольно занял место убывшего студента Карпа Круглополова, заявление о болезни которого уже в 1795 г., «было подтверждено китайским учителем и католическим миссионером Иосифом Бернардом».

¹⁵⁷ Леонтьев А. Сы шу. Книга первая философа Конфуциуса. СПб., 1780.

Еще один ученик, Иван Малышев, вступил в конфликт с начальником Миссии. Архимандрит Софроний (Грибовский) жаловался Иркутскому генерал-губернатору, что его подопечный *«читать и переводить по-китайски знает, но писать и до сих пор не умеет, да и теперь не учится, хотя ему три года уже приказываю, дабы он из российского на китайском языке подал переводы. Но он, Малышев, по причине великого бесстрашия, оказываемого им ко мне, своему начальнику, непочитания и своевольства и до сего времени оно не подал»*¹⁵⁸.

П. И. Каменский с товарищами оказались в Пекине в особенно сложной ситуации. Ученики VIII Духовной миссии в отличие от некоторых предшественников не имели предварительной подготовки по китайскому языку. В 1742 г., например, в Китай были направлены ученики А. Л. Леонтьев и А. М. Канаев, прошедшие предварительную языковую подготовку с китайским учителем в Москве; другие ученики Миссии предварительно изучали монгольский язык. Один из членов VIII Миссии писал:

*«Ученики, посылаемые в Пекин, будучи нима-ло не научены языкам Китайскому и Маньчжурскому, принуждены бывают года 2 и 3 только упражняться в затверживании вокабул и литер; к тому ж казенные учителя, не получая никакой награды, бывают ленивы и неоткровенны»*¹⁵⁹.

¹⁵⁸ Краткая история Русской православной миссии в Китае, составленная по случаю исполнившегося в 1913 году 200-летнего юбилея ее существования. Пекин, 1916.

¹⁵⁹ Коростовец И. Я. Русская духовная миссия в Пекине. Исторический очерк // Русский архив. 1893. №9. С. 66.

Но повторить тот опыт в конце XVIII в. не представилось возможным.

На своем пути становления китаевода П. И. Каменский встречал трудности не только в части изучения языков. Сама по себе жизнь и работа в Пекине была полна лишений. Не хватало средств для полноценного функционирования всей Православной миссии. Денег не хватало не только для найма учителей, но даже на благоустройство церквей. В письме одного из членов Миссии можно прочитать:

«Находящаяся среди Пекина в монастыре Российская Сретения Господня церковь каменная, никакого не имеет внутреннего украшения; иконостас писан на холсте, стены оклеены бумагою, оконницы слюдяные. А церковь св. Николая, обретающаяся в северо-восточном углу Пекина, ветха и убога и притом неподобна храмам Российским...»¹⁶⁰

О трудностях, испытываемых миссионерами, можно судить по содержанию рапорта архимандрита Софрония (Грибовского) от 18 июня 1804 г. в Иркутск:

«Я, по благодати Божией, жив, но здоровьем не так счастлив, а особливо желудком и ногами нездоров. Иеромонахи же, по долговременной болезни, оба померли: иеромонах Варлаам 1802 г. июля 22 дня, а иеромонах Иисей 1804 года, мая 2-го числа»¹⁶¹.

Тем не менее, исследователи справедливо отмечают:

¹⁶⁰ Там же. С. 57–86.

¹⁶¹ Бэй-гуань: Краткая история Российской духовной миссии в Китае / Сост. Б. Г. Александров. М., 2006. С. 58.

«Действительно, за всю историю Пекинской миссии многие из ее начальников и членов, не выдержав непривычного климата, тягот быта и действительно оторванности от родины и близких, умирали в Пекине, но в начале XIX в. из 11 членов 8-й миссии были живы 8 чел. ...»¹⁶²

Несмотря на материальные трудности, финансово-экономическое положение VIII Миссии было лучше многих других, жалование поступало более-менее исправно, а российские власти не позволили архимандриту Софронию (Грибовскому) такие «эксперименты», как распродажу недвижимости, с которой миссионеры получали дополнительный доход в виде арендной платы. Вообще, Санкт-Петербург не очень доверял претензиям и инициативам главы VIII Миссии, списывая их на некомпетентность вследствие незнания о Софронием (Грибовским) китайского и маньчжурского языков.

Таким образом, общая ситуация в Духовной миссии позволяла, хоть и не без трудностей, всё же успешно достигать поставленных целей. Об успехах П. И. Каменского и других студентов можно судить по рапортам начальника VIII Миссии в Санкт-Петербург. Например, в 1796 г. архимандрит Софроний (Грибовский) отмечал:

«Я, написав на Латинском языке прошение (ибо в то время не знали еще ученики ни по Манджурски, ни по Китайски) ...»¹⁶³.

¹⁶² Ипатов А. С. Место Российской духовной миссии в Китае в истории русско-китайских отношений // Востоковедение и мировая культура. К 80-летию академика С. Л. Тихвинского: Сб. статей. М., 1998. С. 211.

¹⁶³ Софроний (Грибовский), архимандрит. Известие о Китайском, ныне Манджуро-Китайском государстве. М., 1861. С. 10.

А в рапорте Иркутскому генерал-губернатору от 18 июня 1804 года начальник Миссии уже сообщал:

«Ученики же читать, писать, исправно переводить и твердо разговаривать по-манжурски довольно хорошо знают, как я мог видеть из поданных ими мне переводов, которые, по свидетельству веропроповедников, коим я оные переводы показывал, явились похвальными. Да из других случавшихся дел могу знать, что все четыре ученика довольно успели в познании манжурского языка. По-китайски же два ученика, Степан Липовцев и Василий Новоселов, а прежде помешательства в уме, случившегося марта 8 дня 1804 г. ученику Павлу Каменскому, и Каменский также читать, писать, разговаривать и переводить изрядно могут»¹⁶⁴.

П. И. Каменский не избежал увлечения китайской духовной культурой и даже некоторой ее идеализации. По возвращении на родину в письме к одному из высших церковных иерархов он «каялся»:

«Высокопреосвященнейший Владыко Милостивый архипастырь! Блудный сын... служит для меня разительным примером... он питался рожками и волчками свиной, я питался плевел исполненных хлебом Конфуциянского — Лоудзиевского и Фоевского учения — Суэта всегда пребудет Суэтою — утомленный оною следуя тому ж блудному сыну, возвратившись яко единый из прокаженных

¹⁶⁴ Краткая история Русской православной миссии в Китае, составленная по случаю исполнившегося в 1913 году 200-летнего юбилея ее существования. Пекин, 1916.

повергаюсь пред архипастырскими стопами вашими, молю да очищуся и сопричтуса к первобытному моему духовному иноческому состоянию»¹⁶⁵.

Здесь следует обратить внимание на указание архимандрита Софония (Грибовского) на странный факт из жизни П. И. Каменского — «помешательство в уме». Вероятно, речь шла либо о неожиданно возникших проблемах со здоровьем, либо о каком-то остром конфликте начальника миссии с учеником. И то и другое для Российской духовной миссии в Пекине было делом довольно обычным, почему в дальнейшем данное замечание не вызывало особого интереса у исследователей истории Пекинской миссии. Начальник следующей Миссии архимандрит Иакинф (Бичурин) так оценивал взаимоотношения архимандрита Софония (Грибовского) со студентами:

«Огорченный Софоний всякое ученикам и братии притеснение, в его власти состоящее, почитал законным для них наказанием. Удерживал за несколько годов жалованье и тем доводил их терпеть величайшую бедность. Наконец, отрешил всех от церкви и причастия святых таин. Около трех лет вовсе не виделись они...»¹⁶⁶

Дополнительным стимулом к как можно скорейшему изучению языков Китая учениками Миссии в Пекине было то, что незнание архимандритом языков тормозило

¹⁶⁵ ГАКК. Ф. 805. Оп. 1. Д. 103. Л. 12.

¹⁶⁶ Краткая история Русской православной миссии в Китае, составленная по случаю исполнившегося в 1913 году 200-летнего юбилея ее существования. Пекин, 1916.

развитие миссионерской деятельности. Данная ситуация также затрудняла решение хозяйственных дел, связанных с ремонтом двора, наймом преподавателей для миссионеров и т. д., не говоря уже о дипломатических вопросах.

Таким образом, будущий архимандрит Петр (Каменский) в труднейших условиях проживания в Пекине конца XVIII в., в немолодом возрасте прошел школу китайского языка. П. И. Каменский вместе С. В. Липовцовым и В. С. Новоселовым преуспели в изучении языков, истории и культуры Китая. Подтверждением успехов нового поколения русских китаеведов является работа учеников VIII Миссии в китайских учреждениях и первые научные труды в области китаеведения.

2.5. Первый опыт работы в Пекине

Сразу же по овладении основами китайского и маньчжурского языков Павла Каменского вместе с другими учениками Миссии китайские власти стали приглашать для выполнения разных работ. В первую очередь китайцев интересовали переводы с латинского. И это было отмечено уже первыми исследователями синологического наследия архимандрита Петра (Каменского)¹⁶⁷.

Особенно много работы у русских в китайских учреждениях было во время гонений на католиков. Сам П. И. Каменский отмечал:

«В 1805 году было небольшое гонение (на католиков — В. Д.), по перехваченным письмам в Европу, между письмами вложен был план, который более

¹⁶⁷ ГАКК. Ф. 805. Оп. 1. Д. 104. Л. 2.

всего привел Министров и Императора в сумнение, для переводу всего того позваны были в тайный Совет Российские Студенты. Беда б, и ежели б по приказанию нашего начальника все важное не было выпущено. Видно, что они без ведома правительства, из своих питомцев посылали при сих письмах в Италию в тех же письмах изъявляли сетование, что некоторые из китайцев уведены пленными из Италии во Францию. Это все б потрясло, думаю и самый кантонский торг. Российские студенты с сего времени предназначены были к всегдашнему европейским бумаг пересматриванию в трибунале и верховном суде. С 3 года занимались сими переводами по 1808 (исключая 1807 году?). Архимандрит Сафроний отказал, жаль, что сей превосходный случай упущен. Понеже письма переведены весьма снисходительно, то и гонения были неважно»¹⁶⁸.

В начале XIX в. к православным миссионерам вынуждены были обращаться гораздо чаще и сами гонимые католики. По замечанию П. И. Каменского, «по открывшемуся в 1805 году гонению на них в министерии никакой они договоренности не имеют. С оного года всякое их с Европой сообщение должно было переходить чрез руки Россиян в Пекине пребывающих»¹⁶⁹. В это время в библиотеку русской миссии попали многие ценные книги иезуитов. Вообще, православные миссионеры приобрели доминирующее положение среди всех христиан в Китае. Несмотря на сложившиеся обстоятельства, как отмечалось в выше приведенном

¹⁶⁸ Российская национальная библиотека. Отдел рукописей (РНБ ОР). Ф. 550. Д. F XVII 24. Л. 65.

¹⁶⁹ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 152. Оп. 505. Д. 39. Л. 252.

документе, русские миссионеры не воспользовались случаем для вытеснения католиков из Пекина. Возможность такая была, американский исследователь отмечает:

«Китайский двор можно было снабдить и православными советниками. Они могли быть неплохими переводчиками и стать источником информации о Западе»¹⁷⁰.

Это отмечает и китайский исследователь:

«Цинский двор даже хотел позволить русской миссии перенять власть у иезуитов (западных христиан), занять пост физиков, счетоводов или врачей»¹⁷¹.

В период пребывания в Пекинской миссии в качестве ученика П. И. Каменский много внимания уделял проблемам, связанным с католическими миссиями в Китае. Не раз он в своих рапортах отмечал успехи иезуитов:

«Образ жизни их прельщал нас, всегда они многоуспешны в своей цели...»¹⁷²

Но после ряда конфликтов император Цзяцин запретил католикам печатать и хранить церковные книги, а ки-

¹⁷⁰ Foust Clifford M. Muscovite and Mandarin: Russia's Trade with China and its Setting, 1727–1805. The University of North Carolina press, 1969. P. 51.

¹⁷¹ Ми Чженьбо. Цин дай бэйцзин элосы тун чжен цзяохуи тушугуань дэ жуогань вэньти [Некоторые вопросы, касающиеся библиотеки Русской Православной Церкви в Пекине во время династии Цин] // Гугун бовуюань янцзе [Исследования музея Гугун]. 1994. №3. С. 87.

¹⁷² АВПРИ. Ф. 152. Оп. 505. Д. 39. Л. 252.

тайцам принимать католичество. П. И. Каменский познакомил русские власти с событиями в Пекине:

«Один иезуит итальянец... придворный часовщик сослан в ссылку; 13 человек из Маньджурских чиновников принявших веру по лишению всех достоинств и имени так же посланы в ссылку в вершины Иртыша. Прочие Езуиты строго манифестом обруганы и некоторым образом лишены были прежней вольности; но притворством и деньгами сие всё ослаблено вероятно, что настоящее столетие труды их совершенно увенчает»¹⁷³.

С 1805 г. в Китае стала применяться заимствованная из Японии практика выявления христиан — «фумиэ», когда подозреваемым предлагалось топтать крест. Китайские чиновники на местах, желая выслужиться, стали жестоко притеснять различные религиозные организации и сообщества иностранцев, отчего возникли бунты, прокатившиеся волной по всему Китаю, особенно по его южным землям. П. И. Каменский по этому поводу приводил в пример доклад «мудрейшего китайского чиновника Хун-лян-дзия»:

«Поместные начальники, ослепляясь гнусным корыстолюбием, совсем забыли совесть и обязанности свои. Они... под предлогом искоренения развратного учения, чтобы ограбить оных раскольников, нападали на них с таким неистовством, что не оставили ни одного рода жестокостей, которым бы не подвергали сих несчастных»¹⁷⁴.

¹⁷³ РНБ ОР. Ф. 550. Д. F XVII 24. Л. 65.

¹⁷⁴ АВПРИ. Ф. 152. Оп. 505. Д. 44. Л. 51.

Гонения на католиков стали серьезной школой для китаевода и будущего начальника Миссии архимандрита Петра (Каменского). Российские власти всегда внимательно следили за миссионерской деятельностью католиков, в том числе и в Китае. Католики оказывали огромное влияние на развитие русско-китайских отношений. Кроме того, в своей работе в Пекине православные миссионеры были по очень многим вопросам связаны с католическими миссионерами, а китайская политика в отношении католиков напрямую влияла на функционирование Российской духовной миссии.

Павел Каменский и другие ученики миссии смогли продемонстрировать свой профессионализм и при решении возникшей в русско-китайских отношениях новой проблемы. Благодаря знанию языков студенты миссии помогли успешно разрешить вопрос об аресте кораблей И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского в порту Гуанчжоу. В ноябре-декабре 1805 г. произошел так называемый «Кантонский инцидент», когда во время кругосветного путешествия русской экспедиции суда И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского пристали к берегам Макао для пополнения провизии. Из-за желания заработать на продаже мягкой рухляди в Китае экспедиция задержалась в китайских водах на несколько месяцев. Судя по заметкам И. Ф. Крузенштерна, он либо не подозревал, что торговля иностранцев в Китае определяется столь строгими правилами, либо надеялся на отправленное в это время через Монголию в Пекин посольство графа Ю. А. Головкина, одной из задач которого было открытие для торговли порта Гуанчжоу. В итоге китайские власти задержали русские корабли.

Инцидент вызвал широкий резонанс в придворных кругах Китая, императорский двор был серьезно обеспокоен. П. И. Каменский докладывал, что один из китайских министров официально заявил:

«Итак, ежели вы имеете намерение всегда твердо наблюдать заключенный между обоими государствами дружественный трактат, то со всею подробностью доведите сие до сведения вашего государя, чтобы в силу постановленного трактата повелел производить всю торговлю в одной только Кяхте, запретив всем купцам, чтобы ни под каким видом не осмеливались самовольно торговать в прочих наших местах...»¹⁷⁵

Русские корабли были арестованы, а пекинский двор обратился за разъяснениями к миссионерам. В отношении русского правительства было направлено несколько уведомлений, составленных в подобном тоне, однако это был привычный китайский стиль в вопросах международной политики.

Среди заметок П. И. Каменского сохранились следующие записи:

«Мы... уверили правительство их, что корабли прибыли в Кантон не своевольно, по высочайшему повелению Российского Государя и что Россия никогда не намерена была нарушать трактата, но предполагала прибытие кораблей к их берегам в то время, когда б о сем долго, если б Российскому посольству не воспоследовали препятствия, было уже в Пекине чрез посла Графа Головкина предложено и переговорено. Правительство их сим нашим отзывом было успокоено»¹⁷⁶.

¹⁷⁵ Там же. Л. 36–37.

¹⁷⁶ ГАКК. Ф. 805. Оп. 1. Д. 98. Л. 16.

Об участии Миссии в деле освобождения русских кораблей говорится и в рапорте П. И. Каменского:

«К освобождению сих кораблей из-под ареста, может быть ими не ощущаемо, мы много способствовали уверением тамошнюю министерию, что оные прибыли по воле Российского императора, и что они прибытие свое к берегам их приурочивали в самое время прибытия Российского посольства...»¹⁷⁷

Несмотря на определенные успехи, в целом Российская духовная миссия в Пекине самостоятельно не могла решать важных политических вопросов в русско-китайских отношениях. И история с неудачным посольством во главе с графом Ю. А. Головкиным, случившаяся как раз в это время, была наглядным тому подтверждением. Архивные документы говорят о том, что П. И. Каменский, будучи учеником Миссии, внимательно следил за ситуацией, фиксировал все нюансы проблемы. В своем рапорте в Санкт-Петербург П. И. Каменский описал, насколько серьезно китайская сторона подошла к подготовке встречи русского посла:

«Придворные чиновники присланы были в российский двор наведаться какие для стола учинить заготовления, какой хлеб, мясо, дичину, рыбу... За сим назначен штат к занятию разных при посольстве должностей и услуг... выдано из казны более 10 пуд серебра единственно в сем месте (Урге) на угощение столом...»¹⁷⁸.

¹⁷⁷ АВПРИ. Ф. 152. Оп. 505. Д. 39. Л. 258.

¹⁷⁸ Там же. Л. 247–248.

Наблюдения П. И. Каменского позволяют утверждать, что китайский императорский двор придавал большое значение российскому посольству и был разочарован дипломатическими неудачами.

Сам П. И. Каменский очень серьезно относился к дипломатической миссии графа Ю. А. Головкина, одной из задач которой было укрепление позиций Духовной миссии в Пекине. Это подтверждается и тем фактом, что огромный труд П. И. Каменского «Китайская история с самой глубокой древности...» имеет приписку:

«Сей труд предпринят мною был в ожидании посольства из России для поднесения послу графу Юрию Александровичу Головкину, но по известным причинам не удостоился оной чести»¹⁷⁹.

Современные исследователи отмечают:

«...П. И. Каменский, несмотря на серьезную болезнь, переводил с маньчжурского на русский язык историю монгольской династии Юань («Юань Ши»), которую вместе с другими переводами намеревался поднести российскому дипломату»¹⁸⁰.

Без сомнения, неудача посольства Ю. А. Головкина хорошим уроком для молодого китаевода П. И. Каменского.

П. И. Каменский вместе с другими учениками Миссии выполняли задания русских властей по подготовке анали-

¹⁷⁹ Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН (АВ ИВР РАН). Ф. 24. Д. 24.

¹⁸⁰ Хохлов А. Н. Новая публикация архивных документов о посольстве Ю. А. Головкина в Китай (1805–1806 гг.) и перспективы его дальнейшего изучения // Восточный архив. 1998. № 1. С. 49.

тических записок по Китаю. Студенты делали в Пекине переводы из официальной «Столичной газеты». Будущий архимандрит Петр (Каменский) собирал и анализировал информацию по вопросам политического устройства, международных отношений, торговли и прочим, интересовавшим русское правительство и пограничные власти. Благодаря ученикам Миссии русское общество знакомилось с разными сторонами жизни китайского общества и государства:

«По описанию их, богдыхан Дзя-цин¹⁸¹ был государь кроткий, умеренный и милостивый. У него была большая родня. Много было бедных принцев крови в четвертом колене от Канси. Из них жившие на постое в русских домах, не будучи в состоянии платить пожилого от 1 до 2-х рублей, по выжидании нескольких месяцев, были выгоняемы, как бездельники. Двор государя был огромен, пышен и многолюден. Богдыхан вставал в 3-м часу ночи, в 4-м завтракал, потом до полудня принимал министров, затем кушал и покоился. Вечером закусывал с женами, занимался чтением книг, беседовал с учеными, иногда приносил жертвы и охотился. Братья и другие ближайшие по крови родственники его управляли большей частью войсками...»¹⁸²

В своих коллективных ответах на запросы иркутского губернатора Н. И. Трескина в 1808 г. П. И. Каменский вместе с двумя другими учениками Духовной миссии

¹⁸¹ Император с личным именем Юньянь (1770–1820) правил с 1796 по 1820 гг. под девизом (императорским именем) Цзяцин.

¹⁸² Краткая история Русской Православной Миссии в Китае, составленная по случаю исполнившегося в 1913 году 200-летнего юбилея ее существования. Пекин, 1916.

представил фактически аналитическую записку по целому комплексу вопросов и проблем, связанных с Китаем и интересовавших русские власти:

«1) Свита во все пребывание в Пекине пользовалась всякой свободой. Китайское правосудие, когда только мы к оному имели нужду прибегать, исполняло просьбы наши с некоторым перед своими предпочтением. Россиянам отдавалась великая справедливость в честности; 2) Китайцы вне своих границ купеческой коммерции ни с какими нациями не имеют. Обширная их торговля довольствуется внутренними оборотами. Главный торг — в серебре, злате, шелковых материях, бумажных полотнах, многоценных лекарствах, срацинском пшене, хлебе, чае, табаке, фарфоре, всякого рода дереве, хлопчатой бумаге, разных красках, драгоценных камнях и бисере. Торгуют с иностранцами в Кантоне, а дальше их не пропускают. Голландцы республиканским правлением удивили Цянь-луна, который, смеясь, сказал, что дотоле не слыхал о народе, который бы не имел над собой главы; 3) Из Европы привозились в Китай сукна, камлоты, рухлядь, часы, слесарные произведения; вывозились — чай, китайки, шелк, серебро, картины и т. п.; 4) Для Китая имела значение кяхтинская торговля; главным предметом ее — рухлядью одевался весь двор, министры и богатейшие граждане. Дешевизна рухляди была сподручна для обедневшего маньчжурского дворянства; 5) Русские товары шли внутрь Китая, затем в Тибет, Мунгалию, Индию. Сукна предпочитались черного, брусничного и темно-вишневого цветов, в малом употреблении были синего, голубого,

алого и желтого цветов; 6) Китай в то время наслаждался покоем; 7) Студентам не было известно, имелись ли у калмыков, бежавших из России в 1772 г., русские пленные. В южных губерниях Китая находились в ссылке Иван капрал и другие, с клеймами и без оных. Были некоторые присылаемые в Пекин для услуг российскому духовенству, но за негодностью обратно отсылались и помещались в российскую роту к албазинцам. Последних насчитывалось около тридцати человек мужеска пола. Все были язычники, хотя некоторые и носили имена христиан. Албазинцы не охотно пускали к себе пришельцев, почему их ссылали в ссылку. Оттуда одни из них просили архим. Иоакима снабдить их книгами Иосифовского выхода, с обещанием платить за то серебром. Книги не были посланы, и о положении ссыльных ничего не стало известно. Перед отъездом восьмой миссии приходил в оковах харьковский мещанин: назывался Иваном Казимировым или Кузьминым Неверовым. Он был захвачен в 1790 г. в Бухтарминской крепости во время звероловства и 17 лет содержался в пекинском главном розыскном суде. По уверениям его, о нем в первых годах была переписка, но по причине непризнания его оставлен в вечной неволе и назначен в ссылку в Ганьсу. По-русски читать и разговаривать не забыл, знал немецкий язык, содержал греко-русскую веру. Во время гонения на христиан (в 1805 г.) последним оказывал услуги... 8) Китайское правительство в это время все еще готовилось к принятию русского посольства; 9) Войска китайские разделялись на 4 отделения: маньчжурский, монгольский и два китайских корпуса; 10) О склонении французами китайского двора к вой-

не с Россией студентам ничего не было известно; 11) Ученики имели знакомство с иезуитами. Сообщение последних с Европой производилось через русских студентов. В Европу дано было знать, чтобы оттуда бумаги присылались на одном латинском языке; 12) О книгах. Полезны были труды Леонтьева; в библиотеке миссии были книги на нескольких языках и разного содержания. Много имелось христианских книг, приобретенных от католиков, напр.: «Диспут христианина с язычником», «Пространный и краткий катихизис», «Истинное всех вещей начало» и т. п.; 13) О Сахалине и Амуре студенты никакого объяснения дать не могли; 14) Контракт 1807 г., заключенный в Кяхте с бухарцами, насчет торговли ревенем, студенты видели в Пекине. Ревень родится в провинциях Ганьсу, Сычуань и Юньнань; 15) Студентам было известно о русских кораблях, бывших в Кантоне (в 1806 г.). Ученики переводили на маньчжурский язык бумаги Крузеништерна и Ли-сянского, поданные кантонскому таможенному директору»¹⁸³.

Будучи студентом, П. И. Каменский активно знакомился с различными сторонами жизни китайской столицы. В работе «Заметки о политической и социальной жизни...» он отмечал:

«В последние месяцы нашего в Пекине пребывания любопытство завело нас посмотреть экзамены первых классов принцев крови, производимые на открытом месте...»¹⁸⁴;

¹⁸³ <http://www.orthodoxchina.info>

¹⁸⁴ РНБ ОР. Ф. 550. Д. F XVII 24. Л. 17.

«...В Китае особа нищего неприкосновенна... нищенские старшины управляют ими как пастухи скотом...»¹⁸⁵;

«...Осматривал Пекинский университет. Он состоит из храма Конфуцию и другого отделения для преподавания наук...»¹⁸⁶

Найденные и переведенные П. И. Каменским документы указывали на различные проблемы Китая, скрытые от мирового сообщества. В качестве примера можно привести «Доклад Тоб Цинь Вана Юн Луя князя 1-ой степени», в котором говорилось о недостатках военной подготовки:

«Приметно, что ныне военные люди при стрельбе из луков более стараются о наружной фигуре телосложения и о тугости луков, а о попадании в мету совсем не думают. Они употребляют часто большие и силам луков несоответствующие стрелы. Я всеподданнейше прошу Ваше Величество чтоб от сего впредь повелеть за предмет считать попадание в мету, чрез что искусство их сугубое получит совершенство»¹⁸⁷.

П. И. Каменский сообщал, что даже в Китае было много документов, показывающих слабость Цинской армии. Информация эта по своей значительной важности едва ли могла быть свободно доступна даже многим китайским чиновникам, не говоря о русских миссионерах.

¹⁸⁵ Там же. Л. 18об.

¹⁸⁶ Там же. Л. 60.

¹⁸⁷ АВПРИ. Ф. 152. Оп. 505. Д. 152. Л. 8.

П. И. Каменский же, находясь в Пекине, неоднократно приглашался в Лифаньюань для переводов и наверняка посещал какие-либо другие государственные заведения и их канцелярии, где мог ознакомиться с любопытными документами, доступ к которым был ограничен. Судя по тому, что российские власти не предпринимали попыток давления на Пекин, можно предположить, что в Петербурге не придавали серьезного значения добытым и переведенным русским синологом материалам.

П. И. Каменский проделал огромную работу по изучению и популяризации истории Китая. Об этом красноречиво свидетельствует почти четырехтомная работа «Китайская история с самой глубокой древности и даже со времен баснословной до нынешних времен императорской Академии Ханьлинь непрерывно через 40 столетий с лишком веденная»¹⁸⁸, являющаяся переводом известной краткой истории Китая (китайской хронологии) «Тунцзянь ганму»¹⁸⁹, составленной к началу XVIII в. на основе трудов историка Сыма Гуана, философа Чжу Си и др. Эта работа позволяла русскому читателю ознакомиться напрямую с китайскими представлениями об их истории, начиная с легендарного периода первых правителей и до династии Мин. В заключение своего труда П. И. Каменский представил «Краткое географическое и статистическое описание Китайской империи, Государственной коллегии иностранных дел переводчиком коллежским асессором Каменским сочиненное и из настоящих китайских книг почерпнутое»¹⁹⁰.

¹⁸⁸ АВ ИВР РАН. Ф. 24. Д. 24. Л. 1–381.

¹⁸⁹ 通鑒綱目 Tongjian gangmu

¹⁹⁰ АВ ИВР РАН. Ф. 24. Д. 24. Л. 382–387.

Современные исследователи отмечают:

«Па-Лао, как звали здесь Каменского, помимо работы в Лифаньюане (Палате внешних сношений), занимался переводами исторических сочинений, особенно с маньчжурского»¹⁹¹.

Особый интерес для русского общества представляла история татаро-монголов, нашествие которых на Русь стало важнейшей предпосылкой становления Российской империи. Не случайно П. И. Каменский выполнил большой по объему перевод с примечаниями с маньчжурского языка «Юань ши» под названием «Мунгальская история о деяниях Чингисского рода»¹⁹². Много сделал П. И. Каменский по изучению истории и правящей в то время маньчжурской династии Цин. Свидетельством серьезной работы в этом направлении являются переводы П. И. Каменским «Указов Юн Джена»¹⁹³,¹⁹⁴ и других документов.

Будучи учеником Духовной миссии, П. И. Каменский проделал огромную работу по выявлению и переводу китайских документов по истории русско-китайских отношений. В начале XIX в. он перевел с маньчжурского языка документы второй пол. XVII в., отражающие переговоры цинских властей с российским дипломатом Н. Г. Милеску-Спафарием. Перевод нескольких документов под общим названием «Журнал, веденный в Пекине на при-

¹⁹¹ Ларичев В. Е., Пиков Г. Г., Тюрюмина Л. В. Юаньский проект // Восточная коллекция. 2006. № 3 (26). С. 51.

¹⁹² АВ ИВР РАН. Ф. 24. Д. 24.

¹⁹³ Император Юнчжэн (личное имя Иньжэнь, посмертное Шицзун), правил в 1723–1735 гг.

¹⁹⁴ АВПРИ. Ф. 152. Оп. 505. Д. 41.

бытие из Российского государства посланника Николая Гавриловича Спафария, отправленного по высочайшему его царского величества государя Алексея Михайловича указу 1676 года к императору Канси. Мунгальского трибунала от президента Амухулана с прочими воеводами доклад»¹⁹⁵, объемом более 60 страниц рукописного текста, был доработан в Санкт-Петербурге и стал важнейшим доступным источником по истории начального периода русско-китайских отношений.

П. И. Каменский первым из русских китаеведов серьезно занялся изучением китайской медицины. На это указывают такие документы, как «Отборнейшие на разные болезни рецепты, собранные в 1805 году студентом Каменским»¹⁹⁶, «Перевод китайской поваренной книги Ши у бен-цоу (о пищевых продуктах, употребляемых в лечебных целях)»¹⁹⁷. Исследователям удалось установить, что П. И. Каменский был автором большого, почти в 600 листов «Медицинско-русско-китайского словаря». Сюда вошли: «Выписки из медицинских сочинений, Медицинский фармакологический словарь, Плоды, звери, рыбы, используемые для изготовления лекарств. Переводы о пульсах в стихах»¹⁹⁸. Необходимо отметить, что и в XVIII в. русское общество проявляло определенный интерес к китайской медицине, но он по большей части был ограничен потребностью в ревене, который считался универсальным лекарством.

Интерес П. И. Каменского к китайской медицине отчасти был обусловлен потребностями развития медици-

¹⁹⁵ АВ ИВР РАН. Ф. 24. Д. 10.

¹⁹⁶ Там же. Ф. 42. Д. 1/531. Л. 2–17 об.

¹⁹⁷ РНБ ОР. Ф. 550. Д. F XVIII 24. Л. 63.

¹⁹⁸ Там же. Д. 138/542.

ны в восточных, отдаленных от Европы районах России. И на указанном выше «Словаре» имеется приписка: «Сии труды предприняты по убедительным советам Кяхтинского аптекаря Ивана Ивановича Сиверса, который на сие снабдил примечание»¹⁹⁹. Проделанная в Пекине работа по изучению китайской медицины и фармакологии нашла отражение в мидовском деле «О медицинских книгах, семенах и лекарствах, вывезенных из Китая и принесенных в дар Медико-Хирургической Академии переводчиком Павлом Каменским»²⁰⁰. П. И. Каменский, единственный из китаеведов своей эпохи, не будучи врачом, занимался сбором сведений о различных лекарственных препаратах. Уже в то время он не просто писал замечания о различных болезнях, но и отмечал слабые стороны китайской медицины — «операции и хирургия даже до ныне в Китае слишком малозначительны»²⁰¹.

В Пекине П. И. Каменский заинтересовался постановкой учебного дела в Китае. В частности, 1806 г. датируется такой его документ, как «запись об осмотре Пекинского университета»²⁰². Критически осмысленный опыт китайского образования был использован архимандритом Петром (Каменским) для развития русского китаеведения.

Во времена работы VIII Миссии в Пекине было положено основание миссийской библиотеке. Большинство исследователей заслугу ее основания отдавали архимандриту Петру (Каменскому). В частности, А. Ф. Можаровский на основании дневников П. И. Каменского писал:

¹⁹⁹ Там же. Л. 55 об.

²⁰⁰ АВПРИ. Ф. 161. Оп. 71. Д. 3. Л. 1–2.

²⁰¹ АВ ИВР РАН. Ф. 24. Оп. 1. Д. 12. Л. 9.

²⁰² РНБ ОР. Ф. 550. Д. F XVIII 24.

«В это пребывание свое в Пекине П. И. Каменский в 1795 году положил из своих весьма немногих книг основание казенной библиотеки при миссии и лелеял ее как нежное дитя»²⁰³.

В другой работе историк напрямую заявлял:

«Основание библиотеки при Пекинской миссии всецело принадлежит архим. Петру»²⁰⁴.

Еп. Николай (Адоратский) писал об архимандрите Петре (Каменском):

«В Пекине в 1795 г. им положено основание библиотеки при Миссии, которую он “лелеял как нежное дитя”»²⁰⁵.

Сам архимандрит Петр в 1833 г. признавался:

«В 1795 году я в Пекине, не найдши ни одной книги, из своих весьма немногих книг положил казенной [библиотеки] основание, и лелеял ее как нежное дитя»²⁰⁶.

Одними из первых книг этой библиотеки стали богословские трактаты, лексиконы и переводы миссионе-

²⁰³ Можаровский А. Ф. Архимандрит Петр Каменский // Русская старина. 1896. Кн. 2. С. 338.

²⁰⁴ Можаровский А. К истории нашей духовной миссии в Китае // Русский архив. 1886. Кн. 2. С. 425.

²⁰⁵ Бэй-гуань: Краткая история Российской духовной миссии в Китае / Сост. Б. Г. Александров. М., 2006. С. 69.

²⁰⁶ Можаровский А. К истории нашей духовной миссии в Китае // Русский архив. 1886. Кн. 2. С. 426.

ров, отчасти выписанные из Санкт-Петербурга. О первых рукописях, оказавшихся в библиотечных коллекциях, можно судить по запискам миссионеров начала XIX в., в которых упоминается дневник жившего в 1745–1755 гг. в Пекине иеромонаха Феодосия (Сморжевского):

«Оная рукопись Сморжевского по многим отношениям любопытная в собственноручном подлиннике хранится в библиотеке Пекинской миссии»²⁰⁷.

Из других материалов, хранившихся в библиотеке, можно назвать переведенный П. И. Каменским «Журнал, веденный в Пекине по случаю прибытия из Российского государства посланника Николая Гавриловича Спафария, отправленного по высочайшему его царского величества государя Алексея Михайловича указу 1676 года к императору Канси»²⁰⁸. Библиотека Сретенского монастыря не просто помогла решить в той или иной мере проблему преемственности накопленных и наработанных миссионерами материалов, но и стала подлинной сокровищницей Русской Православной Церкви.

Работая в Пекине, П. И. Каменский внес заметный материальный вклад в развитие русского китаеведения. Несмотря на крайний недостаток средств, он успел приобрести много китайских и маньчжурских книг, семян разных растений, образцы красок и проч., пополнивших коллекции Академии наук, Коллегии иностранных дел и других учреждений.

Первая «командировка» П. И. Каменского в Пекин оказалась значительно продолжительнее запланиро-

²⁰⁷ ГАКК. Ф. 805. Оп. 1. Д. 102. Л. 134.

²⁰⁸ АВПРИ. Ф. 152. Оп. 505. Д. 39. Л. 197–241.

ванных сроков. Первоначально срок службы в Пекине был определен в 7 лет²⁰⁹. Затем, по плану, члены VIII Миссии должны были возвращаться на родину в 1805 г. Но IX Российская духовная миссия прибыла в Пекин лишь в январе 1808 г. В ее составе, кроме начальника, архимандрита Иакинфа (Бичурина), были иеромонахи Серафим и Аркадий, иеродиакон Нектарий, церковники В. Яфицкий и К. Пальмовский и четыре студента — М. Лавровский, Л. Зимайлов, М. Сипаков и Е. Громов. В Китай новая Миссия прибыла в сопровождении чиновников:

«При свите пристав в чине Капитана, Титулярный Советник Семен Первушин; при нем: писарь в чине Офицера Михайла Попов и толмач Яков Бритюков»²¹⁰.

Сопровождали их 32 человека казачьего конвоя.

Несколько месяцев понадобилось для передачи дел новому составу Духовной миссии. Лишь в мае 1808 г. П. И. Каменский вместе с другими членами VIII Миссии покинули Пекин. Вместе с присоединившимися в Калгане конвойными казаками миссионеры проследовали через всю Монголию в обратном направлении и в августе 1808 г. пересекли границу в Кяхте. Церковное начальство в целом осталось довольно работой миссионеров, архимандрит Софроний (Грибовский) был награжден пенсией. Исследователи позднее отмечали:

²⁰⁹ Николай (Адоратский), иеромонах. Православная миссия в Китае за 200 лет ее существования // Православный собеседник. 1887. № 11. С. 291.

²¹⁰ О начале торговых и государственных сношений России с Китаем и о Духовной миссии в Пекине // Сибирский вестник. Ч. 19. 1822. С. 177.

«За службу в Китае арх. Софроний получил пенсию и был до излечения от болезни определен в московский Новоспасский монастырь, где и скончался 17 мая 1814 года»²¹¹.

Архимандрит Петр (Каменский) во время пребывания в Пекине в качестве ученика Российской духовной миссии стал профессиональным китаеведом. Ученик Павел Каменский в китайской столице овладел маньчжурским и китайским языками, осуществил первые значительные переводы, много сделал для изучения материальной и духовной культуры Китая. Уже во время первого пребывания в Китае архимандрит Петр (Каменский) внес решающий вклад в создание библиотеки при Миссии, собрал различные коллекции — от семян до редких книг. Большое значение на будущее имело и глубокое знакомство его с внутренними проблемами Миссии. Кроме того, П. И. Каменский зарекомендовал себя в высших кругах российской аристократии и приобрел нужные знакомства в высших государственных инстанциях Китая.

Таким образом, еще будучи учеником Миссии, будущий архимандрит Петр (Каменский) внес огромный вклад в развитие русско-китайских отношений и изучение китайской культуры. Приобретенный в Пекине опыт стал основой для будущей успешной деятельности выдающегося российского ученого, чиновника, миссионера.

²¹¹ Материалы для истории Российской духовной миссии в Пекине./Ред. Н. И. Веселовский. Вып. 1. СПб., 1905. С. V.

Гл. III.

СЛУЖБА В САНКТ- ПЕТЕРБУРГЕ

3.1. Служебная карьера

Важнейшим и одним из самых плодотворных периодов жизни архимандрита Петра (Каменского) было время его службы в качестве чиновника Министерства иностранных дел в Санкт-Петербурге. Назначение на должность переводчика МИД студент Пекинской миссии П. И. Каменский получил еще до возвращения на родину.

Уже на пути из Пекина в Санкт-Петербург П. И. Каменский вместе с другими учениками незамедлительно был подвергнут различным испытаниям с целью проверки знания китайского и маньчжурского языков. Испытания были проведены на границе в главном центре русско-китайских политических и экономических отношений — городе Кяхта. Позднее архимандрит Петр (Каменский) вспоминал:

«При первом возвращении нашем чрез 14-ть лет из Китая в Кяхту без сомнения все Российские чины желали видеть наши успехи в Китайском языке; тотчас видимся с купцами, но все купцы допущенные к торговле с Россиянами суть Шань-си-ской западной губернии, кои по всем отношениям от прочих Китайцев отличны не только в языке, но даже в нравах и обычаях. Разговор их чрезмерно груб. Они понимали нас мало, а мы их и того

меньше. Из сего соотечественники наши заключили, что мы мало успешны. На другой день для прибывших из Пекина чиновников у Генерала Вонифатьева дан был стол, к коему и возвратившиеся миссионеры были приглашены. По прибытии в четырех особах чиновники принимаемы были нами как знающими их разговор и обыкновения, при сем случае те же Российские чины увидев нас со всякою удобностию на обоих языках разговаривающих, удивились и заключили, что мы успели довольно хорошо»²¹².

П. И. Каменский по Московскому тракту пересек всю Сибирь и прибыл в Санкт-Петербург. В апреле 1809 г. П. И. Каменский был зачислен в штат чиновников Департамента азиатских дел Коллегии иностранных дел МИД Российской империи²¹³.

Начало карьеры по ведомству иностранных дел будущего архимандрита Петра (Каменского) складывалось непросто. Сначала даже встал вопрос об его отправке обратно в Иркутск. Традиционно, вернувшись из Китая русские синологи были слабо востребованы в столице Российской империи. К началу XIX в. еще не сложилось достаточно активной восточноазиатской политики России, отсутствовала серьезная заинтересованность русского правительства в подготовке кадров для работы в Китае. Лишь на самой границе ощущалась нехватка переводчиков. К примеру, оставшийся переводчиком в Иркутске соученик архимандрита Пе-

²¹² Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 10. Оп. 1 Д. 832. Л. 77об. –78.

²¹³ В начале XIX в. Коллегия иностранных дел была центральным органом учрежденного Министерства иностранных дел Российской империи.

тра (Каменского) по Пекину В. С. Новоселов был загружен работой.

Вопрос об отправке П. И. Каменского назад, в Сибирь возник не случайно. Дело в том, что при возвращении в Россию, в Урге местные цинские власти высоко оценили познания П. И. Каменского в китайском и маньчжурском языках. И именно его предполагал оставить переводчиком тогдашний Иркутский генерал-губернатор И. Б. Пестель.

Сразу же по приезде в Санкт-Петербург было получено предложение по переводу П. И. Каменского на службу в Иркутск. В документах говорится:

«20 мая 1809 г. сибирский генерал-губернатор И. Б. Пестель ходатайствует на министра иностранных дел о назначении П. И. Каменского переводчиком тех же языков в Иркутск на открывшуюся вакансию, с производством в коллежские ассессоры»²¹⁴.

Сам будущий архимандрит Петр не испытывал желания и потребности возвращаться в Сибирь. К его радости ходатайство не было удовлетворено, центральное правительство весной 1809 г. посчитало целесообразным определить П. И. Каменского вместе с другим его соучеником С. В. Липовцовым в штат чиновников Азиатского департамента Коллегии иностранных дел. Так П. И. Каменский остался служить в Санкт-Петербурге

Несмотря на удачно складывавшиеся в начале службы обстоятельства, карьере П. И. Каменского нельзя назвать успешной. Потратив более десяти лет в Пекинской миссии и вернувшись на родину почти в сорокалетнем воз-

²¹⁴ ГАКК. Ф. 805. Оп. 1. Д. 104. Л. 6.

расте, П. И. Каменский не получил ни достойной должности, ни чина, ни приличного жалования. По этому поводу он писал министру иностранных дел:

«... не легко оставить место, в котором по 20-летней моей службе питал уже себя лестною надеждою сладких предвкушений плоды, нелегко к ближающемуся пятидесятилетнему возрасту предпринять по китайской миссии только отделенную от родника службу, ровно как и от беспомощных сирот трех вдовиц: родной моей сестры, почти моей достигшей глубокой старости, невестки и родной племяннице, единственно моей помощью дышащих и по той продолжительной 10-летней моей в Китае отпуске и без того уже много пострадавших. Но когда служба и начальство мое заставляет меня всем пожертвовать, призывающей меня отечественной должности, я смею надеяться, что тоже благодетельное мое начальство не оставит исходатайствовать мне особенную высочайшую милость... тот чин коллежского асессора, который еще самом по возвращению моему в 1809 г. для уравнивания с моими сверстниками, без всякой трудной поездки, рекомендован был Сибирским генерал-губернатором»²¹⁵.

Это письмо осталось без ответа. Чин коллежского асессора П. И. Каменский получил лишь в апреле 1814 г.²¹⁶

Чиновничья карьера во многом зависела от покровителей, и П. И. Каменский все же сумел завоевать до-

²¹⁵ Там же. Л. 6–7.

²¹⁶ По другим данным — в 1816 г.

верие будущего министра иностранных дел графа Н. П. Румянцева²¹⁷ и графа А. Г. Разумовского²¹⁸. Высокие государственные мужи оценили труды бывшего ученика Пекинской миссии; например, в письме А. Г. Разумовского к Н. П. Румянцеву говорится:

«Государь Император по докладу моему об издержках и долговременных трудах, употребленных бывшим при Пекинском консульате переводчиком Каменским, для собирания китайских книг, принесенных им в дар Императорской Академии наук, всемилостивейше пожаловать ему соизволил из сумм кабинета единовременно тысячу пятьсот рублей. О такой высочайшей воле долгом считаю уведомить Ваше Сиятельство покорнейше прося приписать Каменскому явиться в кабинет для получения пожалованной ему суммы»²¹⁹.

Поддержка со стороны ряда высших сановников способствовала продвижению П. И. Каменского по службе.

Работа в Санкт-Петербурге не ограничивалась службой в качестве переводчика. Тем более, что работы на китайском направлении в тот период было немного. Современники отмечали:

²¹⁷ Румянцев Николай Петрович, граф (1754–1826). Министр иностранных дел, Государственный канцлер и первый Председатель Государственного Совета, покровитель первого русского кругосветного плавания.

²¹⁸ Разумовский Алексей Кириллович, граф (1748–1822). Министр народного просвещения при Александре I, попечитель Московского университета, известный ученый-ботаник, прозванный русским Линнеем.

²¹⁹ ГАКК. Ф. 805. Оп. 1. Д. 103. Л. 1.

«Накал дел по сему прежнему встречается мало, переводчиков же трое. То Каменский весь остальной досуг всеусердно желает посвятить на служении в департаменте государственного имущества»²²⁰.

Знания и собранные П. И. Каменским документы были востребованы в России. Властей разного уровня интересовали вопросы политического и экономического состояния Китая. И первые аналитические записки по результатам работы в Китае были сделаны уже по пути в Санкт-Петербург. В рапорте «Его превосходительству Господину Действительному Статскому Советнику иркутскому Гражданскому Губернатору Николаю Ивановичу Трескину. От прибывших из Пекина студентов»²²¹ Каменского и Липовцова были представлены ответы на вопросы самого разного характера, от расположения китайского Двора к русским миссионерам до торговли китайцев со странами Запада.

Среди переводов, сделанных П. И. Каменским в период его работы чиновником МИД, нужно в первую очередь выделить материалы, отражающие положение дел в Цинской империи. В их числе были «“Доклады различных китайских министров 1817 года”, переведенные с китайского или маньчжурского языков П. Каменским»²²²; «“Указы Юн Джена²²³” в переводе П. Каменского»²²⁴ и др. Благодаря этим документам российские власти имели представление о политической культуре цинского Ки-

²²⁰ Там же. Л. 11.

²²¹ АВПРИ. Ф. 152. Оп. 505. Д. 39. Л. 242–265.

²²² Там же. Д. 152.

²²³ Юнчжэн 雍正 (1723–1725) — девиз годов правления третьего императора Цинской династии Иньчжэня.

²²⁴ АВПРИ. Ф. 152. Оп. 505. Д. 41.

тая и его текущем законодательстве. На протяжении всей службы П. И. Каменский делал переводы для МИДа. В качестве примера можно назвать его записки: «Азиатские посольства и прочие дела в пользу государственной коллегии иностранных дел»²²⁵.

П. И. Каменский был в числе первых российских ученых, кто осветил и глубоко исследовал целый комплекс проблем, сложившихся в русско-китайских отношениях к началу XIX в. Данные проблемы рассматривались на широком фоне мировых экономических и политических процессов той эпохи, в общем контексте особенностей развития китайской и европейской цивилизаций. В числе первых таких крупных работ было «Мнение о торговле Российско-Американской компании в Кантоне»²²⁶. Многие идеи были изложены в дневниковых записях П. И. Каменского:

«Россия без сомнения успела б открыть в Кантоне торг свой, если б тогда посольство (Ю. А. Головкина) благополучно прибыло в Пекин. Это дело, по моему мнению, без дальней трудности можно будет поправить, только б способные к тому употреблены были люди. Мнение господина Друммонда “Не просить но действовать а потом всячески извиняться, есть по опытам лучший способ обхождения с сим народом” может только производимо с успехом людьми далеко предусматривающими будущие последствия. Я очень ясно понимаю, что ни один народ не может торгов своих в Китае привести в желаемое состояние, если не по-

²²⁵ Там же. Д. 39.

²²⁶ Там же. Д. 44. Л. 26–31.

жертвует некоторою частию прав своих или если не употребит необходимо деятельнейшей силы. Последний способ есть из лучших, но он должен предпринят быть с великою предусмотрительностью и не на скорую руку»²²⁷.

Особое внимание П. И. Каменский уделял вопросам экономики. Синолог показал специфику Кяхтинской торговли, ее в большой степени односторонний Китайской империи, настояла на открытии и развитии этой торговли. Кяхтинский договор 1727 г., регулировавший русско-китайскую торговлю, формально являлся равноправным и взаимовыгодным, однако, по мнению П. И. Каменского, в реальной жизни именно китайская сторона диктовала условия.

П. И. Каменский показал систему государственного контроля за торговлей в Китае. Он цитировал китайские установления:

«Чтобы излишним выпуском за границы китайских товаров не унижить цены оных в иностранных Государствах, и чтобы ограничить неумеренную жадность некоторых купцов к скорому обогащению себя со вредом целого общества, для сего повелевает главному Трибуналу... по доставляемым из таможен росписям вывозимым и ввозимым товарам соотносить количество, качество и выгоды прошедших лет с настоящими, а по соображении сего дает ему право уменьшать и умножать число билетов на вывоз и ввоз товаров»²²⁸.

²²⁷ ГАКК. Ф. 805. Оп. 1. Д. 98. Л. 16.

²²⁸ АВ ИВР РАН. Ф. 24. Оп. 1. Д. 26. Л. 15.

Таким образом, П. И. Каменский указывал, что спрос на китайские товары никогда полностью не удовлетворялся, а значит, цены на них всегда были высокими. В то же время китайские купцы, проявив интерес к тем или иным видам иностранных товаров, через год получали их за бесценок, поскольку иностранные купцы завозили этих товаров вдоволь и начинали конкурировать, чтобы сбыть как можно больше.

П. И. Каменский указывал, что слаженность и организованность китайских купцов поддерживалась китайскими чиновниками, которым «дается власть наказывать купцов за не сохранение согласия, за подрыв выгод одним у другого понижением цены на все товары компаньонами положенной и тому подобное»²²⁹. Русские же товары из-за «неосторожных и неединодушных Российских купцов»²³⁰ сбывались в Китае по крайне низким ценам. П. И. Каменский даже давал рекомендации, как нужно торговаться с китайцами, где лучше покупать товар, что можно обменять и т. д. В частности, он отмечал, что китайцы могли торговать «безмолвным торгом», под которым был «выдуман способ означать цену чрез пантомимы, пальцами рук»²³¹, более того, «самая словами произносимая цена для приезжающего из дальних мест также не понятна»²³². Таким образом, П. И. Каменский отмечал, что торг в Китае довольно сложен и что «надежнее всего покупать в лавках, где совсем не торгуются, а платят по выставленным ценам»²³³. Работы П. И. Каменского по проблемам русско-китайской

²²⁹ Там же.

²³⁰ Там же.

²³¹ АВПРИ. Ф. 152. Оп. 505. Д. 142. Л. 92.

²³² Там же. Л. 93.

²³³ Там же.

торговли были призваны помочь русским купцам более успешно взаимодействовать с китайскими торговцами.

Менее востребованными оказались полученные П. И. Каменским знания в Китае и привезенные материалы по медицине. В архивном деле «О медицинских книгах, семенах и лекарствах, вывезенных из Китая и принесенных в дар Медико-Хирургической Академии переводчиком Павлом Каменским» за 1811 г. можно прочитать:

«Милостивый государь мой. Граф Николай Петрович. Медицинский совет доносит мне, вследствие отношения Вашего Сиятельства к бывшему Министру Внутренних дел князю Алексею Борисовичу Куракину по предложению его составить из некоторых членов Совета комитет для рассмотрения предоставленных от находящихся при Российском консульате в Пекине переводчика Каменского китайских книг, лекарств и семян в Комитет сей приглашен и Г. Каменский, который, объявись, что он помянутые книги желает принести в дар Императорской Медицинской Академии, просил, чтобы к нему прикомандирован был искусный лекарь, с коим бы он вместе мог перевести те книги, и предложил, чтобы при Пекинском консульате определить сведущих в естественной науке молодых людей, которые могли бы там употребить свои знания к помощи государства собиранием естественных и медицинских замечаний. Относительно перевода предоставленных Каменским книг, Медицинский Совет полагает, что сей труд значащей пользы принести не может. Семена были посеяны, но не произвели ничего, что же касается до определения молодых натуралистов к Пекинскому Кон-

сулату, то хотя Совет одобряет сии предположения, считая, что действительно можно бы ожидать некоторый пользы от таковой меры, но по мнению моему большие издержки, каких бы сия мера стоила, делают ее на сей раз невозможною... я нахожу, что гораздо приличнее было бы отдать оные в Императорскую Академию наук, имеющую уже собрание китайских книг и академика знающего китайский язык, нежели в Медико-Хирургическую Академию, где нет никого знающего сей язык. Но как назначение сих книг зависит совершенно от Г. Каменского, то покорнейше прошу приказа его просить о намерении его по сему предмету и о последствии почтить меня вашим уведомлением. Имею честь быть с совершенным почтением. Вашего Сиятельства Покорнейший слуга. Г. Алексей Разумовский № 261519 августа 1811 г. Его Сиятельству Графу Н. П. Румянцову»²³⁴.

Правда, высшие государственные сановники и в этой сфере высоко оценивали деятельность переводчика Миссии. И министр народного просвещения А. К. Разумовский в письме министру иностранных дел Н. П. Румянцеву отмечал:

«...Мед. Совет отозвался, что переводчик Каменский ревностно старавшийся быть полезным своему Отечеству и с не малым для себя ущербом доставивший публичному заведению служащие к украшению оногo предметы, заслуживает за сие, а не менее и за полезное предложение не только

²³⁴ Там же. Ф. 161. Оп. 71. Д. 3. Л. 1–2.

возвращения понесенных издержек, но и награждения; как чиновник сей состоит в ведомстве МИД, то долгом считаю ваше Сиятельство о вышеписанных обстоятельствах уведомить и обратить на него внимание ваше с тем, что не заблагорассудите ли исходатайствовать ему за труды и усердие его приличную награду...»²³⁵

Работая чиновником МИД, П. И. Каменский критически проанализировал идеи российских чиновников и торговцев, получивших опыт работы с китайцами и в Китае. В качестве примера можно привести замечания на работы мореплавателя И. Ф. Крузенштерна²³⁶ и иркутского купца Ф. П. Щегорина. Касаясь содержания глав о Китае в книге «Путешествие вокруг света... на кораблях “Надежда” и “Нева”»²³⁷, П. И. Каменский написал:

«Весьма занимательно и значительно с умножением удовольствия читая замечания о Китае, не в оскорбление столь знаменитого путешественника, а кольми паче и не почешемости моей скажу, что много в оных, по краткости его там пребывания допущено ошибок, на которые я, сделав краткие примечания, при удобном случае ему ж не премину представить»²³⁸.

Анализируя опубликованные И. Ф. Крузенштерном наблюдения, П. И. Каменский пишет:

²³⁵ Там же.

²³⁶ Крузенштерн И. Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежда» и «Нева». СПб., 2008.

²³⁷ Крузенштерн И. Ф. Указ. соч. С. 309.

²³⁸ ГАКК. Ф. 805. Оп. 1. Д. 98. Л. 15.

«Китайцы незаслуживают кажется той славы, которою распространили об них некоторые писатели. Сказал г-н Крузенштерн весьма справедливо, я крайне не согласен в том, что во всем пространстве науки нравственность и политика много имеют в себе похвального; но более низкого и хулы достойного... Вид правления, хотя не совершенно деспотический, но часто по характеру самодержца в оный изменяется. Маньчжурские цари, при всем преимуществе своего правления пред Китайскими, более заслуживают имя деспотов, нежели другие из предшествовавших династий; но от образа правления извне вторгшейся фамилии недолжно заключать об общей системе претекших династий»²³⁹.

Что касается замечаний на записки иркутского купца Ф. П. Щегорина, имевшего опыт работы как в Кяхте, так и в самом Пекине²⁴⁰, то здесь П. И. Каменский критиковал идеализацию Китая. Он писал:

«Г. Щегорин... говорил, что если б не обязан был семейством, то б не преминул ехать туда Архимандритом и особенно первоклассным... Нет сомнения, что и он бы веру свою приновил ко всем терминам Конфуция, вычитать систему Конфуция и понять термины — правда такой стоит иезуита. Смее спросить: Г. Щегорин, быв несколько недель в Китае, на каком языке читал Конфуция?»

²³⁹ Там же. Л. 17.

²⁴⁰ Шахеров В. П. Реформатор из Иркутска (Жизнь и взгляды иркутского купца Фёдора Щегорина) // Земля Иркутская. 1994. № 1. С. 10–11.

«Это справедливее что никогда не читывал, да и способности не имеет, да и вообще в философии не понимает. Читая сочинение названное предисловием, не вижу ни конца ни начала. Читать такой Сумбур много требуется терпения»²⁴¹.

Сложно сказать, в чем была причина столь нетерпимого отношения П. И. Каменского к взглядам сибирского купца, но отношения между двумя китаеоведами вышли на уровень взаимного неприятия:

«Имея случай читать премногие сего Автора глупости, удивляюсь, каким образом не същется человек, который бы вразумил его, что все то, что он напишет, есть и лож и нелепость... Не по страсти ли я сие говорю, и особенно в отмщение за оскорбительное против меня выражение — “Где тебе эти дела знать?” — Нет, я с Сенекой по стоически сие рассматриваю точно беспристрастно. Я на него не сержусь и нахожу его нестоящим сего... он делает по своему понятию, я только об нем сожалею»²⁴².

Наряду с чиновничьей службой П. И. Каменский занимался общественной и благотворительной деятельностью. Он был членом различных благотворительных и научных сообществ. К примеру, с 21 октября 1811 г. П. И. Каменский «становится членом филантропического комитета»²⁴³, входившего в состав «Императорского че-

²⁴¹ ГАКК. Ф. 805. Оп. 1. Д. 98. Л. 25.

²⁴² Там же. Л. 27.

²⁴³ Там же. Д. 104. Л. 3.

ловеколюбивого общества»²⁴⁴, главным попечителем которого с 1814 г. был утвержден министр народного просвещения князь А. Н. Голицын, впоследствии один из основных покровителей П. И. Каменского. В 1816 г. Высочайшим именованным указом П. И. Каменский был определен в состав попечительного комитета Императорского человеколюбивого общества и стал попечителем Галерного селения. В 1818 г. он был избран на должность директора Комитета Российского Библейского общества.

Работая в МИДе, П. И. Каменский находил время заниматься преподавательской деятельностью. Например, в Санкт-Петербургской духовной академии он читал курс по современной истории Китая. Будущий архимандрит Петр (Каменский) не случайно особое внимание уделял духовной академии. Современные исследователи отмечают:

«В 1809 г. в столице Российской империи была основана С.-Петербургская Духовная Академия. И вскоре ее выпускники получили преимущественное право на занятие должностей в центре Православия в Пекине...»²⁴⁵

Таким образом, в Санкт-Петербурге П. И. Каменский, опираясь на свои знания и опыт, в конце концов, сделал

²⁴⁴ «Императорское человеколюбивое общество» — благотворительное общество, образовано «для вспомоществования истинно бедным» рескриптом Александра I на имя камергера А. А. Витовтова от 16 мая 1802 г. В своем рескрипте в качестве образца император указывал на благотворительное общество в Гамбурге.

²⁴⁵ Августин (Никитин), архимандрит. С.-Петербургская Духовная Академия и Российская Духовная Миссия в Пекине // Православие на Дальнем Востоке: 275-летие Российской духовной миссии в Китае/Отв. ред. М. Н. Боголюбов, арх. Августин (Никитин). СПб., 1993. С. 37.

карьеру чиновника и получил известность как общественный деятель. Но работа чиновника не стала препятствием для научной деятельности синоведа.

3.2. Переводы и исследования по истории и культуре Китая

Петербургский период жизни П. И. Каменского после возвращения из первой поездки в Китай ознаменовался масштабными исследованиями в области синологии. Будущий архимандрит Петр проделал большую работу по обобщению накопленных знаний, подготовил к публикации собранные в Пекине материалы.

В центре научно-исследовательской работы синоведа П. И. Каменского в петербургский период его жизни по-прежнему были переводы с китайского, маньчжурского и других языков. Сохранившиеся переводческие работы П. И. Каменского с маньчжурского языка можно разделить на крупные (их около десяти) и мелкие (менее десяти страниц). Их общее количество трудно подсчитать, предположительно около пятидесяти. Переводы же с китайского языка в этот период были относительно немногочисленны и невелики по объему (около десяти страниц каждый), их количество приблизительно около двадцати. П. И. Каменский переводил рапорты и доклады маньчжурских чиновников, указы императоров, трактаты по истории, философии и медицине Китая. Большая часть переводов была начата еще во время пребывания П. И. Каменского в Китае, но доработана по возвращении на Родину.

Много внимания П. И. Каменский уделил проблемам истории Китая. Один из самых значимых переводов П. И. Каменского с маньчжурского языка была «Монголь-

ская история о деяниях Чингисского рода»²⁴⁶. Это был отрывок из одной из классических династийных историй Китая — «Юаньши»²⁴⁷. Русский синолог не случайно занимался переводом именно этой истории, ведь судьба России была тесно связана с историей монгольского владычества в Азии. Можно отметить, что эту же работу позже переводил и Н. Я. Бичурин, но с китайского языка. В числе важнейших исторических работ П. И. Каменского необходимо также назвать «Падение минской, и начало маньчжурской в Китае царских династий, или жизнь изменника Лидзичина»^{248, 249}.

Работая чиновником МИД в Санкт-Петербурге, П. И. Каменский начал переводить и анализировать классические китайские тексты. Особенно много сохранилось заметок и выписок из конфуцианского канона²⁵⁰. Видение П. И. Каменским этого важнейшего памятника, лежавшего в основе китайской культуры, раскрывается, например, в документах, собранных под общим названием «Разные доклады с Китайского и Маньчжурского языков коллежским Ассессором П. Каменским предложенные, кои в библиотеку Государственной коллегии Иностранных дел при Азиатском департаменте существующую Всеусерднейше посвящаются 1817-го Сентября 15-го Дня». Например, в «Докладе Министра Ифуна к Императору Дзинской династии Юань дию, начавшую царствовать с 317-го года по Р. Х.» есть такие тезисы:

²⁴⁶ «Мунгальская история о деяниях Чингисского дома» // АВ ИВР РАН. Ф. 24. Оп. 1. Д. 25.

²⁴⁷ Юаньши 元史.

²⁴⁸ Ли Цзычэн 李自成.

²⁴⁹ Переводы Каменского разных сочинений с китайского языка // ОР РНБ. Ф. 550. F XVII. Ед. хр. 24/3.

²⁵⁰ Уцзин 五经.

«Святым мужам открыли Естественный закон. Мужи сии познав мерные должности, составили из оных начертание Государственного правления... Сии оных святых мужей занятия преданы нам в священных Дзинах по коих обязаны мы располагать наши деяния... Книги сии называются Ши Дзин/стихотворения/; Шу Дзин/бытий, бытописаний/; И Дзин/гаданий/; Чун цю/критический Конфуция журнал/; Ли Дзи/обрядов/; Жо Дзин/Согласия музыки/. Единая жесткая цинская династия, сим достопочтенным древностям священным писанием последовать не хотела. Она в правлении своем более строгость и жесткость употребляла, нежели Дзинами внушаемую кротость»²⁵¹.

«Дзины сии по древности важны; но чтоб почесть их достаточными особенного внимания и читать с чувствованием удовольствия, то надобно сделаться китайцем из Шуцзина; Конфуций из 1000 глав едва очистил 100. Но если б европейская принялась из сие дело философия, то б на перо замечания едва ль что нашла полезным»²⁵².

Из других работ можно назвать выполненный в 1815 г. перевод с маньчжурского языка китайского средневекового философско-нравоучительного трактата «Зерцало китайских добродетелей и пороков, или Тай-шан»²⁵³, объемом более 100 листов текста.

²⁵¹ АВПРИ Ф. 152. Оп. 505. Д. 152. Л. 2–3.

²⁵² Там же.

²⁵³ РНБ ОР. Ф. 550. Д. F III 5.

Многие труды, переводимые П. И. Каменским с маньчжурского, изначально были написаны на китайском языке. Их перевод в Китае на маньчжурский язык был связан с политической и культурной ситуацией Цинской эпохи. Таким образом, переводы П. И. Каменского отражали многие скрытые аспекты политической жизни Цинского Китая, показывали взгляд маньчжур на историю и культуру Китая. Часть переводов П. И. Каменского вскоре стала доступна широкому кругу читателей. Например, неполный текст «Тайшан» был опубликован в «Журнале министерства народного просвещения» за 1821 г.

В своей работе по изучению Китая и знакомству русского общества с китайской культурой П. И. Каменский не ограничивался одними переводами и комментариями к ним. Среди научного наследия синолога можно найти и специальные работы, часть которых была результатом совместного труда с С. В. Липовцевым. Это своего рода исследовательские работы, основанные на данных из китайских источников, различных работ о Китае, а также на собственном 13-тилетнем опыте жизни в Китае. Среди множества работ выделяются следующие: «Краткое начертание о предубеждении китайцев к самим себе, ложном мнении их о всех прочих народах и о положении китайского двора»²⁵⁴,

Описывая предубеждения китайцев, авторы произведения увидели комплекс проблем китайской цивилизации. Китай был замкнутой системой: помимо пограничных с их империей территорий, китайцы плохо представляли себе окружающий мир, не стремились использовать возможности своих морей для исследования других континентов. Например, в рукописи «Краткое начертание о предубеждении китайцев к самим себе, лож-

²⁵⁴ АВПРИ. Ф. 152. Оп. 505. Д. 44. Л. 1–26.

ном мнении их о всех прочих народах и о нынешнем положении Китайского Двора...» можно прочесть:

«... древние китайцы... весьма заблудились о сем в своих мнениях и предали потомству свое невежество. Они возмечтали, что одно их государство вмещает в себя всю вселенную...»²⁵⁵

Идеологические системы, на которых держалась китайская цивилизация, только усиливали тенденции закрытости и консервативности. П. И. Каменский писал:

«Во всем пространстве учености в мыслях и суждениях ни на волос от положенной меры уклонить не может... в сочинениях единообразие мысли, никакой новизны нет вообще. Древние врали, ныне хотя бы и могли улучшить, но ничего не позволяется. Напр. европейские миссионеры вечно/около 3 столетий/там пребывающие, многое бы могли исправить, но кроме астрономии и других неважных дел ничего непуцуют. Около 300 лет ученейшие европейцы, сколько книг ни издавали, но в их книжных лавках ни одной христианской книги сыскать нельзя. Теперь причины ясны, почему Китай в рассуждении... стоит на одной мере неподвижно»²⁵⁶.

Все это породило, по мнению П. И. Каменского, проблему «потомственного невежества» и в итоге привело к застою и отсталости.

С появлением в Китае европейских миссионеров, в первую очередь иезуитов, по мнению П. И. Каменского,

²⁵⁵ АВ ИВР РАН. Ф. 24. Оп. 1. Д. 26. Л. 19.

²⁵⁶ Там же. Д. 2. Л. 73.

«просиял некоторый луч надежды». Тем не менее, первые несколько столетий миссионерства особых плодов не дали, более того, сами миссионеры оказались гонимы китайскими властями. Однако ряд научных успехов европейских просветителей привел к тому, что европейские миссионеры, в том числе и русские, стали важными игроками в политической жизни Китая. Миссионерство плотно вошло в китайскую среду, что отчасти сделало Китай зависимым от европейских и русских специалистов. Императоры приглашали миссионеров в качестве советников, в частности, иезуиты управляли Астрономической академией.

Замкнутая система китайского общества тормозила развитие международных связей, а китайская система государственности уже не раз обнаруживала свою недееспособность сменой династий. П. И. Каменский показывал, как китайская государственная система эпохи Мин рухнула от запущенного государственного хозяйства. В то же время и новые хозяева Китая, маньчжуры, как и прежние завоеватели Китая, оказались бессильны перед китайской системой ценностей и в конечном итоге ассимилировались с китайцами. Раскрыв суть китайской системы ценностей и ее всепоглощающий характер, П. И. Каменский и С. В. Липовцов, можно сказать, предвидели развязку за век до того, как она произошла. Насколько глубока оказалась мысль бывших студентов-синологов, настолько их труд оказался незамеченным современниками.

П. И. Каменский знакомил русское общество со спецификой китайской поведенческой культуры. Он писал:

«Знакомые нечаянно повстречались на дороге... они так обходятся, как будто редчайшие друзья, тысячи наделают горячайших дружественных выражений, кажется без особенных нужд, не хотели бы

расстаться. Или оба или который либо из них разрывается от досады, что занимает его экстренное неизбежное дело, лишаящее его возможности провести с ним настоящее время, другой играет роль чрезмерно хотящего его в трактире или ресторации угощать. Но первый чрезвычайными поклонами... отобьется, сей же... соглашается его отпустить с крепким договором завтра у него отобедать... Внутренне же у обоих ни тени сущности нет... тот не приедет, а сей не нашел, не приготовил...»²⁵⁷.

Показательный пример китайского менталитета, который мог случиться на любом уровне китайской социальной структуры. Таким же образом могли быть выстроены и международные переговоры. П. И. Каменский заключает:

«Войти в круг их обращения, значит отказаться от правил, в сущности, значит быть удобообразительной обезьяной»²⁵⁸.

В своих работах П. И. Каменский давал описание среднестатистического, по его мнению, китайца:

«Китаец, выступая медленно, вид являет постоянного, он разговаривает не скоро, показывает себя глубокомысленным... Споры у них ни о чем никогда не бывает, наружное поведение и нравственность пленительны, но к оскорблениям слишком чувствительны, выходят из себя до не-

²⁵⁷ Там же. Д. 12. Л. 50.

²⁵⁸ Там же.

кой степени неистовства. Мстительность принимается за добродетель. Коварность и скрытность составляют его мудрость...»²⁵⁹

Таким образом, работая чиновником МИД в Санкт-Петербурге, П. И. Каменский проделал большую и плодотворную работу по изучению китайской истории и культуры. Благодаря его переводам и исследованиям русское общество могло «из первых рук» ознакомиться с основами культуры соседнего народа.

3.3. Словари Каменского

Особой страницей научной биографии П. И. Каменского стала работа по составлению различных словарей и лексиконов. Большую известность получил Монгольско-Маньчжурско-Китайско-Русско-Латинский лексикон, тайна которого до сих пор волнует умы исследователей.

Развитие русско-китайских отношений, миссионерской деятельности в Китае и китаеведения вообще было невозможно без создания комплекса русско-китайских словарей и лексиконов. Составление словарей и лексиконов было для архимандрита Петра (Каменского) занятием приоритетным. Основная часть словарей была составлена П. И. Каменским в Санкт-Петербурге по результатам первой поездки в Китай. И продолжал он активно работать в этом направлении вплоть до отъезда в Китай в качестве главы X миссии.

Работа по составлению словарей базировалась как на большом практическом опыте работы в Китае,

²⁵⁹ Там же. Д. 13. Л. 212.

так и на знании китайской классической литературы. При этом в основу составления словарей был положен научный метод. П. И. Каменский много внимания уделял языкознанию. В его работах, посвященных проблемам китайского книгопечатания, мы читаем:

«Они все слова разделили на 216 классов, кои суть Небо, Земля, Огонь, Вода, Трава, Птица, Рыба, Зверь и пр. По сем разделении изобрели до 80 тыс. начертаний, или Литер, и стеснили их в 396 выговоров. Ежели для наборной типографии сделать разделение слов на оные 216 рядов, или классов, то в каждый ящичек, например: травы, ягоды или воды, поступят бесчисленные виды, как начертаний, так и наименований...»²⁶⁰

Структура всех словарей, составленных П. И. Каменским, в целом схожа. В зависимости от количества языков каждая страница делилась по вертикали или горизонтали, и в полученных колонках записывались слова или выражения. Например, в трехтомном «Большом русско-китайском словаре с фразами, выражениями и примерами»²⁶¹ каждая страница была разделена по вертикали пополам, и на каждой половине написаны слова либо фразы с переводом (поочередно, из строчки в строчку, доходя до конца первого столбика страницы и продолжаясь на втором), в алфавитном порядке и предметной компоновке. Словарь этот до сих пор исследован мало, во многом по причине неразборчивого почерка как на китайском, так и на русском языке. Стоит сказать,

²⁶⁰ АВПРИ. Ф. 161. Оп. 146. Д. 1. Л. 170–171.

²⁶¹ АВ ИВР РАН. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1–3.

что каллиграфическую выучку написания иероглифов П. И. Каменский имел, но в данном словаре опознать иероглифы довольно трудно, высока вероятность ошибок, некорректного написания.

В структуре двухтомного «Монгольско-маньчжурско-китайско-русского рукописного словаря»²⁶², страницы были разделены по горизонтали на четыре части, где в первых двух столбиках слова на монгольском языке в разных написаниях (стилях), в третьем столбике — на маньчжурском и китайском языках, с подписями над иероглифами и транскрипцией на русском языке, в последнем столбике — русский перевод. Словарь этот составлен очень аккуратно, без помарок и разборчивым почерком (в отличие, например, от «Большого русско-китайского словаря с фразами, выражениями и примерами»), тем не менее, его использование затруднительно: нет транскрипции для монгольских и маньчжурских слов, нет разделения по темам (непонятен вариант компоновки), отсутствует алфавитный порядок.

Одной из крупнейших работ П. И. Каменского, получившей широкий резонанс в международной синологии, был «Монгольско-Маньчжурско-Китайско-Русско-Латинский пятиязычный лексикон, составленный Каменским»²⁶³ (в ряде документов этот лексикон обозначен как словарь²⁶⁴). Возможно, если бы удалось его издать, имя П. И. Каменского зазвучало в отечественной и зарубежной синологии, и появился огромный интерес к его прочим трудам. Поэтому история его составления и издания особо интересна.

²⁶² АВПРИ. Ф. 152. Оп. 505. Д. 150–151.

²⁶³ АВПРИ. Ф. 161. Оп. 71. II — 26. Д. 2.

²⁶⁴ Там же. Оп. 146. Д. 1.

В 1817 г. император Александр I утвердил публикацию китайско-монголо-маньчжуро-русско-латинского словаря переводчика Азиатского департамента МИД П. И. Каменского в литографическом заведении государственной Коллегии иностранных дел. Объем словаря предполагался в 1200 страниц, тираж — 1000 экземпляров, срок издания — 6 лет, сроки издания — с 1818 по 1823 гг. Большую помощь в попытках издания словаря П. И. Каменскому оказывал П. Л. Шиллинг фон Канштадт²⁶⁵, сумевший специально для этой цели выхлопотать необходимые денежные средства. На словарь пришли рецензии от крупнейших востоковедов Европы, таких как Дж. Барроу, Л.-Ж. Дегинь, Ж.-П. Абель-Ремюза, Ч. Уилкинс.

В архивном деле российского МИДа «Об издании Монгольско-Маньчжурско-Китайско-Русско-Латинского лексикона, составленного Каменским» за 1817 г. сохранилась переписка по поводу издания словаря. Например, в письме синолога Дж. Барроу²⁶⁶ к российскому дипломату, послу в Лондоне Х. А. Ливену говорилось:

«Мистер Барроу имеет честь вернуть Ливену 2 экземпляра: китайскую и маньчжурскую иероглифику и манускрипт Индийский и Латинский, который сопровождается его записями. С наилучшими пожеланиями о типографских экземплярах 2-х частей иероглифов Маньчжурского и Китайского, также исключительны как желаемы и также по его мнению могли быть изданы в Лондоне

²⁶⁵ Шиллинг Павел Львович (1786–1837). Известный востоковед, чиновник Азиатского департамента МИД.

²⁶⁶ Джон Барроу (John Barrow) (1764–1848). Известный синолог и миссионер, католический монах.

или Париже, однако сожалеет, что большинство записей не было передано, из которых некоторые суждения могут быть сформированы из плана и установок выдвинутых мистером Каменским. Большая часть достойного словаря символов или иероглифов должны, конечно, зависеть от условий, с которыми они обращены, когда требуются. Метод подобно объяснению и примеров иероглифов так же важен, как их классификация, ни один из которых не может квалифицироваться из печатных образцов, но может быть желательным, чтобы Mr. Каменский проконсультировал М. Morrison'a и Mr. de Guigne'я по словарям, на которые он сделал улучшения ранее чересчур обильных для стандартных целей, а позже слишком недостаточных в их объяснениях. Однако оба хорошо организованы согласно китайскому плану, который несравненно лучший. С наилучшими пожеланиями к манускрипту, он не имеет никакого отношения к словарю, но содержит выдержки банальной морали китайцев, которые мы имеем в нескольких формах на английском и французском языках, относительно которых Каменский не заметил ничего стоящего. Должны ли последующие экземпляры быть посланы в Лондон с намерением словаря...»²⁶⁷.

Подготовка к печати и завершение работы над этим обобщающим словарем велись одновременно. Подготовленный П. И. Каменским пятиязычный словарь вызвал немало споров и замечаний. Современные исследователи отмечают: «Словарный материал был расположен по те-

²⁶⁷ АВПРИ. Ф. 161. Оп. 71. П — 26. Д. 2. Л. 23–24.

мам, что затрудняло работу с ним, и для практического использования он был неудобен»²⁶⁸. Но на международных переговорах относительно структуры будущего пятиязычного словаря П. И. Каменский настаивал на собственной версии, аргументируя следующим образом:

«... словарь сей составлению коего по повелению Императора Кяньлуна²⁶⁹ занимались восемьдесят семь ученых чиновников под надзором шести первейших и ученейших министров и который в сем роде изданий почитается наилучшим, мною только переведенный ... Следовательно, расположения оно по предметам, а не по алфавитному порядку найдено тамошними просвещеннейшими мужами самым выгоднейшим. Да и сам Граф Ремюза говорит: “Сие истинно прекрасное издание, которого мы имеем несколько экземпляров и которого почти половину перевел я на французский язык и пр.”. Справедливо замечает он, что нельзя в нем найти слова, если прежде не знаешь значение оно, но сие можно сказать в отношении к одному только случаю, когда с оных языков переводим на другие, когда же переводим с других на оные, или что на оных сочиняем или взяв в пособие, по оному обучаемся, то приняв в должное уважение пятиязычный состав сего энциклопедического расположения, лучше никак придумать невозможно. В нем мы одним взглядом объемлем во всех частях речи одного

²⁶⁸ Пан Т. А. Изучение маньчжурского языка в Пекинской духовной миссии // Православие на Дальнем Востоке: 275-летие Российской духовной миссии в Китае / Отв. ред. М. Н. Боголюбов, архим. Августин (Никитин). СПб., 1993. С. 122.

²⁶⁹ Цзяньлун 乾隆.

и того же слова разные грамматические изменения, слов произведения, синонимы, эпитеты и пр. чего в алфавитном расположении сосредоточить никак нельзя...»²⁷⁰

Споры были и о том, каким образом расположить слова в словаре, горизонтально или вертикально. Вставал вопрос о необходимости пояснений, фактически о создании некоторого подобия энциклопедии. На сегодняшний день рукопись данного словаря не найдена, хотя синолог Ж.-П. Абель-Ремюза указывал даже на существование нескольких экземпляров этого словаря. В архивах же сохранились лишь копии напечатанной страницы словаря формата А4²⁷¹. В качестве примера можно привести и такой документ, как «Печатный лист Лексикона Каменского, напечатанный в типографии Н. Греча. Глава I. О Небе»²⁷².

Финансирование работ по изданию словаря осуществлялось из сумм Министерства иностранных дел. Общая стоимость была определена в 139900 рублей. Были приняты правила, «... на основании коих предполагается приступить к напечатанию китайского словаря, сочиненного коллежским асессором Каменским»²⁷³. Среди пунктов этого документа в качестве примера можно привести следующие:

«Сие издание возложить на попечение Надворного Советника барона Шилинга Фон Канштата...»²⁷⁴

²⁷⁰ АВПРИ. Ф. 161. Оп. 146. Д. 1. Л. 84–85.

²⁷¹ АВ ИВР РАН. Ф. 24. Оп. 1. Д. 5.

²⁷² АВПРИ. Ф. 161. Оп. 146. Д. 1. Л. 34–35.

²⁷³ Там же. Л. 56–57.

²⁷⁴ Там же. Л. 56.

«...В помощь ему назначаются коллежские асессоры Каменский и Липовцов с надлежащим числом других чиновников для просмотра и проверки выправочных листов оногo словаря»²⁷⁵.

На издание словаря отводилось пять лет, однако словарь так и не был издан.

До сих пор остается загадкой, почему же «Монгольско-Маньчжурско-Китайско-Русско-Латинский пятиязычный лексикон, составленный Каменским» так и не был издан. Выдвигалась версия, объяснявшая этот факт отъездом самого архимандрита Петра (Каменского) в Пекин. Но ее нельзя признать достаточно убедительной. Даже в случае сохранения недоработок, после отъезда автора в Санкт-Петербурге оставался член-корреспондент Императорской Академии наук и единомышленник П. И. Каменского С. В. Липовцов, который мог достаточно профессионально проконтролировать издание словаря. Среди причин называют и несовершенство самого словаря и вмешательство в процесс вернувшегося из Пекина архимандрита Иакинфа (Бичурина). В качестве примера можно привести такой документ, как «Рецензия на пятиязычный словарь, издаваемый Г. Каменским»²⁷⁶, где имеются поправки Иакинфа (Бичурина).

Проблемы публикации словаря П. И. Каменского были рассмотрены советскими исследователями уже полвека назад:

«В фонде П. Л. Шиллинга [в Архиве востоковедов] имеются документы, воссоздающие как историю

²⁷⁵ Там же.

²⁷⁶ АВ ИВР РАН. Ф. 7. Оп. 1. Д. 38. Л. 136–143.

организации литографии, так и процесс подготовки восточных шрифтов для словаря [П. И. Каменского] ... Пробные оттиски первых страниц словаря свидетельствуют об упорном стремлении П. Л. Шиллинга усовершенствовать технику воспроизведения восточных знаков, а переписка позволяет установить имена граверов-литографов, специализировавшихся на воспроизведении китайских (Христиан Гек), маньчжурских и монгольских (Федор Иванович Гасс) литер. Многие материалы проясняют, почему же этот словарь, несмотря на очень удачные опыты П. Л. Шиллинга, все же не был напечатан»²⁷⁷.

Надо полагать, что издание не было закончено по причинам финансовым. Работа шла очень медленно, многого не учли, ведь это было первое издание с иероглифами в России. Проблема усугублялась традиционным российским бюрократизмом и коррупцией. Участие в этом проекте такого авторитетного деятеля, как барон П. Л. Шиллинг, не способствовало реализации проекта, вероятно, из-за большой его занятости. В итоге, читаем в письме, написанном уже в 1823 г., через пять лет после начала работ по изданию словаря:

«Ваше Превосходительство относитесь ко мне от 25 прошедшего Августа, в рассуждении определенных к отпуску в гос. Коллегию Иностранных дел из гос. Казначейства в течении 6 лет по 20 тыс. руб. в каждом на напечатание известного словаря, что в то число истребовано было из казначейства

²⁷⁷ Чугуевский Л. И. Шиллинг Павел Львович [Обозрение фонда № 56 Архива востоковедов СПбФ ИВ РАН] // Письменные памятники Востока. 2006. № 1. С. 254.

только в 1818 г. 20 тыс. руб., что прочие за тем 100 тыс. руб. остались по ныне не принятыми и что вы по тому предполагаете, чтобы сии остальные 100 тыс. руб. числились по казначейству отложенными на могущие впредь последовать надобности по тому же предмету»²⁷⁸.

На что был получен ответ:

«Предположение ваше со стороны казначейства исполнено быть не может, ибо иные 100 тыс. руб. по получению об них в свое время требованию высочайше утвержденного положения комитета Финансов 1-го февраля 1822 г. обращены с прочими подобными остатками на выполнение других по высочайшим указам на Государственное казначейство возложенных расходов. Егор Канкрин²⁷⁹»²⁸⁰.

В конечном итоге, через пять лет после начала работы финансирование было прекращено, и словарь так и не был издан. Но ценность словаря П. И. Каменского не подвергалась сомнению его современникам. Один из первых исследователей истории русского востоковедения в 1825 г. писал:

«У нас также нет никаких пособий для изучения Китайского, Монгольского и Манжурского языков. Китайский лексикон на Латинском языке в 24 Частях Профессора Байера. Словарь Китайского,

²⁷⁸ АВПРИ. Ф. 161. Оп. 146. Д. 1. Л. 169.

²⁷⁹ Канкрин Егор Францевич (1774–1845) – граф, российский государственный деятель, видный экономист.

²⁸⁰ АВПРИ. Ф. 161. Оп. 146. Д. 1. Л. 169.

Монгольского и Манжурского языков Каменского в 20 частях и Словарь Китайско-Русский в 6 Частях Иакинфа до сих пор находятся в рукописях. с Китайским Словарем на Английском языке Моррисона, столько превозносимым в ученом свете»²⁸¹.

Таким образом, П. И. Каменский проделал огромную работу по составлению словарей и лексиконов. Но результаты его трудов остались практически не замеченными, и даже серьезный издательский проект, поддержанный государством, так и остался проектом. Тем не менее, наработанный П. И. Каменским опыт, несомненно, оказал влияние на подготовку словарей китаеведами следующих поколений.

3.4. Анализ опыта истории Пекинской миссии

Имея опыт длительного проживания в Пекине в составе Миссии, работая на китаеведческом поприще в Российской столице, П. И. Каменский познакомился с сильными и слабыми сторонами Российской духовной миссии в Китае. Делом всей жизни архимандрита Петра (Каменского) стало реформирование Пекинской миссии, тем более что эта проблема приобрела актуальность с начала XIX в.

Уже с первых дней работы в Санкт-Петербурге П. И. Каменский особое внимание уделил Российской духовной миссии в Пекине. Он анализировал исторический опыт, делал оценки настоящего состояния, давал рекомендации на будущее.

²⁸¹ [Рихтер] А. Р. О состоянии Восточной Словесности в России // Азиатский вестник. 1825. № 8. С. 89–90.

До нас не дошло специальных работ, посвященных истории Российской духовной миссии в Пекине, написанных именно архимандритом Петром (Каменским). Однако в работах историков XIX в. есть указание на вклад бывших учеников VIII Миссии и, вероятно, П. И. Каменского в дело изучения этой истории. Архимандрит Николай (Адоратский) писал:

«В Истории Российской Иерархии (т. II) есть Описание пекинского Сретенского монастыря, где находятся краткие данные о первых девяти миссиях. Эти данные собраны одним из членов осмой миссии, вероятно, студентом Липовцевым»²⁸².

При этом, на изучение истории Российской духовной миссии в Китае указывают многочисленные записки и другие рукописные материалы, сохранившиеся в различных архивных фондах.

П. И. Каменский критически оценивал деятельность всех миссий в XVIII в., он писал:

«Нельзя основываться на многих от туда присылаемых от Ар [химандритов] бумагах всего известнее, что они упущенные ими там дела единственно или по небрежению или по неспособности всегда стараются оправдываться невозможностями на пр [имер] если который, с чувствительными ошибками, ежели еще и не злоупотреблениями распродал мягкую казенную рухлядь, то таковой

²⁸² Николай (Адоратский), архимандрит. Об источниках Истории Пекинской Духовной Миссии в первый и второй периоды ее деятельности. (Речь на коллоквиуме 7 января 1888 г.)/Отдельный оттиск из январской книжки Православного собеседника 1888 г. Казань, 1888. С. 5.

все силы устремляет писать, что б мягкая рухлядь не присылалась, а серебро, ежели другой совсем не принимался обучаться китайскому языку, без коего нельзя начать и проповедь, то сей собирает и выдумывает причины, по коим нет возможности приступить к проповеди...»²⁸³.

Таким образом, П. И. Каменский указывал, что в Св. Синоде и Министерстве иностранных дел не представляли реальной картины, складывающейся в Миссии. И будущего архимандрита Петра (Каменского) очень беспокоил тот факт, что из-за недостаточно успешной деятельности русских миссионеров в русско-китайских отношениях сохранялось много проблем и противоречий, а развитие миссионерской деятельности сильно тормозилось.

В числе важнейших проблем, по мнению П. И. Каменского, были вопросы материального снабжения Российской духовной миссии. Они давали о себе знать уже при въезде миссионеров в китайские пределы:

«Свита, говорю, продолжает путь до самого Пекина в жалком и отвратительном состоянии, находясь около 3 месяцев среди иностранцев. Известно ли правительству, что не говоря о других самый наш начальник ничего у себя не имел, ни ложечек, наволочек, ни ножичков, ни пристойного платья. Словом сказать, для иностранцев представляем зеркало национальной бедности. Тут же сказать и о конвойных, нужно там завести контору, и сколько можно поправить наружное поведение.

²⁸³ ГАКК. Ф. 805. Оп. 1. Д. 98. Л. 12.

Снабдить не дорогими, но вид с нации доказывающими вещами, книгами говорю и учебными пособиями; приятно и весьма для глаза ученого Китайца любопытно иметь в классической зале студентов глобус, ландкарты, физические хоть некоторые монастырские инструменты...»²⁸⁴.

Недостатки материального обеспечения, по мнению П. И. Каменского, не только ограничивали возможности миссионеров, но и отрицательно влияли на имидж всей страны.

П. И. Каменский неоднократно обращал внимание на то, что по разным причинам китайцы не очень хорошо относились к европейцам вообще, и к русским в частности. И здесь он был не голословен, а опирался на собственный опыт длительного проживания в Китае. При этом П. И. Каменский нередко сравнивал поведение европейцев с представителями других народов. В частности, он отмечал:

«Я быв в Пекине, всегда об магометанах, пребывающих в Кантоне, несравненно с выгоднейшей стороны слышал, нежели о христианах. Европейец по предубеждению к своему превосходству, до безумия волен и нагл, но Магометанец скромн, учтив и тем близок к китайцу»²⁸⁵.

Действительно, более ортодоксальное воспитание у мусульман и отсутствие пьянства давали представителям мусульманской общины преимущества в китайской среде.

²⁸⁴ Там же. Л. 9.

²⁸⁵ Там же. Л. 20.

Уже сразу по возвращении из Китая П. И. Каменский на всех уровнях ставил вопрос об усилении кадрового состава Миссии специалистами в разных областях. Правда, власти к этим предложениям обычно относились скептически. А. Разумовский писал Н. П. Румянцеву в 1811 г.:

«Г. Каменский... предложил, чтобы при Пекинском консульате определить сведущих в естественной науке молодых людей, которые могли бы там употребить свои знания к помощи государства собиранием естественных и медицинских замечаний... что же касается до определения молодых натуралистов к Пекинскому Консулату, то хотя Совет одобряет сии предположения, считая, что действительно можно бы ожидать некоторой пользы от таковой меры, но, по мнению моему, большие издержки, каких бы сия мера стоила, делают ее на сей раз невозможною...»²⁸⁶.

П. И. Каменский показал последствия ошибочного выбора миссионеров:

«... миссия сия в рассуждении избирания членов ее составляющих, должна особенно занять избирателей обыкновенных, говорю людей послать в Пекин есть совершенно убивать. Смерть студента Громова, Лавровского и высылка дьякона и дьячка ясно подтверждает мое мнение. Китай для миссионеров, (которые) избранны будут по опытам безошибочно, покажется Раем, а для людей посылаемых только по обыкновенным в Европе и самым лучшим способностям покажется Адом»²⁸⁷.

²⁸⁶ АВПРИ. Ф. 161. Оп. 71. Д. 3. Л. 1–2.

²⁸⁷ ГАКК. Ф. 805. Оп. 1. Д. 103. Л. 4.

Члены миссии, по мнению П. И. Каменского, должны тщательно отбираться «...из таких кои получили образование в хороших Семинариях и... с успехом окончивших курс учения»²⁸⁸. Это возможно было сделать благодаря системе наград, увеличению денежной пенсии. Предлагалось четко обозначить чины и должности, на которые могли претендовать все члены миссии, успешно прошедшие десятилетнюю миссионерскую службу в Пекине. П. И. Каменский настаивал на внедрении «разделения труда»:

«Не лишно, кажется, здесь же назначить каждому в особенности, кроме языков особенные должности. На примере одному препоручить вникать в их философию и образы богослужения — другому в историю не только Китая, но и окрестных их земель, и особенно в Тибетскую-Индийскую и Мунгальскую — Чингизского дома — завоеваний, походов и пр. Третьему в медицину, о свойстве коего я сказал выше — 4 не мешая по Механике и Магнетизму вообще»²⁸⁹.

Выводы П. И. Каменского относительно критериев отбора не просто хороших специалистов, а подходящих для Китая людей были новыми для того времени.

Будучи чиновником МИД, П. И. Каменский проделал большую работу по реформированию православной миссии в Пекине. В частности, еще в 1815 г. он представил генерал-губернатору Сибири И. Б. Пестелю «Примечания, клонящиеся к усовершенствованию состава

²⁸⁸ Там же. Д. 106. Л. 8–9.

²⁸⁹ Там же. Д. 98. Л. 7.

в Пекин посылаемых Миссий», а обер-прокурору Св. Синода А. Н. Голицыну — записку «Об усовершенствовании состава в Пекин посылаемых миссий»²⁹⁰. В сохранившемся документе «Селение Галерное. Черновые заметки Петра Ивановича Каменского по истории Китая» можно выделить фрагмент инструкции посольству²⁹¹. Помимо этого, в архивных материалах сохранилось много его записей, касающихся благоустройства миссии: мысли о разграничении должностей, тематики работ миссионеров, указания на ошибки предыдущих миссионеров²⁹². Все эти замечания легли в основу будущей инструкции для последующих миссий в Пекин. Позднее глава двенадцатой миссии архимандрит Гурий (Карпов) писал:

«Александр Благословенный, по представлению отца архимандрита Петра, увеличил штат, указав студентам и духовных избирать непременно в Петербурге и из высших учебных заведений со свидетельством об отличной нравственности и способностях»²⁹³.

Результатом деятельности будущего архимандрита Петра (Каменского) на посту чиновника МИД стало составление новой инструкции для Миссии, одобренной на высшем уровне императором Александром I летом

²⁹⁰ *Ипатова А. С.* Место Российской духовной миссии в Китае в истории русско-китайских отношений // Востокведение и мировая культура. К 80-летию академика С. Л. Тихвинского: Сб. статей. М., 1998. С. 214–215.

²⁹¹ ГАКК Ф. 805. Оп. 1. Д. 103. Л. 4.

²⁹² Там же. Д. 98. Л. 5–13.

²⁹³ *Шаталов О. В.* Архимандрит Петр (Каменский) — начальник 10-й Российской Духовной Миссии в Пекине // Православие на Дальнем Востоке. Вып. 3. СПб., 2001. С. 86.

1818 г. Анализируя проблемы, связанные с составлением новой инструкции, известный сибирский историк XIX в. В. И. Вагин отметил:

«Научная сторона взяла верх над полицейской»²⁹⁴.

Успехи чиновника МИД П. И. Каменского на поприще китаеведения вскоре нашли признание в научном мире. Архимандрит Петр первым из русских китаеведов был избран член-корреспондентом Императорской Санкт-Петербургской Академии наук по разряду литературы и древностей Востока. Фактически он стал не только первым русским член-корреспондентом среди китаеведов, но и вообще одним из первых востоковедов в Академии наук. Историки так описывают этот этап ее истории:

«На основе устава 1803 г., разрешавшего дополнять список наук, составлявших предмет занятий Академии, в эти годы была образована кафедра по восточным языкам и словесности... На кафедру восточных языков и словесности в 1804 г. был избран адъюнктом Г. Ю. Клапрот, приехавший в Россию, чтобы заняться изучением Востока... в 1811 г. он уехал за границу, увезя с собой многие собранные им материалы... продал в Национальную библиотеку в Париже... В 1817 г. Ю. Клапрот был единодушно исключен из членов Академии наук... Таким образом, с 1811 г. представителя по востоковедению в Академии наук совсем не осталось...»²⁹⁵.

²⁹⁴ [Вагин] Исторические сведения о деятельности М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год. / Собраны В. Вагиным. Т. 2. СПб., 1882. С. 221.

²⁹⁵ Комков Г. Д., Левшин Б. В., Семенов Л. К. Академия наук СССР. Краткий исторический очерк. Т. 1. 1724–1917. Изд. 2-е. М., 1977. С. 196–197.

Лишь в 1818 г., с назначением нового президента С. С. Уварова, известного своим проектом Восточной Академии в 1810 г. и созданием по инициативе немецкого ученого Х. Д. Френа Азиатского музея, «в Академии наук возникло научное востоковедение»²⁹⁶.

С избранием в 1819 г. П. И. Каменского и его ученика С. В. Липовцева в Академии наук сформировалось китаеведческое направление. Но работы в рамках Академии наук начались еще до их формального избрания: например, в 1818 г. будущие членкоры составили каталог китайских и японских книг, которые Академия наук передавала Азиатскому музею. Труды архимандрита Петра (Каменского) получили не только всероссийское, но и всемирное признание. Работая в Санкт-Петербурге, П. И. Каменский был избран членом парижского Азиатского общества, копенгагенского общества северных антиквариетов и Вольного общества любителей наук и художеств, Вольного экономического общества. Таким образом, П. И. Каменский стал одним из основателей российского академического востоковедения.

3.5. Проблемы организации новой Миссии в Китай

Погружение чиновника МИД П. И. Каменского в проблемы реформирования Пекинской миссии было не случайным. После победы России в Наполеоновских войнах встал вопрос об активизации русской политики на Дальнем Востоке. К этому времени чиновник МИД П. И. Каменский уже увидел и показал русской общественности,

²⁹⁶ Там же. С. 197.

что Цинская империя вступила в завершающую стадию развития, что Китай теряет свои позиции в глобальной мировой системе. Соответственно должна была меняться и политика России в отношении этого государства. Единственным на тот момент институтом развития русско-китайских отношений была Российская духовная миссия. П. И. Каменский не только показал, какие процессы происходили в Китае, но и проделал почти всю техническую работу по преобразованию Российской духовной миссии.

Необходимость преобразования Пекинской миссии в начале XIX в. особенно контрастно проявлялась на фоне неудач и недостатков работы IX Миссии во главе с архимандритом Иакинфом (Бичуриным). Уже в 1814 г. Иркутский губернатор Н. И. Трескин²⁹⁷ заявил о необходимости срочно сменить весь состав Духовной миссии в Пекине. Этот «правитель Сибири» так же, как и П. И. Каменский, считал необходимым изменить и правовую базу деятельности Миссии. В 1815 г. Н. И. Трескин представил в Санкт-Петербург проект новой инструкции для Российской духовной миссии в Пекине.

«По словам Трескина, столетний опыт показал, что начальство над миссией ненадежно поручать духовному лицу, особенно монашествующему, и нельзя было надеяться избрать такого архимандрита, который имел бы все способности светского человека, необходимые для содержания миссии в порядке и для приобретения знакомств»²⁹⁸.

²⁹⁷ Трескин Николай Иванович (1763–1842). Из семьи священника. Иркутский гражданский губернатор (1809–1819), фактический правитель всей Сибири, получил известность как крайне деспотичный, но эффективный администратор.

²⁹⁸ [Вагин] Исторические сведения о деятельности М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год/Собраны В. Вагиным. Т. 2. СПб., 1882. С. 219.

Н. И. Трескин вообще предлагал поставить во главе Миссии светское лицо, а также ввести предварительное обучение членов Миссии в Иркутске маньчжурскому языку.

IX Миссия в Пекине с первых дней своего существования испытывала большие затруднения и вызывала серьезные нарекания. Уже при формировании состава этой Миссии Св. Синод с большим трудом нашел достойного кандидата на должность ее главы, остановив свой выбор на архимандрите Аполлосе (Алексеевском)²⁹⁹. Но доехав в 1805 г. до Иркутска, глава Миссии отказался от своего назначения³⁰⁰. Там, уже на месте главой Пекинской миссии был назначен недавно со скандалом высланный из Иркутска молодой преподаватель риторики в Тобольской духовной семинарии о. Иакинф (Бичурин).

Если не брать в расчет достижения главы IX Миссии в области синологии, результаты этой Миссии были более чем скромные. Церковные историки писали:

«Прибыв в Пекин, Девятая миссия с жаром и увлечением начала изучать язык и обычаи китайцев. Архимандрит Иакинф служил примером для братии. Так продолжалось с год... Но вот, богато одаренная от природы, но страстная натура о. Иакинфа не выдержала. Когда свежесть интереса

²⁹⁹ Архимандрит Аполлос (Алексеевский). Сын сельского священника Черниговской губернии, воспитанник Александро-Невской духовной семинарии. В мае 1805 г. рукоположен в архимандрита и назначен главой Пекинской миссии. С 1808 г. стал настоятелем Иркутского Вознесенского монастыря, с 1811 г. ректор Иркутской семинарии. С сентября 1813 г. был переведен в Ярославль, а после 1816 г. — настоятель различных московских монастырей, ректор училищ.

³⁰⁰ Мясников В. С. Избрание отца Иакинфа (Бичурина) в Академию Наук // Российская Духовная Миссия в Китае. М., 1997. С. 199.

к занятиям стала постепенно тускнеть, а увлечение охладевать, чему много способствовала заброшенность вдали от родины, откуда вести получались не более одного раза в год, — широкая натура о. Иакинфа не вмещалась в рамках деловой жизни; он стал грустить и искать развлечений. К тому же физиологические особенности его организма были причиной прискорбных падений, от которых он не смог освободиться до конца дней своих. Всё это наложило своеобразный отпечаток на всю его последующую жизнь в Пекине; бросило его в такую среду, которая делала серьезные занятия наукой невозможными. За ним невольно были увлечены и прочие члены Миссии. Дисциплина пала; начались доносы подчиненных на начальника и наоборот; Пальмовский, Громов, и иеродиакон Нектарий предались пьянству. Последний был в 1810 г. отправлен в Иркутск и после суда лишен сана и отдан в военную службу. Студент Громов покончил с собою ядом. Пальмовский в 1814 г. отправлен в Иркутск, где он выбыл из духовного звания... жизнь миссии пришла в полное расстройство. Напрасно трибунал старался поддержать ослабевающих членов Миссии, напрасно китайский первый министр посылал чиновников увещевать о. Иакинфа...»³⁰¹

Сам архимандрит Иакинф (Бичурин) подтверждал кризисную ситуацию, например, рассказывал про «ужасный, дерзкий поступок святотатства церковника Пальмовского», когда указанный миссионер «похитил из церкви

³⁰¹ Бэй-гуань: Краткая история Российской духовной миссии в Китае/ Сост. Б. Г. Александров. М., 2006. С. 65–66.

диаконский богатый орарь и подарил одной зазорной китайской женщине на пояс. После вещь сия выкуплена церковником Яфицким и по приказанию о. Иакинфа сожжена, яко столь недостойно поруганная»³⁰². Беспорядки в Российской духовной миссии в Пекине не оставались незамеченными и китайскими властями. В дневнике одного из миссионеров в декабре 1820 г. отмечалось:

«После обеда студент Зимайлов, явсь к приставу без всякого вызова, начал жаловаться на стесненное свое от начальника положение, не извиняя, впрочем, и себя; в сознании о бывших беспорядках в прежней миссии г. Зимайлов упомянул между прочим, что бывший первым министром или канцлером Сун действительно по возникающим в миссии неустройствам учинил всем членам оной строгий выговор в собрании Трибунала»³⁰³.

Несмотря на то, что все десять человек из состава IX Миссии изучали китайский язык, лишь один архимандрит Иакинф (Бичурин) стал известным китаеведом, и еще один ученик, М. Сипаков, после возвращения в Россию был зачислен переводчиком Азиатского департамента МИД. При этом следует отметить, что архимандрит Иакинф (Бичурин) вошел в мировую историю благодаря своим трудам, выполненным уже после возвращения из Китая в Россию. Исследователи констатировали:

«Но не суждено было раскрыться таланту о. Иакинфа здесь, в Пекине... но там, далеко, в душ-

³⁰² ГАКК. Ф. 805. Оп. 1. Д. 102. Л. 131.

³⁰³ Там же. Л. 134.

ной монашеской келье Валаама и под сводами Невской Лавры, где он тридцать лет работал не покладая рук над своими научными произведениями»³⁰⁴.

Современные исследователи подтверждают оценки того времени. Известный российский китаевед С. Л. Тихвинский пишет:

«Сам архимандрит Иакинф, которого и раньше мало интересовали церковные дела, оставил контроль над подчиненными и даже прекратил богослужение»³⁰⁵.

Говоря о проблемах Миссии во времена руководства ею архимандритом Иакинфом (Бичуриным), необходимо отметить и малоизвестные факты, указывающие на небезразличное отношение главы IX Миссии к судьбе введенного ему учреждения. В декабре 1820 г. один из членов X Миссии записал в своем дневнике:

«О. архимандрит Иакинф в знак своей откровенности показывал список с донесения в Святейший Синод о составе новой миссии, утверждая, что новоприбывшая получит свое образование отчасти по присланному от его Высокопреподобия плану. При сем случае он заметил, что назначенная сумма на стол новым членам миссии слишком огромна при столь значительных окладах жалования и прочих пособиях...»³⁰⁶.

³⁰⁴ Бэй-гуань: Краткая история Российской духовной миссии в Китае/Сост. Б. Г. Александров. М., 2006. С. 66.

³⁰⁵ Тихвинский С. Л., Пескова Г. Н. Выдающийся русский китаевед о. Иакинф (Бичурин) // Российская Духовная Миссия в Китае. М., 1997. С. 176.

³⁰⁶ ГАКК. Ф. 805. Оп. 1. Д. 102. Л. 130 об.

Таким образом, уже архимандрит Иакинф (Бичурин) осознал необходимость реформирования Пекинской миссии и даже внес определенный вклад в это дело. Глава IX Миссии боролся с непристойным поведением некоторых миссионеров, но не всегда находил в этом поддержку со стороны русских властей:

«... О. архимандрит весьма дивился, что представление его о Пальмовском к иркутскому губернатору не возымело действия и Пальмовский пользуется выгодами гражданской службы»³⁰⁷.

Деятельность IX Духовной миссии в Пекине не устраивала российские власти, не соответствовала общественным запросам и потребностям эпохи. После окончания десятилетнего пребывания в Пекине глава Миссии архимандрит Иакинф (Бичурин) попросил оставить его в Китае еще на такой же срок с целью продолжить изучение китайского языка. Но просьба не была удовлетворена, хотя он вместе со своей Миссией оставался и работал в Пекине еще несколько лет. Летом 1821 г. члены IX Миссии вернулись в Россию и почти все, за исключением церковника Яфицкого, были осуждены. Иеромонахи Серафим и Аркадий были осуждены консисторским судом на монастырские работы, сам о. Иакинф (Бичурин), находившийся под домашним арестом, был лишен священного сана и приговорен к отправке в Соловецкий монастырь, но царским указом наказание было смягчено и заменено на вечное поселение в Валаамский монастырь.

³⁰⁷ Там же. Л. 131.

3.6. Формирование нового состава Миссии

В сложных условиях необходимости преобразовать Пекинскую миссию в качестве наиболее подходящей кандидатуры для реализации этих планов был выбран П. И. Каменский. Выбор кандидатуры нового начальника Миссии был предопределен всей предыдущей деятельностью этого чиновника МИД. Будущий архимандрит Петр (Каменский) уже во время своей службы в Санкт-Петербурге сделал очень много для реформирования Пекинской миссии, для развития отечественного китаеведения и миссионерской деятельности на Востоке. Как отмечал известный сибирский историк XIX в. В. И. Вагин, «*коллежский асессор Павел Каменский был известен и отличным знанием Китая, и способностями, и высокими личными качествами*»³⁰⁸.

Говоря о назначении архимандрита Петра (Каменского) начальником Российской духовной миссии необходимо обратить внимание на то, что это был первый случай, когда Миссию поручали профессиональному синологу. И вообще, в 1818 г. русское правительство впервые профессионально и грамотно подошло к подготовке Пекинской миссии.

При всех устремлениях и трудах П. И. Каменского перспектива вновь надолго уехать в Китай сначала, вероятно, не обрадовала сиолога. Он писал в рапорте на имя К. В. Нессельроде:

«... пекинская служба, относительно к личным и частным видам, равняется со службою в недрах отечества продолжаемого, как продолжитель-

³⁰⁸ [Вагин] Исторические сведения о деятельности М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год/Собраны В. Вагиным. Т. 2. СПб., 1882. С. 220.

ное и не изменяемое страдание, с продолжительным услаждением жизни. Произвольно избирать худшее природе противно, а потому и ехать туда отрицаюсь»³⁰⁹.

Тем не менее, однажды посвятив свою жизнь Китаю, потратив не один десяток лет на изучение его культуры и проделав большую работу по усовершенствованию самой Пекинской миссии, П. И. Каменский, в конце концов, не смог отказаться от этого предложения. Вероятно, он понимал, что избрание его начальником миссии даст возможность реализовать собственную стратегию развития православного миссионерства на Востоке, будет способствовать улучшению и развитию отечественного китаеведения, а вместе с ним русско-китайских отношений — всё, о чем он так много думал и писал последнее время.

Программа преобразования Пекинской миссии предполагала увеличение ее финансирования. Ежегодное содержание миссии «По Высочайше подтвержденному штату 4 Августа 1818 года» было следующим: архимандриту — 2 тыс. руб. серебром; «Лекарю или Студенту Медицины» — 700 руб.; иеромонахам — по 650 руб.; остальным миссионерам и студентам — по 500 руб. Кроме того, в распоряжение архимандрита выдавалось: по 1 тыс. руб. в год «на наем служителей и содержание двух экипажей»; по 5 тыс. руб. «на стол, который должен быть общий для всех Членов Миссии, на отопление и освещение всего Российского Посольского двора и на прислугу для всей же Миссии»; по 500 руб. «на содержание частных учителей Манжурского, Китайского и Монгольского языков, и на покупку бумаги»; по 250 руб. «на церковные потребности»; по 1 тыс. руб. «на со-

³⁰⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 99. Д. 877. Л. 39.

держание и обучение Албазинских мальчиков»; по 500 руб. «на починки и постройки в Посольском дворе и церквах»; по 500 руб. «на покупку книг и проч.»; и по 500 руб. «на подарки учителям и проч.»³¹⁰.

6 мая 1819 г. П. И. Каменский в Александро-Невской лавре был пострижен в монахи с именем Петра, 12 мая монах Петр был посвящен в иеродьяконы, 26 мая — в иеромонахи. 30 мая 1819 г. в Казанском соборе Санкт-Петербурга иеромонах Петр (Каменский) был произведен в архимандрита. Как отмечали биографы о. Петра, «ему, как начальнику миссии, пожалована панагия первоклассного монастыря и митра, шитая золотом по красному бархату, украшенная драгоценными камнями»³¹¹.

Отправляя в Пекин архимандрита Петра (Каменского), российская высшая власть всячески продемонстрировала признание предыдущих заслуг синолога. В частности, 29 ноября, за месяц до отправления в Пекин, ему были пожалованы орден св. Анны 2-ой степени, бриллиантовый наперсный крест и пожизненная пенсия в 1000 рублей, как прибавка к прежде получаемой пенсии в 600 рублей.

Назначение архимандрита Петра (Каменского) главой новой Миссии в начале XIX в. во многом было шагом новаторским и даже рискованным. Впервые Православную миссию возглавил человек, который прежде уже жил в Пекине. И русские власти опасались, как бы китайские власти не сочли это основанием для запрета на въезд миссионеров. Об этом в Санкт-Петербург в апреле 1820 г. докладывал Сибирский губернатор М. М. Сперанский:

³¹⁰ Тимковский Е. Ф. Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 гг. Ч. 1. СПб., 1824. С. 7–8.

³¹¹ Можаровский А. Ф. Архимандрит Петр Каменский // Русская старина. 1896. Кн. 2. С. 335.

«Здесь был вопрос: как примет Китайское правительство назначение главным начальником миссии такого лица, которое было уже прежде в Китае. Изъявляемо было некоторое опасение, чтоб не показалось сие уновление противным прежним обычаям... По счастью... он не произвел ничего вредного, и напротив, кажется, всё обещает, что отец Петр будет принят с удовольствием»³¹².

Состав X Российской духовной миссии в Пекине комплектовался, согласно требованиям, озвученным самим архимандритом (Петром). Среди документов Петра (Каменского) мы находим следующие требования:

«Для чести России и для пользы нашей веры, равно необходимо, чтобы все они (избранные в Миссию) были людьми отличными по надежной нравственности, по талантам и сведениям»³¹³.

П. И. Каменский доказывал, что необходимо разделять критерии отбора миссионеров пригодных для работы в Европе и в Китае. Он писал:

«Опыт меня научил так, что о членах предполагаемых к посылке туда, я могу здесь на месте положить не опрометчивое мнение; которые из них могут сделать честь своей нации, которые возвратятся с успехами и которым бедственно и с бесчестьем отечества там необходимо погибнуть.

³¹² [Вагин] Исторические сведения о деятельности М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год/Собраны В. Вагиным. Т. 2. СПб., 1882. С. 223.

³¹³ ГАКК. Ф. 805. Оп. 1. Д. 104. Л. 8.

Дерево не в свойственный климат пересаженное, ненадежно — меры в избрании миссии в Европу и Азию, и особенно в Китай должны совсем быть противоположны. При всем том скажу, что лучший предполагаемый в Китай миссионер не постыдится поста своего, если пошлетя вместо того в Европу. Но лучший, предполагаемый для Европейской миссии, для Китайской миссии совершенно не годится»³¹⁴.

Позднее уже глава XII Миссии архимандрит Гурий (Карпов) писал:

«Александр Благословенный, по представлению отца архимандрита Петра, увеличил штат, указав студентов и духовных избирать непременно в Петербурге и из высших учебных заведений со свидетельством об отличной нравственности и способностях»³¹⁵.

В состав новой Пекинской миссии были включены следующие лица:

— духовные: помощник начальника миссии иеромонах Вениамин (Морачевич), иеромонах Даниил (Сивиллов)³¹⁶, иеромонах Израиль (Веретенников);

³¹⁴ Селение Галерное. Черновые заметки П. Каменского по истории Китая // ГАКК. Ф. 805. Оп. 1. Д. 103. Л. 4.

³¹⁵ Шаталов О. В. Архимандрит Петр (Каменский) — начальник 10-й Российской Духовной Миссии в Пекине // Православие на Дальнем Востоке. Вып. 3. СПб., 2001. С. 86.

³¹⁶ Даниил (Сивиллов Дмитрий Петрович, 1788–1871). По окончании Пензенской духовной семинарии поступил в Петербургскую медико-хирургическую академию, в 1819 г. перевелся в семинарию Александро-Невской лавры.

— причетники: старший — Николай Вознесенский; младший — Алексей Исаков;

— студенты: лекарь IX класса Осип Михайлович Войцеховский, лекарь XII класса Захар Федорович Леонтьевский, Кондрат Григорьевич Крымский и Василий Кириллович Абрамович.

Без сомнения можно утверждать, что ни один член X Миссии не был выбран случайно. В Пекин никого не отправляли без личного на то согласия начальника Миссии, и архимандрит Петр (Каменский) лично утверждал кандидатуры. В письме министра духовных дел и народного просвещения к попечителю СПб-го. учебного округа отмечалось:

«Студент Санктпетербургского Университета Захар Леонтьевский по одобрению Начальника отправляемой Отца Архимандрита Петра и по собственному своему желанию причислен к оной в Пекин миссии»³¹⁷.

Архимандрит Петр (Каменский) добился практически 100% результата, о чем говорят успехи этих миссионеров в течение работы миссии в Пекине и, что особенно важно, после возвращения на родину.

Существенным новшеством стало включение в состав членов Миссии врача. Его появление, несомненно, определялось политическими соображениями. Европейские врачи с самого начала XVIII в. стали самым надежным «ключом» к азиатским правителям и вельможам, достаточно вспомнить опыт Британской Ост-Индской компании в Индии или даже успехи некоторых российских пред-

³¹⁷ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 139. Оп. 1. Д. 2280.

ставительств в Китае. Например, в 1715 г. Петр I направил в Пекин к императору Канси посольство во главе с Лоренцем Лангом, при котором был английский хирург Томас Карвин, лично изъявивший желание отправиться в Китай. Сохранившиеся документы подтверждают, что П. И. Каменский хорошо знал, что китайские власти желали видеть в составе Духовной миссии врачей. Китайское посольство в Россию 1712 г. имело инструкцию:

«Проезжая российскую землю, увидевшись с их вельможами, скажи и если угодно российскому царю послать духовную для Албазинцев миссию, то пусть пришлют, да если есть искусный хирург, то и тех духовных и его сюда привези»³¹⁸.

И архимандрит Петр (Каменский) позднее сам отмечал:

«Я, зная сие требование, при моем назначении в начальники миссии возобновил сие, давно забытое обстоятельство. В 1819 г. отправлен был лекарь Г. Войцеховский»³¹⁹.

Среди записей П. И. Каменского можно найти критерии для выбора врача в миссию, обозначенные П. И. Каменским еще до посылки его в миссию в качестве начальника:

«Не забыть предложить о члене, который бы был Римско-Католического исповедания и что б он был точно испытанного, кроткого, но не угрюмого

³¹⁸ АВ ИВР РАН. Ф. 24. Оп. 1. Д. 12. Л. 9–10.

³¹⁹ Там же. Л. 10.

нрава, чтоб он был набожен с благоразумием. Чтоб знал латинский и французский языки, чтоб довольно выполирован был в философии, нек [оторых] частей математики, естественной истории и особенно в ботанике, хотя несколько в химии, что б знал основательное познание по меньшей мере нужнейших для Китая способов пользования болезней и преимущественно заразительных по веснам бываемых эпидемических горячек. Чтоб имел нарочитый навык рассматривать пульсы, что б безошибочно прививал коровью оспу»³²⁰.

Назначенный в состав Миссии в качестве врача И. П. Войцеховский подходил под вышеуказанные требования; он получил образование в Киевской духовной академии, впоследствии с отличием закончил Санкт-Петербургскую Медико-хирургическую академию. Вообще этот выбор оказался очень удачным: он не только сумел завести нужные для миссии знакомства среди высших китайских чиновников, но и внес существенный вклад в развитие китаеведения в России. Появление врача при миссии создало новую прогрессивную традицию и много способствовало развитию отечественной синологии и русско-китайских отношений.

Готовя Миссию в Санкт-Петербурге, архимандрит Петр получал самые разные поручения и просьбы. Исследователи отмечают:

«Когда готовилась к отправлению в Китай очередная, 10-я миссия, президент Академии художеств А. Н. Оленин обратился к возглавившему ее

³²⁰ ГАКК. Ф. 805. Оп. 1. Д. 98. Л. 5–6.

архимандриту Петру (Каменскому) с просьбой привезти разные костюмы, всевозможное оружие и другие предметы жизни и быта китайцев, “дабы художники могли иметь перед глазами те самые вещи, которые они желают или имеют надобность изобразить в своих произведениях”. Отпуская на это 1000 рублей ассигнациями, половину суммы он просил употребить на покупку туши, киновари и “красок лучшей доброты”»³²¹.

Перед отъездом из Санкт-Петербурга в Китай архимандрит Петр (Каменский) был принят императором Александром I. Один из первых исследователей истории Миссии А. Ф. Можаровский писал:

«Когда в 1819 году пред отправлением этой миссии в Китай архимандрит Петр был на прощальной аудиенции у Государя Александра Павловича и сказал, что будет просить на предлежащий ему подвиг у Господа помощи, Государь возвел очи и произнес псаломски: “Гласом моим ко Господу возвахъ, и услыша мя от горы святых Своих” и добавил: “Часто так зывал я ко Господу, и Той всегда выслушивал меня”»³²².

Таким образом, десятилетний период службы в качестве чиновника МИД в Санкт-Петербурге стал очень

³²¹ *Нестерова Е. В.* Российская духовная миссия в Пекине и начало русско-китайских контактов в сфере изобразительного искусства // Православие на Дальнем Востоке: 275-летие Российской духовной миссии в Китае / Отв. ред. М. Н. Боголюбов, архим. Августин (Никитин). СПб., 1993. С. 129.

³²² *Можаровский А.* К истории нашей духовной миссии в Китае // Русский архив. 1886. Кн. 2. С. 407.

важным и плодотворным в жизни архимандрита Петра (Каменского). Здесь в крайне сложные для истории России годы он приобрел опыт государственной службы, заявил о себе и получил мировое признание в качестве ведущего российского и европейского синолога, подготовился к принятию духовного звания. В это время с подачи П. И. Каменского и по замыслам российского руководства перед Пекинской миссией была поставлена задача подготовки качественных изменений в системе русско-китайских отношений. И для решения этих задач избранный член-корреспондентом Санкт-Петербургской Академии наук П. И. Каменский принял духовное звание и встал во главе Российской духовной миссии в Пекине.

ГЛ. IV.

ВО ГЛАВЕ МИССИИ
В ПЕКИНЕ

4.1. В Сибири

Выехав из Санкт-Петербурга во второй половине 1819 г., архимандрит Петр (Каменский) с членами своей миссии проследовал уже известным ему путем — через Москву, Нижний Новгород, Казань и далее через всю Сибирь. Полностью состав X Российской духовной миссии в Китае под руководством архимандрита Петра был собран в Иркутске, куда миссионеры прибыли в феврале 1820 г.

Ответственным за обеспечение миссии в Иркутске перед отправкой ее в Китай был Сибирский генерал-губернатор, резиденция которого находилась в Иркутске. Для занимавшего эту должность М. М. Сперанского³³³ организация отправки Миссии в Пекин было первым личным поручением царя после принятия этой должности. Известный сибирский историк XIX в. В. И. Вагин³³⁴ писал:

«4 сентября 1819 г. — в тот самый день, как Сперанский приступил к грозной для других и тягостной для него ревизии Иркутской губернии,

³³³ Сперанский Михаил Михайлович (1772–1839). Сын священника, воспитанник Владимирской и Александро-Невской духовных семинарий. Начал трудовую деятельность учителем в Александро-Невской семинарии, в 1810 г. занял высшую государственную должность — Госсекретарь. В 1819–1821 гг. — генерал-губернатор Сибири. Крупный государственный деятель, известный реформатор эпохи царя Александра I.

³³⁴ Вагин Всеволод Иванович (1823–1900).

он получил, через гр. Нессельрода, Высочайший рескрипт следующего содержания: “Михайло Михайлович. На исходе текущего года прибудет в Иркутск духовная миссия, назначенная в Пекин для смены там находящейся. А дальнейшее первой и обратное второй отправление не оставьте вы учинить, по прежним примерам должные распоряжения... Пребываю вам благосклонный Александр. Каменный остров, Июля 5, 1819 г.”»³³⁵.

В Иркутске архимандрит Петр (Каменский) решал вопросы Пекинской миссии вместе с М. М. Сперанским, находя при этом полное взаимопонимание. По мнению современников, в любом деле, за какое бы не брался М. М. Сперанский, он сам «входил в разные, даже мелочные подробности». Не стали исключением и сборы Миссии:

«Министерство иностранных дел, возлагая на меня все распоряжения по отправлению за границу вверенной вам миссии, предоставило мне снабдить вас достаточно всеми сведениями, какие для путешествия вашего и для пребывания в Пекине представляются нужными по общему с вами соображению всех предметов вашей обязанности, и вследствие представлений, какие вы мне сделали...»³³⁶

По мнению М. М. Сперанского, «образ жизни всех членов миссии и студентов, употребление вещей, платья, экипажа и проч. должны быть приспособлены к тому состоянию, в каком они пред китайцами представляются,

³³⁵ [Вагин] Исторические сведения о деятельности М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год \ Собраны В. Вагиным. Т. 2. СПб., 1882. С. 221–222.

³³⁶ Там же. С. 679.

без унижения, но и без роскоши или какого-либо притязания пышности»³³⁷. Вообще, по своим взглядам архимандрит Петр (Каменский) был близок к русскому реформатору и просветителю Сибири М. М. Сперанскому, названному историком В. О. Ключевским «Вольтером в православно-богословской оболочке».

В 1820 г. в Иркутске архимандрит Петр (Каменский) последний раз встретился со своим соучеником по Миссии В. С. Новоселовым. И здесь соученик и единомышленник главы новой Миссии принял непосредственное участие в решении вопросов отправки миссионеров в Пекин. Переводчик В. С. Новоселов для подготовки проезда Миссии через Монголию сам ездил на переговоры в Ургу. Вскоре, в 1824 г., когда о. Петр находился в Пекине, переводчик Иркутского генерал-губернатора умер. Посмертные документы В. С. Новоселова в очередной раз показывают обычную судьбу русского китаевода. Генерал-губернатор А. С. Лавинский писал в Санкт-Петербург:

«После смерти... Новоселова осталась жена с малолетним сыном. Всё достояние, какое получила она в наследство от умершего, заключается в одних токмо книгах на маньчжурском и монгольском языках, которые и представляет она в распоряжение правительства, испрашивая с тем вместе внимания к судьбе своей и малолетнего ее сына... Вместе с сим имею честь препроводить реестр представленных Новоселовою книгам. В числе их есть довольно редкие... которые и в самом Пекине покупаются только случайно...»³³⁸.

³³⁷ Там же. С. 680.

³³⁸ Хохлов А. Н. Монголист Василий Новоселов и его перевод «Лифаньюань цзэ-ли» // История и культура Востока Азии. Т. 1. Новосибирск, 2002. С. 71.

Для сопровождения Миссии из Иркутска в Пекин были назначены специальный пристав и казачий конвой. Выбор пристава имел большое значение, на нем лежали серьезные обязанности: препровождение миссии за границы, надзор за порядком и целостностью имущества, сношение с китайскими властями и пр. В прошлые миссии выбирали приставов, в основном из казаков, бывавших в Китае и более-менее владевших языками (монгольским и маньчжурским). Приставом в X Миссию сначала был назначен казак Е. И. Разгильдеев, свободно владеющий монгольским языком и «бывший в казачьем отряде 1807 и 1808, при сопровождении Пекинской Миссии». Однако Сибирский генерал-губернатор М. М. Сперанский в письме к графу К. В. Нессельроде заметил, что *«если должно желать, чтобы случай сей... обратился в некоторую пользу познаниям и наблюдениям нашим о сем крае, то познаний сих ожидать невозможно ни от Разгильдеева, ни от других здешних учеников»*³³⁹. М. М. Сперанский указал в качестве кандидата на должность пристава известного ученого, барона П. Л. Шиллинга. Согласно рекомендациям А. И. Тургенева, *«чиновник сей для миссии будет сущее приобретение»*³⁴⁰. Но, вероятно, по причине большой занятости П. Л. Шиллинг приехать не смог, и до последнего момента кандидатура пристава была под вопросом. Наконец, на эту должность был определен чиновник Министерства иностранных дел коллежский асессор Егор Федорович Тимковский³⁴¹.

³³⁹ [Вагин] Исторические сведения о деятельности М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год/Собраны В. Вагиным. Т. 2. СПб., 1872. С. 227.

³⁴⁰ Там же. С. 227.

³⁴¹ Тимковский Егор Федорович (1790–1875). Чиновник дипломатического ведомства, секретарь совета Главного управления путей сообщения в Петербурге. Позднее получил известность как востоковед.

Назначение приставом X Миссии Е. Ф. Тимковского представлялось весьма удачным, о чем свидетельствует изданное под его авторством трехтомное сочинение «Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 гг.»³⁴². Правда, обнаруженные нами документы показывают, что Е. Ф. Тимковский не является единоличным автором этой книги. Тем не менее, пристав X Миссии, несомненно, внес большой вклад в дело развития русско-китайских отношений, изучения Востока и знакомства с ним российской и европейской общественности. Работа Е. Ф. Тимковского, получившая столь широкий мировой резонанс, является свидетельством многолетнего опыта и накопленных знаний выдающихся синологов, среди которых имя П. И. Каменского стоит в числе первых. Сам Е. Ф. Тимковский отмечал в своей книге роль архимандрита Петра (Каменского):

*«Ознакомившись несколько с наклонностями Азиатцев, но еще более уважая совет Начальника Миссии...»*³⁴³.

В Иркутске был собран и казачий конвой для сопровождения X миссии по Китаю, переданный в подчинение Е. Ф. Тимковскому:

«В ведение его назначены были из Иркутской губернии: а) в должность обозного начальника, пограничной Цурухайтуевской дистанции 12 класса (ныне Кавалер) Евграф Иванов. Разгильдеев; б) переводчик Монгольского и Манжурского языков»

³⁴² Тимковский Е. Ф. Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 гг. Ч. 1–3. СПб., 1824.

³⁴³ Там же. Ч. 1. С. 15.

Коллежский Регистратор Андрей Петров. Фролов, в) Сверх того дан Приставу отряд из 29 Сибирских казаков разных дистанций, с старшиною 14 (ныне 12) класса Анемподистом Ив. Разгильдеевым»³⁴⁴.

В составе отряда под началом старшины из Акшинской крепости А. И. Разгильдеева были:

«а) Дистанции Троицкосавской: Сотники... Алексей Карпович Петров и Иван Маркович Захаров. Казаки: Андрей Медянской (плотник). Николай Воронцов. — б) Кударинской: казаки Гаврило Фролов (находился в конвое при Посольстве 1805–1806, также сопровождал Миссию в Китай и обратно 807 и 808), Андрей Кожевников (бывший в конвое 807 и 808), Федор Максимов (кузнец), Семен Перевалов, Андрей Кожевников и Петр Воробьев. — в) Акшинской: Урядник Егор Разгильдеев и казак Егор Перфильев. — г) Чинданто-Турукуевской: казаки Иван Токмаков, Владимир Мыльников, Илья Епов, Филипп Кобылкин, Тимофей Подшивалов, Герасим Власьевской, Дмитрий Саватеев, Иван Мирсанов, Галактион Васильев, Андрей Епов. — д) Цурухайтуевской Дистанции: Урядник Александр Горбунов; казаки Адриан Сурин, Яков Кычаков, Алексей Шестаков, Алексей Скорняков, Ипполит Софронов. Всего со Старшиною тридцать человек»³⁴⁵.

³⁴⁴ О начале торговых и государственных сношений России с Китаем и о Духовной миссии в Пекине // Сибирский вестник. Ч. 19. 1822. С. 181.

³⁴⁵ Тимковский Е. Ф. Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 гг. Ч. 1. СПб., 1824. С. 10–11.

Экспедиция численностью около полусотни человек должна была преодолеть в непростых условиях осени-зимы более полутора тысяч верст бездорожья монгольских гор и степей. С собой миссионеры везли многочисленные подарки и необходимые для проживания и работы в Китае (в течение не менее 10 лет) вещи. Организация транспорта описана в работе Е. Ф. Тимковского:

«На переезд Членов Миссии сделаны в Иркутске десять крытых повозок, с упряжью на три лошади в каждую. Для доставления тяжестей от Кяхты до Халгана и обратно было заготовлено верблюдов 85; часть оных куплена, а прочие пожертвованы Бурятами. Под вьюками вышло за границу 64 верблюда, остальные же взяты в запас. Лошадей 150 и быков, на пищу, 28; те и другие добровольно выставлены Бурятами без всякой платы. Сверх того, для перевозки ломких вещей, принадлежавших Членам Миссии, отпущено шесть одноколок, каждая в одну лошадь»³⁴⁶.

Прежде чем въезжать в пределы Цинской империи новой Миссии нужно было получить на это разрешение от китайского правительства. Поэтому еще в конце 1819 г. из Санкт-Петербурга в Пекин был направлен «Лист из Правительствующего Сената в Трибунал о перемене миссии». В этом документе говорилось:

«Его Императорское Величество наш всемилостивейший Государь Высочайше повелеть нам изволил находящегося в Пекине для отправления

³⁴⁶ Там же. С. 11.

службы Божией старшего священника Иакинфа... во уважение долговременного их там пребывания возвратить в свое отечество, а на их места, на основании трактата, заключенного в 1728-м году... отправить новых: в следствие чего и отправлены ныне отсюда три священника, в числе коих старший Петр... коим всем предписано по прибытии в Иркутск ожидать там разрешительного от Вас отзыва и быть в готовности предпринять путешествие до Пекина, сообразно с прежними примерами...»³⁴⁷

Русско-китайская граница в начале XIX в. продолжала оставаться закрытой, за исключением фактически лишь одного пункта пропуска в Кяхте. Но и здесь существовала сложная процедура получения разрешения даже для официальных представителей России, направлявшихся в Китай. Уже в мае 1820 г. Сибирский генерал-губернатор М. М. Сперанский «дал знать письмом, от имени Иркутского Гражданского Губернатора, пограничным Правителям Китайских дел, Главноуправляющему Цзюньвану Князю 2 степени, и Амбаню или помощнику его, имеющим пребывание в Монгольском городе Урге»³⁴⁸ о запланированном въезде в пределы Цинской империи X Российской духовной миссии.

Границу с Цинской империей архимандрит Петр (Каменский) со своей Миссией пересекал, как и было предписано двухсторонними соглашениями, в Кяхте. В работе Е. Ф. Тимковского говорится:

³⁴⁷ *Миротворцев В. В.* Материалы для истории Пекинской духовной миссии // Православный собеседник. 1888. Сентябрь. С. 85.

³⁴⁸ *Тимковский Е. Ф.* Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 гг. Ч. 1. СПб., 1824. С. 4.

«1 Июля явились в Троицкосавскую крепость, известную более под именем Кяхты, будучи в готовности по предложению высшего Правительства выехать через месяц за границу. О сем последнем обстоятельстве Г. Сибирский Генерал Губернатор, Тайный Советник и Кавалер Михайло Михайлович Сперанский еще в Мае дал знать письмом, от имени Иркутского Гражданского Губернатора, пограничным Правителям Китайских дел, Главноуправляющему Цзюньвану Князю 2 степени, и Амбаню или помощнику его, имеющим пребывание в Монгольском городе Урге, лежащем от Кяхты в 260 верстах к югу»³⁴⁹.

Для Кяхты и всего пограничного русского начальства в Сибири Пекинская миссия имела особое значение. Только при ее посредстве можно было получать достоверную информацию из столицы соседней империи. И архимандрит Петр (Каменский), отправляясь в Пекин, получил «Секретное письмо Начальнику Пекинской духовной миссии Отцу Архимандриту и Кавалеру Петру от Его Высокоблагородия Кяхтинской пограничной тамошни Директора и Кавалера Петра Филипповича Голяховского»³⁵⁰, в котором было множество вопросов, исключительно связанных с торговлей, и прежде всего кяхтинской³⁵¹. В журнале «Сибирский вестник» сообщалось:

«Миссия... прибыла в Иркутск в Феврале 1820; а 1 Июля в Троицко-Савскую крепость

³⁴⁹ Там же. С. 34.

³⁵⁰ *Миротворцев В. В.* Материалы для истории Пекинской духовной миссии // Православный собеседник. 1888. Сентябрь. С. 102–108.

³⁵¹ Там же. С. 103.

на Китайскую границу, где и провела около 2 месяцев в изготовлении к подлежащему пути и в ожидании провожатых, обыкновенно назначаемых для сего из Пекинского Трибунала Иностранных дел»³⁵².

Из китайского внешнеполитического ведомства (Лифаньюаня) для сопровождения Духовной миссии от границы и до Пекина были назначены специальные чиновники, во главе которых был «в должности Пристава, 7 класса Битхеша или письмоводитель, по фамилии Чен... которого неправильно называли Галайда»³⁵³. При китайском «приставе» были «толмач Чакдур лет 20, Монгол, изрядно говорящий по Китайски, и два Нербы или служителя из Пекина, отец с сыном». В китайской делегации были также «Бошко или вахмистр, по фамилии Ургентай» и «со стороны Монголов Халхаского Аймака... Тусулахчи, по имени Идамо Цапоз... почтенный и бодрый старик лет 64, несколько раз бывший курьером в Иркутске, провожавший Российские Миссии по всему ведомству Халхасов в 1794 и 1795, также 1807 и 1808...»³⁵⁴. Таким образом, русские местные власти довольно быстро, всего за несколько месяцев решили все вопросы, связанные с въездом вверенной архимандриту Петру (Каменскому) Миссии в пределы Цинской империи.

Последние дни и часы Миссии перед выездом за границу отражены в книге Е. Ф. Тимковского:

³⁵² О начале торговых и государственных сношений России с Китаем и о Духовной миссии в Пекине // Сибирский вестник. Ч. 19. 1822.

³⁵³ Тимковский Е. Ф. Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 гг. Ч. 1. СПб., 1824. С. 12.

³⁵⁴ Там же. С. 14.

«30 Августа, в торжественный день тезоименитства Его Императорского Величества, по принесению Господу Богу молебствия в Кяхтинской церкви был обеденный стол у пограничного Комиссара... Духовная Миссия наконец 31 Августа изготовилась к отправлению в Пекин. В 10 часов утра выступил наш обоз из Троицкосавской крепости. Вслед за ним Члены Миссии, в экипажах г. Директора Таможни и г. Советника пограничной Канцелярии, выехали из Посольского дома... По прибытии в Кяхту Члены Миссии и конвойные их пошли в церковь, где тамошнее духовенство принесло молебствие Господу Богу о даровании отправляющимся в путь благословенных успехов. Из церкви все собрались в один купеческий дом. Обоз с казенным скотом под присмотром двадцати казаков, отряженных с дозволения Заргучея особо на два дня, для провожания Миссии, пропущен за границу и двинулся на следующую станцию, верстах в 7 от Кяхты расположенную... Кяхтинское купечество угостило обеденным столом сперва конвойных казаков, коих часть немедленно выехала за границу; потом всех Членов Миссии. На сей прощальный обед приглашен был Заргучей, вместе с нашими провожатыми и пограничными Монгольскими офицерами. По окончании стола Начальник Миссии со всеми Членами, также вместе со мною, Обозным и Переводчиком пошел в церковь для последнего поклонения отечественному Храму Божию. Оттуда, сопутствуемые Кяхтинским духовенством, с крестами и при колокольном звоне, шли мы до самой черты граничной»³⁵⁵.

³⁵⁵ Там же. С. 18–19.

Таким образом, в течение весны-лета 1820 г. в столице Восточной Сибири архимандрит Петр (Каменский) при всяческой поддержке и помощи генерал-губернатора М. М. Сперанского, своего бывшего соученика В. С. Новоселова и других заинтересованных и ответственных лиц решил все вопросы по окончательному формированию и укомплектованию вверенной ему Миссии. Успешно были также улажены все формальные процедуры, необходимые для пересечения русско-китайской границы, и русская миссионеры в сопровождении казачьего конвоя выехали через Кяхту в пределы Китайской империи.

4.2. По Монголии

Проезд через всю Монголию в начале XIX в. был делом не простым даже для бывалых путешественников. Ехавший в Пекин в 1830 г. будущий профессор монгольского языка и ректор Казанского университета Иосиф (Осип) Михайлович Ковалевский записал в дневнике:

«Места, через которые Миссия ездит в Пекин, не населены. Провожатые чиновники, по своей важности и лишней в обращении осторожности, большей частью на наши вопросы отвечают неудовлетворительно. Отрывисто и иногда стараются чрезмерно увеличивать все предметы для показания перед нами силы и могущества Дайцинской империи. Простые же монголы, вызванные от отдаленных кочевий, не в состоянии даже сказать название какого-либо примечательного места»³⁵⁶.

³⁵⁶ Россия — Монголия — Китай: Дневники монголоведа О. М. Ковалевского. 1830–1831 гг./Подготовка к изданию, предисловие, глоссарий, комментарии и указатели Р. М. Валеева, И. В. Кульганек. Казань, 2006. С. 20.

Соответственно, всё вышесказанное отражало трудности путешествия во все предыдущие времена, в том числе и проезд по Монголии в 1820 г.

Вообще, движение по Монголии той осенью сопряжено было со многими дополнительными трудностями. Уже в сентябре выпал снег, материальное обеспечение русского каравана было недостаточным для суровых условий Гоби. В работе Е. Ф. Тимковского, в частности, читаем:

«... Ван, заседавший в Ямуне, не согласился на отвод юрт для Миссии в передний путь, потому что сего прежде не бывало; притом Миссия едет на своем коште и по своей надобности. Приметив наше огорчение, и когда Начальник Миссии сказал, что мы весьма страдаем от стужи в Гоби, провожатые успокоили нас тем, что они надеются своими распоряжениями доставлять нам по две юрты, аргал и воду»³⁵⁷.

Организационные способности и личные качества позволяли не только решать все возникавшие в пути проблемы, но и способствовали созданию здоровой атмосферы в большом и разнородном коллективе путешественников. Например, уже в первый день движения по Китаю «был ужин у Начальника Миссии, на который приглашены все путешествовавшие...»³⁵⁸, а это было около ста человек.

Проехав через границу, первую большую остановку русский караван сделал в одном из трех административных центров Внешней Монголии и главном религиозном центре монгольского мира — Урге³⁵⁹. Вечером 15 сентября

³⁵⁷ Тимковский Е. Ф. Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 гг. Ч. 1. СПб., 1824. С. 123.

³⁵⁸ Там же. С. 21.

³⁵⁹ Китайское официальное название — Кулунь.

1820 г. архимандрит Петр (Каменский) вместе с вверенной ему Миссией расположились на русском подворье. Уже здесь возглавивший Миссию синолог встречал знакомых китайских чиновников. Е. Ф. Тимковский отмечал в своей работе:

«В 10 часов посетил Начальника Миссии и меня посланный от Вана и Амбаня Заргучей Ургинского Маймачена Хоай, бывший в Пекине, со стороны Китайского Правительства, учителем Манжурского и Китайского языков Г. г. Каменского, Липовцова и Новоселова до 1808 года. С ним пришли два Битхеши (Манжурь) из Ургинского Ямуна (приказ) и Теригун Харцагай Мерген, бывший весной сего года в Иркутске курьером»³⁶⁰.

Лишь 24 сентября и вопреки пожеланиям сопровождавших Миссию маньчжурским чиновниками местный монгольский правитель разрешил русским продолжить движение на Пекин. В записках отмечалось:

«Сентября 25... Мы поднялись в 4 часа утра, в 8 часов отправили наш обоз из Урги, и наконец в 10 часу, простясь с Теригуном Харцагаем, почтенным Тусулахчием Демитом и Закирохчием Дармацапом, оставили грязное Ургинское подворье, к душевному удовольствию всех Членов Миссии»³⁶¹.

По пути в Пекин по территории Цинской империи встречались непредвиденные задержки. Уже в Урге рус-

³⁶⁰ Тимковский Е. Ф. Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 гг. Ч. 1. СПб., 1824. С. 94.

³⁶¹ Там же. С. 146.

ские узнали о смерти китайского императора, а местные власти не одобрили желание миссионеров не задерживаться в этом городе более 4-5 дней. В дневнике одного из миссионеров в записи от 5 декабря 1820 г. отмечалось:

«От о. архимандрита Иакинфа услышали мы объяснение причины, для чего нас продержали дольше обыкновенного в Урге и в Калгане. Известие о кончине богдохана было получено в Урге тогда уже, когда миссия приблизилась к сему месту верст на 50, то ургинский Ван, не желая нас беспокоить возвращением в Кяхту, представил Пекинскому трибуналу Иностранных дел, что российская миссия может въехать в Пекин в сем же году только по истечении китайского 27-дневного траура. Впустить россиян в столицу прежде Ван находил предосудительным китайской политике и их погребальным обрядам»³⁶².

Затем этот сюжет оказался в книге Е. Ф. Тимковского в следующей редакции:

«Миссию нашу задерживали долее обыкновенного в Урге и Халгане. Известие о кончине Хуандия Цзяцина получено в Урге тогда уже, когда Миссия выехала из России за границу. В следствие сего Ургинский Ван Юндун Дорджи, не желая беспокоить наше Правительство возвращением нас в Кяхту, представил Пекинской Палате иностранных дел, что Российская Миссия может прибыть в Пекин сего же года, только по истечении Китайского 100-дневного траура...»³⁶³

³⁶² ГАКК. Ф. 805. Оп. 1. Д. 102. Л. 133.

³⁶³ Тимковский Е. Ф. Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 гг. Ч. 2. СПб., 1824. С. 21-22.

Продвижение Миссии по территории Цинской империи несмотря на то, что формально русские считались гостями императора, было сопряжено со значительными расходами, в том числе на подарки-взятки чиновникам. В книге Е. Ф. Тимковского можно прочесть:

«Мы принуждены были платить за него, равно как и за все съестные припасы, большие пошлины в пользу бедных здешних чиновников»³⁶⁴;

«...по всем соображениям опасаясь, чтобы приведенное уже почти к концу дело, относительно переезда Миссии до Пекина, не было испорчено нашими провожатыми к великому ущербу казны нашей, Начальник Миссии обще со мною положил удовлетворить, по возможности, любостыжанию Битхешия и Бошка»³⁶⁵.

Очень сложно всегда проходили переговоры о суммах оплаты за транспорт, особенно при переезде из Калгана в Пекин. Вообще, на плечи архимандрита Петра (Каменского) ложились значительные «представительские» расходы.

Последняя большая остановка была сделана в Калгане, когда 18 ноября миссионеры вступили собственно в Китай. Путешественники писали:

«Мы заметили Халган не прежде, как подъехали к Великой, полуразрушившейся стене оною, сложенной из кирпича между двумя крупными скалами... Великое множество народа собралось смотреть путешественников Россиян... Когда же пере-

³⁶⁴ Там же. Ч. 1. СПб., 1824. С. 341.

³⁶⁵ Там же. С. 348.

брались через обвал в стене и приблизились к огромным городским воротам, то Битхеша просил всех нас пройти через ворота пешком, как при первом входе в светлейшую Дайцинскую Империю»³⁶⁶.

В полдень следующего дня, как отмечалось в книге Е. Ф. Тимковского,

«Начальник Миссии и я с Обозным, казачьим старшиною и Переводчиком, были угощаемы столом в комнатах Битхеша Чена. Здесь оный обыкновенно дается проезжающим Россиянам на счет Китайского Правительства... За сим обедом возникло у нас недоразумение с хозяевами»³⁶⁷.

Конфликт, по ходу которого русская делегация хотела демонстративно покинуть обед, возник из-за того, что китайские власти не выпускали казаков из города для покупки фуража. Это «недоразумение» было благополучно разрешено лишь после того, как китайцы сами привезли сено на русский постоялый двор.

В Калгане архимандрит Петр (Каменский) установил связь с начальником предыдущей Миссии, архимандритом Иакинфом (Бичуриным):

«Часу в 8 вечера явился к нам Китаец Лочжу, посланный из Пекина Начальником нашей Миссии, там находившейся, к О. Петру с письмом от 13 Ноября. О. Архимандрит Иакинф, с шестью Членами своей Миссии, приветствовал нас с прибытием в пределы Китая, известил, что все пригото-

³⁶⁶ Там же. С. 337.

³⁶⁷ Там же. С. 339–340.

но к принятию новых Членов Миссии в Пекинском монастыре и проч. ... Нояб. 20. О. Архимандрит Петр отправил нарочного обратно, в Пекинский монастырь»³⁶⁸.

Из Калгана пять казаков во главе с сотником Захаровым, сопровождая своих лошадей и скот, отправились в кочевья чахар-монголов на зимовку. 24 ноября сама Миссия выехала из Калгана в сторону Пекина:

«Обоз, на 27 верблюдах и 25 муллах. Двинулся в 10 часу утра, под надзором наших казаков, а в 11 часов отправились и Члены Миссии, в сопутствии Битхешия и Бошка. Сверх того, до следующего города Сюаньхуа-фу провожал Миссию Бошко, отряженный для сего Халганским Инспектором, т. е. Гузай-Амбанем»³⁶⁹.

Таким образом, архимандрит Петр (Каменский) во главе Миссии и в сопровождении казачьего конвоя осенью 1820 г. проехал через всю Монголию с севера на юг. Путешественникам пришлось преодолеть не только тяготы дороги через пустынные территории в суровых природно-климатических условиях, но и препятствия дипломатическо-церемониального характера. Но даже экстраординарные препятствия, такие как смерть китайского императора, не помешали о. Петру привести вверенную ему Миссию в Пекин в запланированные сроки.

Позднее Е. Ф. Тимковский, подводя итоги своей поездки в Пекин, написал:

³⁶⁸ Там же. С. 341.

³⁶⁹ Там же. С. 352.

«Таким образом, совершено путешествие новой Миссии от Кяхты до Пекина... Прозорливое наше Правительство своею попечительностью сохранило всех в спокойствии; а властители Китая явили новый знак дружества особенным вниманием к Российским путешественникам. Путь наш вне пределов России, конечно был не весьма отдаленный, но продолжался до Пекина и обратно около полугода. Глубокая осень и суровая зима под открытым небом, в течении 2,5 месяцев каждый день встречали нас препонами и неприятностями; палящий зной и бедность самой природы в каменистых степях Монгольских не раз угрожали нам совершенным расстройством здоровья. Не в чувствах малодушного сетования, но с должною откровенностью скажу, по собственному опыту, что сей путь есть странствие безпокойное, трудное и даже опасное...»³⁷⁰

4.3. Первые дни в Пекине

Русский караван во главе с архимандритом Петром (Каменским) достиг Пекина к началу декабря 1820 г. Миссионеры были встречены на подъезде к городу. Путешественники писали:

«Явился к Начальнику Миссии окрещенный Езуитами Китаец Ханцзю, выехавший на встречу из Пекина. Китаец сей ремеслом печник, занявший после отца должность сию при Российском подво-

³⁷⁰ Там же. Ч. III. С. 147–148.

рше; он известен был нашему Архимандриту и прежде, в бытность О. Петра Студентом при Пекинской Миссии, с 1795 по 1808 год»³⁷¹.

1 декабря была датирована следующая запись:

«Вступили мы в Пекинское предместье. Тут выехали на встречу к нам Студенты прежней Миссии Сипаков и Зимайлов и, по распоряжению О. Иакинфа, привезли с собою четыре лучшие Китайские коляски для въезда в Пекин новых Миссионеров»³⁷².

Миссионеры с частью конвоя торжественно проследовали по китайской столице в Южное подворье Российской духовной миссии в Пекине:

«... достигли Русского кладбища... Поклонившись праху наших соотечественников, мы отправились дальше... Проехав версту от кладбища, Миссия наконец вступила в столицу Китая воротами, называемыми Аньдинмынь, в церемониальном порядке... улицу Чанань, мимо Шаманского храма Манжуров с левой и Трибунала иностранных дел с правой стороны, до мраморного моста (Бейцяо) на канале или речке Юйхэ. Спустившись с сего моста и оставя дворцовые ворота вправо, мы проехали с версту на юг вниз по каналу; мимо моста Чжун Юйхэцяо повернули к западу в улицу Дунцзямисянь, и въехали на право, в великолепные ворота Российского подворья в первом часу по полудни. У монастырских ворот новую Миссию встретили

³⁷¹ Там же. Ч. I. С. 381.

³⁷² Там же. С. 382.

Иеромонахи прежней Миссии Серафим и Аркадий, а равно церковник Яфицкий. Мы пошли в монастырскую церковь; потом в настоятельские покои, где О. Архимандрит Иакинф ожидал и принял новоприбывших гостей»³⁷³.

После обеда состоялась встреча архимандритов Иакинфа (Бичурина) и Петра (Каменского) с ответственными за Миссию китайскими чиновниками. Вечером закончилось размещение вновь прибывших русских в Пекин, миссионеры заняли иеромонашеские покои монастыря, а светские члены экспедиции поселились во флигеле Посольского двора.

Благодаря сохранившемуся дневнику, который вел один из членов X миссии³⁷⁴, мы можем в деталях познаться с жизнью архимандрита Петра (Каменского) и членов обеих Миссий в к. 1820 — первой пол. 1821 гг. Здесь необходимо упомянуть, что этот дневник с небольшой правкой был включен в книгу «Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 гг.»³⁷⁵.

Первые дни пребывания X миссии в Пекине были отражены в дневнике следующим образом:

«ДЕКАБРЯ 2-го. В 10 часу утра принесено было новою миссиею благодарственное молебствие Господу Богу, иже великою помощию благополучно достигли мы цели нашего предназначения. При вы-

³⁷³ Там же. С. 383–384.

³⁷⁴ Скорее всего, дневник вел Н. И. Вознесенский или А. И. Сосницкий.

³⁷⁵ Дацышен В. Г., Пономарева С. А. Новый документ по истории российской духовной миссии в Пекине // Сибирь на перекрестке мировых религий: Материалы Третьей межрегиональной конференции. Новосибирск, 2006. С. 293–295.